

Марина Медовская



Я тебе посылаю
любовь

12+

Марина Васильевна Ледовская

Я тебе посылаю любовь. Книга первая.

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63930017
SelfPub; 2023*

Аннотация

Скромная девушка по имени Надежда после очередной любовной неудачи поддается на уговоры своей авантюрной подруги Виктории снять домик в деревне. Вопреки их ожиданиям, неприветливый хозяин дома Вадим не уехал, и им придется провести отпуск вместе. Однако чистый воздух, прогулки по лесу, солнце, река – все это оказывает благотворное влияние на Надю. К тому же она чувствует все нарастающую симпатию со стороны хозяина дома. Досадно лишь появление его брата – Николая. Более красивого, но надменного мужчины Надя не встречала. И уж тем более, она и не догадывается о том, что в один прекрасный день он признается ей в любви, однако при этом добавив, что Надя ему не ровня. Братья становятся соперниками. Ситуация осложняется. Разочарованная, Надя уезжает, забыв о том, что приметы купальской ночи говорят о том, кто на самом деле ее суженый. Спустя время Надя случайно встречает Николая и понимает, что была во власти предубеждения. И решает дать шанс и ему, и себе. Шанс стать счастливыми.

Содержание

Марина Ледовская

Я тебе посылаю любовь. Книга первая.

Удивительно, как могут вдохновлять люди, с которыми ты незнаком лично. Пленяясь их образами, ты самозабвенно ищешь истину. Колину Ферту – британскому актеру.

Глава 1

Он опять не пришёл. И не позвонил. Это уже становилось почти обычным явлением. И даже сегодня, в этот замечательный вечер, когда они договорились встретиться, чтобы отметить успешную сдачу её сессии, он опять не пришёл...

Надя тоскливо посмотрела на красиво сервированный стол – она так старалась! Даже отпросилась с работы после обеда, приготовила исключительно любимые Мишей блюда, охладила дорогое шампанское.

Она почему-то была уверена, что после сегодняшнего вечера всё изменится к лучшему. Ведь Миша сам предложил устроить праздник! Но он опять не пришёл. Мобильный был отключен, дома никто не брал трубку.

Надя вздохнула и погасила свечи. Хрустальные бокалы на длинных ножках перестали играть на свету. Запотевшая бутылка игристого начала согреваться, любимый Мишкин пи-

рог с рыбой уже остыл... Как и чувства. Они тоже остыли.

Пытаясь отвлечься от печальных мыслей, Надя села к телевизору, взяла в руки пульт. На экране яркими красками и усиленным звуком царствовала реклама.

Реклама – она была глупа, бестолкова, смешна, лирична и надоедлива. Её все ругали, не на шутку раздражались, но ничего не менялось. Реклама стала неизменным спутником каждого, кто хотя бы ненадолго включал плоский ящик. Надя нашла единственно верное средство – убирать звук, переключение каналов – бегство от рекламы – уже не помогало. Телевизионщики умудрялись гонять рекламные ролики одновременно по всем каналам. Причём на одном канале вам только что рассказывали о прекрасном средстве от диареи, как через секунду на другом канале появлялось всё то же страдающее лицо, которое вот-вот осчастливят. Это для тех, кто не понял.

Вообще, Надя смотрела «ящик» редко. Причин было две: ей мало нравилось предлагаемое меню, и не было свободного времени, которое необходимо для телевизора.

Надя работала и училась. Ездила вечерами в университет. Приезжала поздно, от усталости валилась с ног. Хорошо, что на работе загрузка не была полной – можно было найти время для занятий.

Надя считалась прилежной ученицей. И не только потому, что была ответственной и серьёзной, а скорее из-за возраста – ей уже стукнуло двадцать шесть, а это не шутки! В группе в

университете все девчонки были на шесть-семь лет моложе.

Двадцать шесть лет! Надежда Андреева всё чаще задумывалась о своём возрасте. И мысли эти были отнюдь не веселыми. Но хуже всего то, что порой просто доставали многочисленные родственники, которые, наверное, «из большой любви» и безупречного воспитания при встрече неизменно задавали вопрос: «Ты ещё не замужем?» При этом глаза были удивлёнными, на лицах – искреннее сочувствие.

Надя была воспитана так, что чаще всего терялась. Либо проявляла поистине ангельское терпение, что-то пыталась объяснить, даже немного оправдывалась. А потом долго не могла избавиться от чувства горечи и безысходности. Мама, конечно, утешала. Хотя и ей доставалось. Что стоили язвительные высказывания старушек во дворе: дочь твоя, наверное, с дефектами, раз никто замуж не берет!

Поэтому Надя и согласилась на знакомство. Согласилась почти сразу, хотя сама ни разу не видела потенциального жениха. Мама лишь сказала, что он – сын её давней приятельницы, с которой они не виделись много лет. А тут вдруг встретились, разговорились... Оказалось, у тебя товар, у меня – купец!

– Сколько же ему лет? – поинтересовалась Надежда. Она сидела в кресле, подтянув колени к подбородку.

Мама пожала плечами.

– Он не намного моложе тебя, – был ответ.

Не намного – это на целых шесть лет! Ужас!!! Просто ка-

тастрофа! Надя узнала об истинном возрасте жениха, когда уже познакомилась. Нет, он не выглядел на двадцать лет. Средний рост, крепкий такой молодой человек, даже полноватый, плюс аккуратная светло-русая бородка, светлые вьющиеся волосы. Лицо добродушное, улыбка мягкая. Никто и не догадывался, что Миша моложе её на целых шесть лет... нет, даже почти семь!

Сначала было всё: первые свидания, наполненные нежной романтикой, остротой новых ощущений, прекрасным чувством неизведанного, неизвестного. В это время можно строить иллюзии, вдохновенно дорисовывать образ, придавая ему черты несбывшихся желаний, которые теперь обязательно сбудутся.

Был жуткий ливень, когда любимый спешил к тебе, пряча за пазухой маленький букетик ландышей. Тебе это показалось таким трогательным и милым, что ты вспомнила мелодраму о любви и расплакалась.

Мальчик добавил, что прилетел к тебе на крыльях любви и пренебрег отдыхом после ночного дежурства. Желание увидеть тебя оказалось сильнее. Эта романтическая чушь сделала тебя такой счастливой, что ты чуть не захлебнулась от нахлынувшего счастья. Любимый смотрел на тебя, глупо улыбался, с него капала вода. Героем быть приятно, даже если после подвигов ты и простудишься.

Был и первый поцелуй в подъезде. Конечно, до этого ты целовалась и раньше, но с другими. Миша всё не решался.

И тогда ты взяла инициативу в свои руки. Ты не знала, понравилось ли ему так целоваться, он лишь промямлил: «Ты меня чуть не задушила».

Были и знакомства с родителями, его братом, женой брата, тётками, дядьками, двоюродными братьями и сёстрами. Ты нравилась всем, и не потому, что была красиво или модно одета – ты была умна. И знала как себя вести. Вот и всё. Ты знала, что надо говорить, как поддержать беседу, где и над чем можно смеяться. Ты умела молчать и внимательно подкупающе слушать. Ты нравилась всем, кроме него...

Нет, сначала Миша что-то к тебе испытывал. Ведь для него это был самый первый опыт. Да, до твоего появления у него никогда не было девушки, и все в этой большой и дружной семье считали его маленьким мальчиком и большим неудачником. Ты это поняла и всячески хвалила его, ты делала всё, чтобы возвысить его в глазах других. Мишенька уже не мальчик, он – мужчина. Разве вы этого не видите?

Он понимал всю пользу от присутствия в своей жизни Надежды Андреевой, понимал и терпел...

Надя опять посмотрела на экран телевизора, наконец, включила звук и переключила канал. Все равно телефон молчит.

Фильм шёл уже больше получаса. Экранизация детективного романа одной из ныне популярных писательниц. Детективы не читали разве что ленивые, либо те, кто сознательно предпочитал другую литературу.

Например, Кастаньеда, Эко, Хёг, Льоса. Надя любила их сложный язык, философские тексты, неоднозначность и притягательную непонятность с первого прочтения. Ей нравилось ехать в метро, ощущая в руках толстый томик Льосы, погружаться с головой в удивительный мир романов латиноамериканского философа. Нравилось искать смысл в загадках книг Умберто Эко. Читая подобного рода литературу, ты не просто узнаешь то, о чём хотел поведать писатель, ты растёшь, совершенствуешься, глубже проникаешь в мир человеческого бытия и сознания. И всё же ты остаешься женщиной. И на фоне изумительной философии о смысле жизни, ты хочешь быть любимой. Поэтому иногда хочется почитать и другое, ну хотя бы детектив с элементами романтики.

В перерывах между сверх умными книгами Надя Андреева любила читать как раз одну из популярных детективщиц. Замечательный язык, притягательная динамика, тонкая ирония и потрясающий оптимизм. Здесь всегда зло наказывалось, а главная героиня находила свою любовь, даже в самых безнадежных ситуациях. Госпожа писательница справлялась со своей задачей достойно, в рамках жанра.

Надя вслушалась в диалог героев и вспомнила, что роман, по которому был снят фильм, раньше назывался иначе. Интересно, почему автор поменяла название? Она словно дала другое имя своему детищу для того, чтобы изменить его судьбу. Главного героя играл очаровательный Лазарев-младший. Надя невольно залюбовалась. Он обладал настоящей

мужской красотой, не слащавой, не смазливой – упрямые губы, нос с чуть заметной горбинкой; смотрел выразительными глазами, которые блестели за стеклами стильных очков, бесспорно, был притягательно сдержан, а его надменное высокомерие почему-то не отталкивало. Герой во всём умело контролировал свои чувства, был твердолюб, решителен и чертовски умен. Он мало и едко говорил, отфутболивал людей бесцеремонно и равнодушно, причем Лазарев был так убедителен, что Наде показалось: он играет самого себя. Она была уверена, у героини совсем нет шансов, и он ненавидел её почти с самой первой встречи, считая амбициозной и продажной журналисткой, но потом... в самый неожиданный момент герой Лазарева признавался, что любит эту самую журналистку и больше не в состоянии себя сдерживать. Страсть его была потрясающей, оглушительной. Она сбивала с ног, покоряла и сводила с ума. Как там вещала автор романа? Чем дольше мужчина себя сдерживает, тем сильнее его страсть. И вам не поздоровится, когда она вырвется наружу.

Надя Андреева вздохнула. Нет, таких мужчин в природе просто не существует.

Глава 2

Звонок был резким и неожиданным. Хотя, почему неожиданным? Миша все-таки пришел! Надя сорвалась с дивана, вприпрыжку побежала к двери. Сердце радостно колотилось

в груди. Может быть, не все так уж и плохо?

За дверью стояла Вика. Она широко улыбнулась Наде, лицо которой стало таким, словно она только что съела лимон.

Вика не вошла, она вплыла в квартиру. Тряхнула рыжими локонами волос. Пламенно-рыжими.

– Не пришел? – Вика быстрым взглядом окинула сервированный стол. – Я так и думала! Надя, ты – мазохистка.

– Голодна? – без энтузиазма спросила Надя. Разочарование было настолько сильным, что она села.

– Нет, но съем огромный кусок пирога, чтобы этому монстру досталось меньше, если он все-таки соизволит явиться. Хотя я лично в этом сомневаюсь, – Вика покачала головой, схватила со стола пирог, тут же уронила на пол оторвавшуюся аппетитную корочку. – О, да здесь есть даже шампанское! – воскликнула Вика. – И как это я сразу не заметила. Может, хлопнем по бокальчику? Пропадет ведь.

– Мне все равно, – пожала плечами Надя и уныло посмотрела в окно.

– А мне – нет! – густая пена быстро образовала две белоснежные шапки. Вика суетливо подхватила бокалы и один из них протянула подруге.

Викуся всегда была быстрой, чересчур быстрой. Просто реактивный самолет. Она и решения принимала быстро. Имела кучу поклонников, меняла их чаще, чем следовало, и никогда ни о чем не жалела. По крайней мере, она это не озвучивала. Одно знала твердо – счастье ее ждет впереди. И

надо быть готовым к встрече с ним. А то, не дай Бог, счастье на горизонте, а ты замужем! Проблем не оберешься. Маниакальное стремление подружки найти мужа она не разделяла, а ее всякие вздохи, сожаления, расстройств и неудачи считала потерей времени. Да, мы не супермодели, и не каждому нравимся! Ну и что? Между прочим, на свете море мужчин, которые сочтут тебя красавицей. А не сочтут – мы им об этом скажем. Не захотят слушать, значит, глупцы. А зачем нам мужчина с недостатком ума?

Нельзя не признать, что Вика была хорошенькая, даже очень. Она обладала густыми волосами, цвет которых менялся с поразительной быстротой. Она и сама не помнила, какой у нее был свой природный цвет. В последнее время пребывала в образе женщины-вамп. Рыжие локоны до плеч этому весьма способствовали. Крупные голубые глаза, длинный узкий нос и губы в стиле «а-ля Анжелина Джоли». Ну а о фигуре и говорить нечего. Вика ела все подряд в большом количестве и всегда оставалась стройной. Наде приходилось бороться с лишним весом, ограничивая себя. Как только она делала передышку, коварная стрелка весов тут же отклонялась вправо. Борьба была изнурительной и малоэффективной.

– Выпьем за то, чтобы все в нашей жизни происходило так, как мы желаем! – торжественно произнесла Вика и осушила бокал.

Надя лишь пригубила. Настроение было хуже некуда. В

чем же она все-таки ошиблась? Наверное, она, прежде всего, не красивая, не юная, закомплексованная женщина, которой просто не досталось любви. Это чувство на нее не рассчитали. И если уйдет Миша, Надежда Андреева навсегда останется одна...

– Ты бы видела сейчас свое лицо, – сказала Вика, она крутила в руках бутылку шампанского и, силясь прочитать информацию на этикетке, близоруко щурилась.

Вика пыталась от всех скрывать свою близорукость, не носила очков, линз боялась как огня. Когда-то очень давно, еще в детстве, один мальчик, к которому маленькая Виктория Корецкая вспылала страстью, обозвал ее очкариком и слепухой. Перед этим на Викусю мама надела смешные круглые очёчки, которые и привлекли внимание мальчика. Удар был ниже пояса. От разочарования и обиды Вика разревелась, сорвала с себя ненавистные очки и поклялась никогда их не носить. Она выросла, стала весьма привлекательной девушкой, но та детская обида навсегда осталась в душе. Надя – единственная, кто знал об этом. Они дружили с десяти лет. В это время Вика с семьей переехала в район, где жила Надя.

– И что с моим лицом?

– А-ё-ё, шире вселенной горе моё... – пропела Вика и, наконец, отстала от бутылки. – Как же я ненавижу твоего малолетнего садиста! Будь моя воля – проучила бы так, чтобы запомнил на всю жизнь.

– Викусь, не надо. Я сама виновата, – Надя опять посмот-

рела на телефон. И зачем только его придумали? Иногда муки ожидания перечеркивают всю пользу от его применения...

Вика села рядом с подругой, обняла ее за плечо.

– Может, поговорим?

Надя невольно улыбнулась. Викам нравилось играть роль психолога. Но сегодня Надежда не была настроена на обсуждение личных тем. Кроме того, подруга с самого начала не влюбилась Мишу. Не влюбилась и все. Миша ее вообще старался не замечать, и лишь однажды высказался, что Вика Корецкая – девица легкого поведения. И Надюше лучше с ней не общаться. Поэтому они никогда и не пересекались.

– Я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты была счастлива! –

Вика чмокнула Надю в щеку.

Андреева кивнула и вдруг беззвучно заплакала. Вот те на! Вика моментально вытащила из сумки бумажный платочек и принялась вытирать подруге слезы.

– Ну, глупышка! Не расстраивайся! Все образуется, – Вика налил стакан минеральной воды и чуть ли не насильно влила в подругу.

Зазвонил мобильный телефон в сумочке Корецкой, Надя даже вздрогнула.

– Да, – недовольным голосом сказала в трубку Вика и посмотрела в потолок. Знаком показала Наде, что звонит кто-то ненужный сейчас. – Нет, я не дома... Нет, сегодня не могу! Завтра задержусь на работе, встречать не надо. Я позвоню

сама, Петь, мы, кажется, договаривались. Всё, hasta la vista!

Вика отключила телефон, бросила его в сумочку. Надя уже немного успокоилась. Вика встала посреди комнаты, кусая верхнюю губу, о чем-то сосредоточенно думала. Надежда напряглась. В таких ситуациях Вика обычно выкидывала какой-нибудь фортель. Главное, что отвертеться было невозможно!

– Надюша, у меня созрела хорошая идея, – наконец выда-ла Корецкая и улыбнулась. – Мы убьем сразу двух зайцев. Ты можешь взять на работе отпуск за свой счет, скажем, недели на две?

– Отпуск за свой счет? Зачем? – Надя высморкалась, посмотрела на себя в зеркало. Глаза побитой собаки, нос красный, тушь размазана.

– Зачем люди уезжают в отпуск? – Вика пожала плечами, – к примеру, можем съездить на курорт. Куда-нибудь за границу. Как тебе такая идея?

– Мне такая идея не нравится, – отозвалась Надя, – не хочу за границу и уж тем более, на курорт. Вот если бы куда-нибудь на природу, тогда можно было бы подумать. Мне нравится деревня, там сейчас хорошо. Но я никуда не собираюсь уезжать, – быстро добавила она.

– Деревня? – переспросила Вика, – а что, идея замечательная, – она опять включила свой телефон и принялась в его меню что-то искать. – Мы должны уехать из города, сменить обстановку. Это будет полезно и мне, и тебе.

– Не понимаю, куда мы поедем? И что это за польза?

– Я отдохну от своего навязчивого Петюни, а ты – от своего малолетнего Мишеньки.

– Я и так его мало вижу! – возразила Надя.

– Вот и замечательно! Ты, наконец, поймешь, как тебе хорошо без него. Более того, мы никому не сообщим, где мы. Пусть поволнуются, – Вика просияла, увидев в телефоне нужный номер.

– Кому ты собираешься звонить? – не утерпела Надя, она все больше нервничала. Опять эти Викины штучки! Надумала куда-то ехать, да еще тайком от всех. А если Миша позвонит? Он ведь может рассердиться.

– Давай, бери трубку, – Вика топнула ногой и махнула рукой Наде, – «молчи!» – Ну, давай же, Антошенька! Я знаю, что ты обижен на меня, но ведь мы расстались друзьями! Я же не виновата, что этот дурень – Петька показался мне супермужчиной... Да! – крикнула Викуся и вся засветилась.

Антон – бывший ее поклонник, взял трубку телефона. Надя помнила Антона – небольшого роста, щупленький молодой человек, очень умный, деловой. Он занимался каким-то бизнесом, ездил на спортивной машине и все время куда-то торопился. Хотя к Вике испытывал самые настоящие чувства, даже предложил ей замужество.

– Тошечка, как ты поживаешь? – промурлыкала хитрая Виктория Корецкая. – Я так рада слышать твой голос. А еще лучше бы на тебя посмотреть, мы давно не виделись...

Чтобы не мешать, Надя ушла на кухню. Стало понятно, что подруга уже не остановится в своем намерении. Вот только зачем ей Антон? Они расстались полгода назад. Вика легкомысленно поменяла его на Петра, от которого теперь не знала, как избавиться. Он был безумно влюблен и вел себя глупо и навязчиво. Так же как и Надя с Мишенькой. Вике было лишь жалко Петра, и все. Любовь растаяла как дым. Говорят, что любить самому намного лучше, чем быть любимым. Надя сомневалась в этом.

Вика влетела в кухню.

– Все в порядке! В эту пятницу мы едем отдыхать в деревню к другу Антона. Кто знает, может, мои отношения с Тошенькой возродятся? А ты просто отдохнешь, не волнуешься, хозяина не будет. Он в командировке. И не возражайте, Надежда Васильевна, мы едем отдыхать!

Глава 3

Антон усиленно чесал затылок до тех пор, пока не стало больно. Надо бы проделать дырку в голове, чтобы из нее улетучились все глупости.

Антон не любил, когда в его жизни получалось так, как он не планировал. Неожиданные звонки, неожиданные встречи, срывы из-за внезапно возникших обстоятельств. Это приводило к некому хаосу в жизни, в котором Антон не любил разбираться. Он предпочитал, чтобы все было ясно, четко и от-

лажено. Один лишь раз он допустил ошибку, когда влюбился в Вику – вот уже поистине кто не признавал ни порядка, ни логики. Говорят, что противоположности притягиваются, наверное, это и было как раз подобного рода притяжение. Антон тогда просто голову потерял, чуть ли не с ходу предложил Вике пожениться. Думал, что осчастливит ее – не тут-то было! Вика предпочитала свободу, отчего стала еще желанней. Впрочем, вскоре она, особо не задумываясь, поменяла Антона на другого. Антон тогда чуть с ума не сошел. Хорошо, что загрузка на работе была такой, что он невольно отвлекся от душевных терзаний и мук. Постепенно страдания отошли на второй план, а потом словно затерялись в утренней дымке... Образ Вики стал меркнуть. И вот теперь она снова появилась. Антон тупо смотрел на телефон, который весело подпрыгивал от вибрации и высвечивал имя «Вика». Брать или не брать трубку? Зачем она звонит? Неужели ему мало того, что он пережил? О, женщины, коварство вам имя!

Антон схватил трубку на последнем звонке. Стук сердца заглушал голос, ставший уже далеким и почти нереальным.

Чувство было двояким: безудержная радость оттого, что она все-таки позвонила, явно не просто так, и досада на самого себя, что он опять попался как глупец. Не смог проигнорировать, пройти мимо, изобразить безразличие. Хуже того, наврал с три короба, пообещав, что отвезет Вику и ее подругу в деревню. Антон не был уверен, что Вадим на это согласится. У того сейчас были не лучшие времена – разби-

тое сердце от неудавшейся любви, от неискренности и лжи, в которой оказалась замешана очаровательная девушка по имени Настя. Антон ее видел один раз, впечатление осталось сильным. Он еще тогда сказал Вадиму, мол, не упusti свой шанс. И Вадим не упустил. Только из этого не вышло ничего хорошего. Настя оказалась замужней женщиной и, не сказав ни слова, исчезла из жизни Вадима. Вот так... просто, без объяснений. Вадима можно было только пожалеть. Но он не хотел жалости. Он остался в деревне Беляниново, не отвечал на звонки, не хотел разговаривать даже с Антоном. В Беляниново даже пару раз навевывалась бывшая жена Вадима – Юлия. Но и она уехала ни с чем.

«Если не дозвонюсь, придется ехать в Беляниново», – подумал Антон, прижимая к уху телефон.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...» – безжалостно сообщил женский голос. Это что, нарочно – получать отказы именно от женщин?

Антон тягостно вздохнул, прикинув, что если сейчас сядет в машину и отправится в Беляниново, то вернется за полночь. А завтра на работу, да еще необходимо отпроситься на целых две недели. Если все получится. Пока, конечно, непонятно, есть ли шансы восстановить близкие отношения с Викой, и стоит ли овчинка выделки. Но так хочется еще раз ощутить вкус поцелуев этой изменницы, утонуть в ее голубых глазах, вдохнуть запах ее кожи. И еще хочется почувствовать себя победителем. Ведь Вика позвонила сама...

Антон сел в машину. Дорога заняла меньше времени, чем он рассчитывал. Это добрая примета. Главное теперь убедить Вадима. Между прочим, ему тоже будет на пользу общение с девушками. Кто знает, может быть ему понравится подруга Вики. Как ее там? Надежда! Антон помнил только имя, ни лицо, ни фигура в памяти не остались. Странно, у него всегда была хорошая память на лица. Неужели Надя такая безликая, неинтересная? Если это так, то даже лучше. Клин клином вышибают.

Вадим закрыл магазин, проверил замки, сигнализацию, посмотрел на часы: сегодня задержался допоздна. Зато под вечер явилась целая бригада ремонтников из соседнего с деревней коттеджного поселка. Они сделали покупок на месячную выручку. Конец июня – сезон, летом вообще многие делают ремонт. Кроме того, возле деревни Беляниново находился коттеджный поселок, который расширяли. Вадим был доволен, что работы у него прибавилось – некогда циклиться на проблемах, жалеть себя и отчаиваться. Настя исчезла, и Бог с ней! Может и к лучшему, что не пришлось объясняться, лгать, оправдываться.

В первые дни после ее исчезновения Вадим несколько раз кидался к машине, чтобы отправиться в столицу на поиски, но каждый раз его что-то останавливало. Если все так получилось, значит, в этом есть свой умысел, причина. Отношения только начали завязываться, первый поцелуй, объятия и... Они только-только начали познавать друг друга. Ин-

тересно, что хуже: когда ты успел по-настоящему влюбиться, впус­тив в свою жизнь женщину, впус­тив ее в свое сердце и душу. Ты растворился в ней и потерял ее, либо ты в самом начале этого пути и еще не осознал всей глубины чувств, эмоций, еще не познал всей прелести и опять потерял ее? Позна­ть и потерять или потерять, так и не познав?

Вадим взъерошил свои короткие волосы, потер затылок. Как понять, что тебе полезно, а что – нет? Как предугадать, правильный ты делаешь выбор или опять ошибаешься? Набивая шишки все на тех же местах, спотыкаясь там, где всегда спотыкался. И грабли все те же.

– Вот ты где! – закричал Антон, шустро выпрыгивая из машины.

Он сиял как начищенный самовар. Хотя к Антону это сравнение вряд ли подходило. Худенький, щеки провалены, лицо узкое. Лишь глаза – лукавые, озорные.

– Привет, каким ветром тебя занесло? – недовольно спросил Вадим. Он по опыту знал, что друг просто так не явится, тем более середина недели, вечер.

– Я тоже рад тебя видеть, – улыбнулся Антон. – Есть разговор. Вадим, пожалуйста, выслушай меня! Дело крайней важности.

Вадим вздохнул. От Антона так просто все равно не отделаешься. Он умел достать любого. Добиться невозможного. За это его ценили на работе и быстро повысили.

Жуя бутерброды и прихлебывая горячий чай из трав, зава-

ренный Вадимом, Антон трещал без умолку. Рассказал про Вику, про отношения с ней полугодовой давности, свои страдания, безрезультатные попытки ее вернуть. А теперь она позвонила сама.

– Ты притащился в Беляниново, чтобы поведать мне эту душещипательную историю? – Вадим сделал еще четыре бутерброда. Антон заглывал их как пылесос.

– Нет! То есть да! – Антон от избытка чувств резко вскочил с места, чуть не опрокинув чашку. Нет, не свою – Вадима. Тот на всякий случай отодвинул посуду подальше. – В общем, Вадька, выручай! Я пообещал Вике загородную поездку и недельные каникулы в замечательном деревенском доме.

– Ну, если учесть, что у тебя нет дачи, у твоих родственников – тоже, остается... – недобро сверкнул глазами Вадим. Он еще не решил: злиться или спокойно сказать Антону, чтобы этот олух не рассчитывал на него.

– Беляниново! – выпалил Антон и жалостливо посмотрел на Вадима. – Пожалуйста, пусть нас к себе погостить, дружище! Клянусь, я сделаю все, что ты попросишь! Ну, мы же всегда друг друга выручали. Ты же мне как брат, Вадим. Ты должен меня понять, ведь ты сам был влюблен и...

Вадим покачал головой.

– Почему я раньше ничего не слышал об этой Вике? Ты ведь меня с ней не знакомил?

– Нет, – мотнул Антон и воспрянул духом. Вадим все-таки

не разозлился. – Она слишком хороша, чтобы знакомить ее с друзьями, даже с лучшими.

– И, тем не менее, она «бортонула» тебя, – резюмировал Вадим, хлебнув чаю. – И после этого ты опять готов бросить мир к ее ногам. Кажется, я догадываюсь, что это за девица – ярко одевается, на лице боевой раскрас, в поведении легкомыслие и развязность. Она использует таких лохов, как ты.

– Вадим, Вика не такая! – горячо возразил Антон, хотя портрет получился похожим.

Вадим усмехнулся, пожал плечами.

– Ладно, привози сюда свою девицу, – неожиданно милостиво разрешил он. – Желаю тебе скорее прозреть и понять, что в нашем с тобой возрасте на женщин надо смотреть уже по-другому. Необходимо научиться видеть суть. Послушай грузинского мудрого поэта:

*Краса лица лишь только отпечаток,
И он когда-нибудь сотрется и сойдет.
Со стороны мужчины недостаток
Любить не сущность, а ее налет...¹*

– И хорошенько подумай над моими словами.

– Ладно, я обещаю подумать. Ну, так, мы можем приехать? – улыбнулся Антон.

– Валяйте!

¹ Стихотворение поэта Николая Бараташвили

– Спасибо, Вадька! – Антон пожал ему руку. Ойкнул, у друга было крепкое рукопожатие.

– Да, одно условие: живите сколько хотите, гуляйте, развлекайтесь, но без меня. Я не желаю никакого общения, уразумел?

Глава 4

Елизавета вышла из самолета. Все, наконец-то можно вздохнуть с облегчением. Долетели! На сегодняшний день самолеты стали одним из самых небезопасных средств передвижения. И хуже тогда, когда у тебя нет выбора. Командировка, например. Когда Елизавете Васильевне сообщили, что необходимо лететь в Казахстан, в первый момент она даже растерялась. За тридцать лет, которые она проработала на предприятии, в командировки не ездила ни разу. Не удавалось. Хотя знала, что это очень выгодно – суточные платили весьма приличные да еще в твердой валюте. Поэтому желающих было хоть отбавляй. Руководители летали без конца, выдумывая причины, порой самые нелепые. Простым смертным куда сложнее. Но в этот раз Елизавете повезло – на площадке Байконура собирали стапеля именно их производства. Пришлось оформлять бесконечное число бумаг, каких-то заявлений, пропусков, выслушивать завистливые охи и ахи...

И вот кожу коснулась палящее, просто огненное, солнце

Казахстана. Елизавета вышла из самолета, попала, словно в раскаленную печь. Никогда не думала, что воздух может быть таким обжигающим, казалось, трудно дышать. Асфальт плавился под ногами в буквальном смысле слова. Ощущение, что ты в нем вот-вот увязнешь, очертания зданий аэродрома были нечеткими из-за плавающего воздуха. Да, там, в Москве, говорили, что здесь будет жарко, что Елизавета летит в самое пекло, но она не представляла себе, что будет так, как сейчас. Скорее бы добраться до здания.

– Елизавета Васильевна, идите к нам! – крикнули ее спутники, четверо мужчин абсолютно разного возраста – один рабочий-пенсионер, один – средних лет технолог и два молодых конструктора.

– Ну и жара! – обмахиваясь бумагами, сказал технолог. Он тоже был здесь впервые. По годам почти ровесник Елизаветы, но работал на предприятии не так давно.

Рабочий снисходительно посмотрел на него, он летал на Байконур еще в молодости.

– А ты что думал? Самый разгар лета, да еще Казахстан. Температура, наверное, градусов сорок пять, а то и больше. Подожди, еще ночью будешь спать в мокрой простыне, если в гостинице не работают кондиционеры, – сказал он.

– Ну, да? – не поверили конструктора. – В мокрой простыне – это экзотично. Федорович, а ты на свидания ночью в этой простыне ходил? – они захихикали.

– Глупые, – миролюбиво отозвался Федорович и помог

Лизе сесть в автобус, который уже ждал их возле здания аэродрома.

– Нас сразу повезут в гостиницу? – спросила Лиза и посмотрела в окно.

Кругом асфальт и песок. Когда дует ветер, то лихо поднимает легкий светлый песок и кружит его. Станный климат – невыносимая жара, сильные порывы ветра, очень сухой воздух. Говорят, что зимой здесь часто совсем не бывает снега, но морозы ощутимые. Лето длится почти до ноября. Кругом степь, растет «перекати поле». И лишь весной степь ненадолго преобразается. Распускаются низкорослые тюльпаны, миниатюрные подснежники и степные фиалки, формой похожие на крохотную варежку.

Гостиница была расположена на одной из площадок Байконура. Здесь вся территория разделена на отдельные сегменты, которые именовались площадками, и каждая имела свой номер и предназначение. Город находился довольно далеко. В него обычно ездили только по выходным.

Лиза сидела в автобусе и думала о том, как давно она никуда не ездила. Жизнь была довольно однообразной и, в общем-то, стабильной. Дети, дочь и сын, стали уже взрослыми, еще не приобрели своих семей, но всю жаждали самостоятельности, строили планы, влюбились. Они уже чувствовали себя птенцами, готовыми улететь из гнезда в любой момент.

С мужем отношения были тоже стабильные, можно сказать хорошие, на почве многолетней привычки. Супруг не

курил, не пил, никогда не устраивал скандалов, не предъявлял претензий. Он жил в своем особом мире. Мире своих увлечений, работы, спокойствия, тесно граничащего с равнодушием. Нет, равнодушием не к жизни, а к тому, что ему было неинтересно. Он предпочитал не вмешиваться в воспитание детей, не пытался решать их проблемы, проблемы семьи, трудности в обеспечении материального достатка. Он полагал, что все решится само собой или, на худой конец, Лизонька что-нибудь придумает. Вот она и придумывала, искала выходы, договаривалась, звонила, платила. Раньше, в молодости, когда сил, казалось, было не меряно, можно было и не спать ночами, чтобы сделать все задуманное, а утром легко вскакивать с кровати и бежать на работу. Зато дети пошли в школу чистые, аккуратные, уроки сделаны, портфели собраны, в них вкусный завтрак. Муж на работе в начищенном костюме, всегда в белоснежной рубашке. Ведь супруг занимал пост на одном из ведущих предприятий их небольшого, но стратегически очень важного города. Вот так и текли минуты, часы, месяцы, годы... Время все убыстряло свой бешеный темп. А все остальное, казалось, и не меняется. Привычка ходить на работу, которую ты, в общем-то, не очень любишь. Привычка стоять у «мартена», теперь еще и обслуживая по части кормежки друзей своих детей. Муж говорил: «если к нам в дом идут люди – значит у нас хорошо». Привычка любить мужа, нет, скорее терпеливо сносить его недостатки, а иногда и раздражаться, скрывая истинную причи-

ну. Супруг после краха социализма потерял должность, престижную работу, ушел на маленькое предприятие, где стал зарабатывать гроши. Зато он критиковал нынешний строй, пагубность новых экономических отношений и всегда ставил в противовес им идеи прогрессивного коммунизма, в который безоглядно верил.

Лиза пыталась выжить в одиночку. Экономила на всем, научилась неплохо шить, готовить вкусные блюда из ограниченного числа продуктов, научилась договариваться с нужными людьми, просить, одалживать. В общем, могла рассчитывать только на себя.

И вот, спустя двадцать семь после заключения брака с Борей, она почувствовала себя старой замученной клячей, у которой иногда хватает сил лишь добраться до кровати. На календаре обозначился пятидесятый год ее жизни...

Лиза вздохнула. Что-то не к месту потянуло на воспоминания, которые в последнее время почему-то были больше невеселыми. Как-то получалось само собой, что и вспомнить нечего. Ничего такого, что радовало бы. Впрочем, унынию придаваться тоже не стоило. У нее замечательные дети, да и с работой все в порядке. Вот сейчас выдалась очень интересная командировка. Не говоря уже о финансах. Вполне можно будет отложить денег на норковую шубу, о которой Лиза так давно мечтала. Не на полную стоимость, конечно, но на большую ее часть.

Автобус подкатил к гостинице. Старое трехэтажное зда-

ние, очевидно, недавно подвергалось ремонту, скорее, косметическому. Первый этаж в основном занимала администрация, всего пара номеров для постояльцев, на втором этаже – так называемое «женское» отделение. Третий этаж для мужчин. Из-за ошибки в распределении Елизавета попала именно на третий. Ну, ничего – она привыкла быть среди мужчин, работа на предприятии обязывала. Кроме того, Лизе это даже нравилось. В мужском коллективе есть неоспоримые преимущества перед комнатой баб, в которой приходится находиться многим из нас. Сплетни, козни, оговоры, месть – среди сильной половины человечества все это встречалось в гораздо меньшей степени. С мужчинами легче найти общий язык. Особенно когда ты хорошенькая, остроумная, бойкая.

Лиза вошла в номер, покачала головой. Обстановка так себе – большой обшарпанный стол, два стула, шкаф у стены и довольно узкая кровать. Правда, была маленькая душевая. Но самое важное – здесь был кондиционер и он работал! «Спаситель мой!» – умиленно подумала Лиза и осторожно повернула допотопную ручку. Замечательный агрегат громко зашумел. Он словно приветствовал новую хозяйку.

«Мне не придется заворачиваться в мокрую простынку», – Лиза пропела эту фразу вслух на мотив «Тореадора». Получилось как-то нескладно, но смешно.

– Поём? – в открытых дверях стоял Федорович. Он вошел, не дожидаясь приглашения. – Работает? – кивнул на конди-

ционер.

– Да, но шумит очень, – Лиза расстегнула молнию на чемодане.

– Ничего, привыкнешь. Только периодически давай ему отдохнуть, – старик осмотрел комнату, направился к выходу. – Елизавета Васильевна, у нас завтра вечером намечается небольшой, как это сейчас называют, сабантуй? Приходи в гости, разбавишь нашу мужскую компанию. Посидим, пообщаемся. Красивая женщина всегда украсит компанию, – Федорович широко улыбнулся, показав ряд редких зубов.

– Хорошо, – кивнула Лиза и улыбнулась в ответ. Когда старик ушел, она подошла к зеркалу, внимательно посмотрела на себя. Нет, красавицей она никогда не считалась, скорее, была обаятельна, мила, умела со вкусом одеваться. На мужчин производила впечатление и это знала.

Глава 5

Удивительно, но Надю легко отпустили на работе в отпуск за свой счет. Начальник легко подписал заявление на две недели. Надежда, конечно, сомневалась, раздумывала, приводила аргументы Вике и главный из них – работа. Однако отпуск дали. Может, действительно, необходимо ехать и больше ни о чем не думать? Миша так и не позвонил, ни в тот вечер, ни на следующий день – в пятницу. Андреева быстро собрала вещи, закинула спортивную сумку на плечо

и вышла из подъезда. В душе теплилась мысль, что за то время, пока ее не будет в Москве, Миша все-таки спохватится, соскучится, начнет искать, будет волноваться. Он, наконец, поймет, как она нужна ему. А это самое главное.

Конечно, у всех бывают сложные периоды в отношениях. И это надо понимать, понимать и принимать.

Вики еще не было, она обещала заехать; условились, что отправятся на ее машине, Антон неохотно согласился, уж очень хотелось произвести впечатление своей спортивной тачкой. Впрочем, у Виктории еще будет возможность по достоинству оценить материальный достаток бездумно отвергнутого ею мужчины. Увидев после долгой разлуки Корецкую, Антон едва сдержался от восторга. Коварная изменщица стала еще привлекательней и желанней. Она, как ни в чем не бывало, чмокнула парня в щеку и растянула полные губы в самой невинной улыбке. Предложила ему сесть за руль, наговорила кучу глупых приятностей о том, что соскучилась, вспоминала, жалела о скоропалительном решении. Антон слушал ее и понимал, что лапша все больше давит на уши, но остановить этот процесс не мог.

Надя встала возле подъезда, посмотрела на часы. Викуся никогда не появлялась вовремя. Вот и хорошо. Есть время поразмыслить и все взвесить.

Надежда вдохнула теплый вкусный воздух. Первая половина июня была прохладной и дождливой. Поздняя весна никак не хотела уступать свои права лету. В середине меся-

да все изменилось. Лето быстро стало полноправным хозяином. Дни стояли жаркие, ночи теплые. Самое время ехать за город.

Последние дни июня. В мае, год назад, они познакомились с Мишей. Надя вздохнула, время летело удивительно быстро, дни сменяли недели, месяца, сезоны, неутомимый калейдоскоп событий.

Впервые они серьезно поссорились через девять месяцев после знакомства. Хотя и до этого было не все гладко, но Надя и помыслить не могла, что ждет ее.

Март был студеным, мороз побил все рекорды того времени. Снег шел двое суток, сугробы намело основательно, как в хорошую зиму. «Марток – надевай сто порток», – Надя вспомнила пословицу мамы, засмеялась и последовала пословице – оделась тепло. Пока добиралась до экскурсионного автобуса, сто раз подумала о том, что не любят у нас чистить дороги, как и ремонтировать. Ни в какую погоду. Решили с коллегой по работе поехать на экскурсию. Миша, естественно, отказался. У него всегда находились отговорки, дела и случаи. Он вообще не любил куда-то вместе выбираться.

Надя вернулась из поездки в прекрасном настроении. Она решила зайти к Мише без предупреждения. Ворвалась в дом в радостно-возбужденном состоянии, щеки от мороза разрумянились, глаза светились счастьем. Ни дать ни взять – Сне-

гурочка!

– Всем здравствуйте! – она быстро разделась в прихожей.

– Добрый вечер, Надюшенька! – мама Миши на ходу чмокнула ее в щеку, улыбнулась, на миг залюбовалась будущей невесткой. Да, она хотела, чтобы Надя Андреева стала женой ее сына. Ей очень нравилась эта девочка. Надежда в свою очередь тоже питала самые теплые чувства к матери Михаила. Они, как две закадычные подруги, иногда сидели на кухне, шептались, будущая свекровь рассказывала истории своей молодости.

– Привет! – буркнул Миша. Сегодня он с трудом сдерживал досаду, Надька опять явилась тогда, когда они не договаривались. Сказала, что соскучилась. Сидит в отличном настроении, улыбается во весь рот, щеки как у матрешки, волосы мокрые, наверное, вспотели под шапкой. Они прилипли к щекам, шее, даже к спине. Вечно эти волосы у нее в беспорядке, торчат из хвоста, пушатся на висках, челка выщипана вроде бы модно, но Надьке это не идет. Миша вздохнул, он и сам не понимал, почему так раздражается. Наверное, во всем виновата усталость.

Он работал охранником на маленьком заводе, дежурил по ночам, потом отсыпался. Иногда помогал в халтуре Петровичу. На Надю у него просто не оставалось времени. А она, как назло, липла, требовала свиданий, даже приходила сама. Миша уже успел забыть, как когда-то страстно мечтал встречаться с девушкой, ему определенно все время не вез-

ло. Приятели к 20 годам успели поменять ни одну подружку, они уже считали себя знатоками, а Соловьев даже на любителя не тянул. Он чувствовал себя белой вороной. Обстановку нагнетало и семейство. Они все считали его ребенком, взрослым был лишь Алексей – старший брат. Тот имел все: красоту, ум, жену, легкий и уживчивый характер и потрясающее везение. Даже мама в шутку говорила, что красоты и ума на Мишеньку не хватило. Все досталось Алексею.

Когда появилась Надя, в жизни Миши все изменилось, его больше не сравнивали с братом, перестали считать ребенком.

– Мне так понравилась экскурсия! – принялась делиться впечатлениями Надежда. Она подошла к Мише поближе, надеясь, что он возьмет ее за руку, поцелует. В последнее время он делал это так редко. Ссылался на усталость, на удручающие обстоятельства, которые мешали зарабатывать деньги. У Миши были мечты, розовые мечты. Открыть свое кафе. Он абсолютно не разбирался ни в управлении, ни в финансах, ни в кулинарии. Но упорно мечтал открыть собственное кафе. Мишу не интересовало, как на практике осуществить свою мечту, он почему-то был уверен, что однажды вдруг появятся финансы, хороший дядя и дело само раскрутится в нужном направлении. Михаил Соловьев лишь станет пожирать плоды.

– Очень жаль, что ты не поехал со мной, – добавила Надя с виноватой улыбкой. Она смотрела на молодого человека

удивительно зелеными глазами. Такой насыщенный зеленый цвет глаз встречался крайне редко, в минуты гнева или печали глаза Нади темнели, зелень приобретала оттенок цвета гречишного меда, а в минуты радости они становились почти изумрудными. Эти глаза смущали Михаила.

Он отвернулся, почесал бороду. Надо бы побриться, хотя Андреевой очень нравилась его борода. Мама тоже одобряла обилие растительности на лице. Однако у Миши был силен дух противоречия. Вот и на замечание мамы о том, чтобы он поменял старые тренировочные штаны с оттянутыми коленками на нормальные брюки, Михаил возмутился. Еще чего! Ему так удобно, а Надька вообще ничего не замечает. Ей он нравится в любом виде.

– Ты же знаешь, что я не мог поехать с тобой, – неохотно отозвался Миша. Он поискал глазами пульт от телевизора. Матушка опять его куда-то засунула, – у меня были дела.

– Какие? – робко поинтересовалась Надя.

– Тебе не понять, – отмахнулся Миша, он поднялся с дивана, пошарил в кресле, смахнул со столика кипу газет и журналов. На Надю старался не смотреть, она, как назло, не сводила с него глаз. Кажется, намерена предъявлять претензии или жаловаться на его невнимание. Миша прекратил безрезультатные поиски пульта, встал посередине комнаты, сложил руки на груди.

– Мишутка, – вошла мама, – звонил Алексей, он завтра свободен, мы сможем поехать в больницу к бабушке. Надю-

ша, ты поедешь с нами?

Надя с готовностью кивнула, она любила бабушку Миши.

– В машине нет места для Нади, – поморщившись, выдал он.

– Почему? – резонно спросила мама, услышала, как в кухне свистит чайник. – Извините, я на минутку.

– На заднем сидении доски, там поместится лишь один человек, – Миша посмотрел на Надю и твердо добавил, – убирать доски я не стану. Да и не успею, – он так не любил оправдываться. А в последнее время это приходилось делать все чаще и чаще. Надя просто вынуждала. Что же это за отношения такие?! Ты все время должен объясняться, докладывать, оправдываться. Ты не свободен в своем времени, поступках, планах, наконец! И это называется «иметь девушку». Надя словно обуза, от которой хочется отделаться.

– Понятно, – протянула Надежда и села обратно на диван. Она все больше чувствовала себя лишней. Ей не только не было места в машине, но и в жизни Миши тоже.

– Что тебе понятно? – раздраженно спросил он, видел, что обидел ее. Но от этого не испытывал раскаяния. Напротив, стал злиться еще больше.

– Для меня всегда нет места, – тихо произнесла Надя. На душе стало так тоскливо, накатило такое чувство безысходности и горечи, что даже сердце защемило. Какое-то тяжелое и противное до омерзения ощущение к самой себе из груди опустилось прямо в желудок. Легло там камнем. Ощуще-

ние, что ты ломишься в глухую стену, не в закрытую дверь, а именно в стену. Теряешь силы, драгоценное время, в глубине души это понимаешь, но все равно ломишься.

Наде часто снился один и тот же сон: она на перроне вокзала ждет поезда. Тот подъезжает, притормаживает, но не останавливается. Надя с толпой бежит, пытается схватиться за поручни, ее отталкивают, лезут вперед, кричат. Двери закрываются перед самым носом. Поезд набирает скорость, а Надя так и остается на перроне. Миша – очередной поезд в ее жизни?

Глава 6

Надя вздрогнула, очнулась от воспоминаний, словно от глубокого сна, в котором пережила все заново. Вернул к реальности громкий сигнал автомобиля Вики. Наконец-то!

Викуся первой выскочила из машины.

– Дорогая, прости! Мы немного опоздали, – крикнула она, – на дорогах такие пробки. Как мы будем добираться? Идея ехать в пятницу вечером не лучшая.

Антон вышел из машины, с долей секунды оценивающе смотрел на Надю, вспомнил ее. Да, такие девушки никогда не привлекали его внимания, не соответствовали вкусу. Хотя, Вика, к примеру, полностью соответствовала образу его мечты, ее внешность удовлетворяла всем его вкусовым пристрастиям, однако ее характер... Как там высказался Ва-

дим: взрослый муж должен видеть в женщине больше, чем ее внешность. Есть другое, внутреннее зрение, которое свидетельствует о зрелости мужчины. Что же предпочтительней: иметь писаную красавицу и терпеть ее несносный характер или женщину, которая ангел по сути, а внешность так себе?

– Надюша, ты помнишь Антона? – весело спросила Вика. – Я вас когда-то знакомила, Тоша, ты не забыл?

Оба, и Надя, и Антон, одновременно сказали «да!», невольно засмеялись. Антон убрал сумку Надежды в багажник, помог сесть в машину обеим своим спутницам. Перед тем, как повернуть ключ зажигания, подумал о том, что все складывается наилучшим образом. Рядом Виктория Корецкая и они опять вместе. Вика ясно дала это понять, хотя и призналась, что изначально затеяла поездку ради подруги. У той какие-то личные проблемы. Это заметно. У Надежды лицо несчастного человека, взор потухший. И так не красавица, а тут еще и в депрессии. Совсем неинтересная девушка. Может, и к лучшему, Вадим на нее и не взглянет. Просто не заметит. Он дал ясно понять, что не желает ни с кем общаться. На шутку Антона «клин клином вышибают» Вадим сделал такое лицо, что тот испуганно замахал руками. Ну и ладно, не хочет и не надо. Они едут просто отдохнуть, в Беляниново чудесные места, есть речка, дом у Вадима замечательный, отделанный по-современному добротно, но не в виде коттеджа или дворца, которые сейчас насажены чуть ли не вдоль всех дорог. Нет, Вадька постарался придать своему

жилищу и внутри, и снаружи настоящий сельский колорит. Девчонкам должно понравиться, особенно Викасе. Она любит все необычное.

Антон включил громко музыку и подмигнул Вике, она хихикнула, Надя лишь вежливо улыбнулась. Мысли опять вернулись в прошлое...

– Я же тебе объяснил, что не успею все убрать, не успею освободить заднее сидение для тебя.

Михаил Соловьев схватил со стола сигареты, нервно закурил. Мама убьет, когда увидит. В комнате курить категорически запрещалось. Но сейчас ему было на это наплевать. Можно, нельзя, делай это, а этого не делай! Михаил устал быть маленьким мальчиком, который зависел от прихотей взрослых. С появлением Нади он надеялся, что избавится от этого, поначалу так и произошло. Но потом... потом Надя тоже решила, что вправе ему указывать что и как делать. Она ведь была старше, умнее, опытней. Часто ее советы оказывались весьма кстати, и это злило еще больше.

– Мишенька, с нами что-то происходит, – она подняла на него тревожные и очень красивые глаза. Самые красивые, самые волнующие. Но он перестал замечать и это.

– Да! – выпалил он, загасил сигарету, сделал какое-то странное движение ногами, словно приготовился к прыжку. – Я больше так не могу.

От неожиданности Надежда поднялась с дивана. Миша

стал ходить по комнате. – Я устал от всех! У меня больше нет сил!

– От меня ты тоже устал?

– От тебя, от всех! Дайте мне жить, дышать, думать и делать так, как я хочу. Оставьте меня в покое!

– И я?! – она побледнела. Соловьев подскочил к Наде, схватил ее за плечи. В глазах было что-то страшное, незнакомое. Это клокотала не просто злость, это была ярость, которая вырывалась наружу, теряя контроль.

– Ты – в первую очередь! – Михаил отпустил Надю и с силой долбанул кулаком в стену. Долбанул так, что кругом зазвенело. Наверное, боль в руке была нестерпимой, но она не отрезвила. – Пойми, наконец, я ничего не чувствую. Я больше не люблю тебя... – он видел, как после этого признания она стала тихо сползать по стене, лицо мертвенно-бледное. Глаза казались такими огромными, что занимали все лицо. Губы что-то шептали. Соловьев видел это, но остановиться не мог. – Я не люблю тебя, совсем не люблю. Я не хочу даже прикасаться к тебе, неужели ты не заметила этого в последнее время?

– У тебя есть другая? – одними губами произнесла Надя.

– Нет у меня никого! – он перестал ходить по комнате, отошел в дальний угол, встал прямо под книжной полкой. Вместо книг там лежали диски. Миша читать не любил. – Я просто больше не хочу встречаться с тобой. Я не люблю тебя. Я даже сам не понял, когда это произошло. В какой-то

момент тебя стало в моей жизни слишком много, ты собой заполнила все, и это перекрывает мне кислород. Это убивает те чувства, что я испытывал раньше. Я хочу свободы, пойми, – уже тише добавил он.

Откровенность Михаила оказалась не просто болезненной, она была жестокой и разрушительной. Она одним махом разрушила мечты о счастье. Наде почудилось, что жизнь ее остановилась. Здесь и сейчас. Все, дальше уже ничего не будет, дальше бездна. И другого пути нет, как шагнуть в нее.

Когда тебе фатально не везет, ты все упорнее загоняешь себя в угол. И тем самым все сильнее раскачиваешь маятник негативных мыслей, которые, благодаря появляющейся мощной энергии, элементарно материализуются.

И вдруг появился он – мужчина, а с ним появилась надежда, появился свет. Этот юнец вел себя скромно, но не зажато. Он не навязывал тебе свои правила и ничего от тебя не требовал. Он заливисто смеялся над твоими остротами и делал искренние и незамысловатые комплименты. Он уверял тебя, что его нисколько не беспокоит разница в возрасте между вами. Через полгода он намекнул, что подумывает о женитьбе. И, кажется, нашел ту, с которой готов прожить всю свою жизнь. Ты решила, что от счастья сходишь с ума. Никто тебе не делал предложений, если не считать твою первую любовь. Тому мальчику было всего восемнадцать. Сделав тебе предложение, он ушел в армию, писал душещипательные письма, откровенно мечтал о твоей большой груди. Вернулся ровно

через два года. В паспорте штамп, жена на седьмом месяце беременности...

Так банально и глупо разбились первые мечты. Принц оказался подлецом и обманщиком. Потом были и другие, но от них в памяти не осталось и следа. Наверное, с самого начала необходимо понимать, что реальный мужчина существенно отличается от образа, навеянного девичьими фантазиями и грезами.

Но ведь Миша и не был похож на прекрасного принца, и все же он понравился сразу. Своей теплой улыбкой, мягкой кучерявой бородой, большими руками и подкупающей искренностью.

– Наденька, мы чудесно провели этот первый наш вечер. Я бы хотел тебя увидеть еще...

И всё! Большего не надо!

Надя лихорадочно думала и мучилась от того, где она опять споткнулась, совершила ошибку. Она так часто ошибалась. И помнила правило: когда ничего не получается, ищи ответ в себе.

– Миша, я не смогу жить без тебя! – Андреева и сама не поняла, как оказалась на коленях и бросилась к ногам Соловьева. – Не бросай меня, пожалуйста! Ты – моя судьба-а-а-а, – она заревела в голос. Это было похоже на обычную сцену из дешевого романа, столько пафоса и театральности, что Соловьев больше всего на свете сейчас хотел испариться, ис-

чезнуть, не видеть, не слышать. В душе чувство отворачивания смешалось с жалостью.

Надя понимала, что поступает вопреки здравому смыслу, понимала, что теряет не только мужчину, но и собственное достоинство и гордость, теряет себя. Остановиться не было сил. Что делать? Как сопротивляться той череде безжалостных обстоятельств и жизненных неудач, которые её преследовали?! Неужели она хотела так многого? Просто быть любимой!

– Ты сможешь жить без меня, – отчеканил Соловьев. Ему стало еще хуже. Вместо ожидаемого облегчения он словно камень повесил себе на шею. Чувство было именно таким.

– Нет, не смогу! – она валялась у его ног словно собака, которую выгоняли на улицу.

– Сможешь! И поднимись, наконец, с коленей! – он неловко поднял Надю, та судорожно рыдала.

Интересно, каков запас слез у женщин? Нос вспух и стал красным, рыдания перемешивались со всхлипами.

– Если ты меня бросишь, я покончу с собой, – услышал Соловьев и отшатнулся. Он посмотрел ей в глаза и действительно поверил. Поверил в то, что эта девушка так безрассудно любит его. Она думает, что именно он – Михаил Соловьев принесет ей счастье. Она не хочет жить без него. Господи! Он же себе никогда не простит, если Надя... с ней что-то случится. С этим придется жить до конца своих дней.

– Надя, успокойся, пожалуйста! Давай поговорим обо

всем. Может, мы попробуем начать все сначала?

Глава 7

Лизе не спалось. Сказывалась усталость с дороги, перелет, резкая смена климата, да и вообще, непривычная обстановка. Лиза всегда плохо спала в чужом месте. Пока привыкнет. Все казалось неудобным: кровать, подушка, звуки в коридоре, шум ветра за окном или это шумел кондиционер? Несмотря на его каторжный труд, в комнате все равно было душновато, хотя и терпимо. Нет, во влажную простынь закутываться не хотелось.

Лиза подошла к окну, отодвинула занавеску. Ночь была темной, фонарь горел у входа в гостиницу и еще один где-то вдали. Небо звездное, виден Млечный путь. В свете фонаря ветер неустанно крутил светлый песок, перетаскивал его с места на место.

Часы в комнате громко тикали, показывая начало третьего. Еще четыре часа и пора вставать на работу, начинать трудовые будни. Утешает то, что завтра, нет, уже сегодня, пятница.

Лиза едва успела задремать, как над самым ухом услышала звон будильника. Пора...

День был полностью загружен, пока она прошла процедуры контроля при проходе, оформление очередных пропусков, получение необходимых инструкций. Лиза познакоми-

лась с коллегами, которые здесь уже работали, задала множество вопросов, просмотрела папки с чертежами. В выходные решила, с утра, не откладывая, отправиться на прогулку в город.

Когда добрались до гостиницы, единственным желанием было принять душ. Вообще принимать душ хотелось все время. Пить и мыться. Вода моментально покидала организм через кожу, пить хотелось еще больше. Как переносить такую жару? Единственное, что облегчало положение – сухость воздуха. При влажности, такой, как в Москве, это было бы невыносимо, просто погибель.

Лиза едва успела выйти из душевой после водных процедур, как в дверь постучали.

– Да, войдите, – Лиза глубже запахнула халат.

– Елизавета Васильевна, – в дверях стоял Федорович, – мы ждем Вас в гости. Вы вчера обещали.

Лизе совсем не хотелось никуда идти, после принятого душа стало комфортно, тело получило необходимую долю влаги. Хотелось просто отдохнуть, расслабиться.

– Федорович, может, вы как-нибудь без меня?

Старик заметно расстроился.

– Мы не будем долго сидеть, просто пообщаемся, выпьем, – произнес он.

– Пить в такую жару? – удивилась Лиза. – Нет, пить я не буду, но с вами посижу, пообщаюсь. Что-нибудь принести? Фрукты, бутерброды?

– Нет, ничего не надо, – быстро отозвался Федорович и назвал номер комнаты, где Лизу будет ждать мужское общество. Через полчаса.

Она посмотрела на себя в зеркало, усмехнулась. Не умная затея – идти сейчас куда-то в гости. Ради этого придется переодеваться, сушить волосы, подкрашивать глаза и губы.

Через сорок минут Лиза постучала в номер. Совсем забыла спросить у Федоровича, кто же будет её ждать?

Их было трое: Федорович, технолог Алексей и незнакомый Лизе мужчина. Хотя совсем незнакомым его не назовешь. Лиза видела его несколько раз, когда появлялась по работе на контрольно-испытательной станции.

– Добрый вечер! – вежливо поздоровалась Елизавета. Все мужчины вскочили.

– Знакомьтесь, это наша Елизавета Васильевна! – представил ее Федорович, он выглядел весьма довольным.

– Иван, – назвал себя незнакомец и поцеловал Лизе руку.

– А по отчеству? – спросила Елизавета, несмотря на общительность и коммуникабельность, она предпочитала держать дистанцию. Новый знакомый мягко и понимающе улыбнулся, на секунду сощурил глаза.

– Иван Сергеевич, – у него был приятный тембр голоса.

Лизу усадили возле тетки знаменитого Тургенева. Она оглядела стол, хозяева постарались на славу: фрукты, конфеты, пирожные и даже икра.

– Что будете пить? – спросил Иван Сергеевич.

– Сок, – не задумываясь, ответила Лиза. Новый знакомый из трех пакетов наугад выбрал именно тот сок, который она любила – апельсиновый. Лиза на секунду почувствовала прикосновение его локтя, а затем прокатившуюся волну запаха хорошего дорогого лосьона. Несмотря на жару, от Ивана Сергеевича пахло свежестью, белая рубашка идеально выглажена, ни единой капельки пота. Когда он поднялся и предложил выпить за женщин, Лиза заметила безупречные стрелки на его светлых брюках. Ее никогда не оставляли равнодушной такие мелочи в представителях сильной половины человечества. Аккуратный в одежде, значит аккуратный и во всем остальном.

– За прекрасных дам! – сказал Иван Сергеевич и посмотрел на Лизу с такой нежностью, что впору было смутиться. – Кажется, так говорили гусары?

– Да, – подтвердила она, – вот только пили они при этом шампанское, и этот тост был двадцатым. А кто не дотягивал, тот недостоин прекрасных дам.

Иван Сергеевич засмеялся.

– Когда прекрасная дама еще и умна, за нее стоит выпить и сорок бокалов. Я бы отважился.

– Будьте осторожны, Лизонька, – предупредил Федорович, он уже опорожнил свою рюмку, – Иван Сергеевич – настоящий ловелас, про него ходят такие небылицы, что впору писать дамские романы.

– Это все сплетни, – отмахнулся Иван, – не думаю, что

Елизавете Васильевне интересны сплетни.

– Все любят сплетни и детективы, но не все любят в этом признаваться, – Елизавета взяла большое яблоко из его рук.

– А Вы еще и остроумны, – заметил Иван. Лиза усмехнулась. Весь вечер она наблюдала за своим новым знакомым. Серо-голубые глаза, которые он как-то особенно прищуривал, мелкие морщинки на веках, расходящиеся лучиками. Прямой, чуть длинноватый нос, лицо гладко выбритое, волосы седые, подстрижены волосок к волоску. На губах мягкая, прямо обволакивающая улыбка. Что-то кошачье в повадках. Лиза охотно слушала его, острила сама, получала истинное удовольствие от его реакции. Он очень заразительно смеялся, комплименты говорил, казалось, простые, но было приятно. Одним словом, Елизавета Васильевна почувствовала себя по-настоящему интересной женщиной.

Просидели почти до полуночи. Федорович и Алексей практически вдвоем выпили бутылку, Иван лишь пригубил свою рюмку.

– Кажется, мне пора, – Лиза поднялась из-за стола, – уже поздно, надо идти спать. Я завтра хочу успеть на утренний автобус в город.

– Не будете против, если я составлю Вам компанию? – спросил Иван Сергеевич. Он вышел вместе с Лизой в коридор.

– Компанию? – она удивленно подняла брови.

– Покажу Вам завтра город, – Иван едва сдержал улыбку.

Он понял, о чем подумала Лиза. Женщины ни меньше мужчин любят играть в эти игры.

– Если проснетесь вовремя.

– Ради Вас, Лизонька, я готов не спать всю ночь, – он коснулся ее руки, получилось это совсем мимолетно, случайно, но Лизу будто обожгло.

– Спокойной ночи, Иван Сергеевич! Провожать меня не надо, – она торопливо пошла по коридору, очень захотелось обернуться.

– Мой номер почти рядом с Вашим, Лизонька, – услышала над самым ухом и от неожиданности испугалась.

– Меня зовут Елизавета Васильевна, – она с трудом попала ключом в замочную скважину. Несколько секунд переводила дыхание, стояла, прижавшись к двери. Такого с ней еще не происходило. Всю свою жизнь Елизавета и помыслить не могла о другом мужчине, кроме мужа. Не могла и не хотела. Легкий флирт, шутки и остроты и всегда отвергнутые поклонники. Влюбляться? Глупость юных девиц и безрассудных женщин. С Иваном по-другому не будет. Нельзя все ставить на карту ради вкусно пахнущего мужчины, мягкой улыбки и теплых слов, сказанных в первый же вечер знакомства. Хотя это так подкупает.

Лиза закрыла глаза и вспомнила лицо Ивана. Глупышка, надо держаться подальше от него. Она наивно решила, что завтра утром он уже забудет о ней.

Глава 8

Ехали так долго, что Надя сначала задремала, а затем и совсем отключилась. Она сжалась как птичка, опустила голову и через какое-то время перестала слышать смех подружки над анекдотами и байками, которые травил Антон. Он был страстно влюблен в Викторию и старался произвести впечатление. «В этом его ошибка», – подумала Надя. В этом ошибка всех, кто так поступает. Твои пламенные чувства вызывают обратную реакцию. А ничто так не пробуждает интерес и не заводит, как холодность, сдержанность и напускное безразличие. Надежда Андреева знала это по собственному опыту. Чем холоднее и безразличнее к ней становился Михаил, тем больше разжигал в ней чувства. Иногда она сомневалась, любовь ли это с её стороны? Ведь если хорошо разобраться, у них с Соловьевым было мало общего. Надя слыла интеллектуалкой, любила читать, философствовать, посещать музеи, выставки, театры. Мишу интересовало современное кино, боевики, блатные песни, боксерские бои, еще он очень любил мечтать, лежа на диване. Кроме того, между ними была приличная разница в возрасте. Чувствовалась в Михаиле еще какая-то детскость, незрелость. Он очень жаждал самостоятельности, свободы, на самом деле был не готов к ней. Его всю опекали матушка, тетя, бабулечка, он был зависим от них. Зарабатывал недостаточно, чтобы позволить себе ту степень свободы, какую хотелось. Да, у него почти

всегда были деньги, но зарабатывали их другие. Они полагали, что ребенка необходимо баловать. Делали это по очереди, скрывая друг от друга свою благотворительность. Миша, например, любил курить дорогие сигареты, рубашки и джемпера предпочитал исключительно из натуральных тканей. Такое положение дел его устраивало...

– Тоша, нам еще далеко? – спросила Вика, как только машина свернула с автомагистрали. Дорога стала грунтовой, зато здесь не было «пробок», которые порядком надоели. Автомобили передвигались черепашьям шагом, а где-то и вообще стояли подолгу, если впереди произошла авария. ДТП в таких случаях сродни стихийному бедствию. Не только для тех, кого угораздило в него попасть. Движение на дороге просто парализует, поток машин нескончаем. Москвичи на выходные стараются сбежать из грязного, задымленного и экологически вредного мегаполиса. «Пробки» образуются еще в пятницу вечером, а в воскресенье после обеда все едут в обратную сторону. Казалось бы, весьма бессмысленное занятие, на природе проводишь столько же времени, сколько и в машине.

Но Антон впервые так радовался дорожным заторам, ведь рядом сидела любимая девушка, она смеялась, смешила его, даже строила планы.

– Минут двадцать, чуть больше, – Антон посмотрел на часы. Четверть двенадцатого, Вадька будет ворчать. Просил приехать пораньше, ему завтра вставать на работу. Носится

со своим магазином, частный предприниматель. Антону не очень верилось, что друг справится. Риск был большим, Антон как специалист по финансам понимал это.

– Надюшка заснула, – Вика посмотрела на подругу, ласково улыбнулась.

– Ты так и не призналась ей, что хозяин дома не уехал ни в какую командировку? – спросил Антон.

– Нет, иначе бы она не поехала. Тоша, а вдруг они друг другу понравятся?

– Сомневаюсь, – он покачал головой, – у Вадима сейчас трудные времена, он недавно развелся, да и вообще...

– У Нади тоже не все просто в жизни, я потому её и хотела увезти из города. Ну, а если она увлечется каким-нибудь достойным мужчиной, я буду счастлива ни меньше её. – Вика стала серьезной, Антон опять залюбовался. Хороша bestia! И когда залиvisto смеётся, показывая белые зубки, и когда серьёзно рассуждает о чем-то, поджимая пухлые губы. Нет спасения от Виктории Корецкой. Она всегда одерживает победу.

– Я не уверен, что Надя понравится моему другу, – осторожно высказал мысль Антон.

– Почему? – удивилась Вика. – Надюша – хорошая и симпатичная девушка. Кроме того, она умница, образована и ...

– У неё вид, как у побитой собаки, – Антон старался говорить тише, – на мужчин это не производит положительного впечатления.

– Интересно, какой у тебя был бы вид, если бы с тобой так поступали, – резко заметила Вика и дернула плечами. Она забыла, именно по её вине Антон тоже страдал.

– Ладно, я не стану спорить, – примирительно произнес он, повернул машину, увидел табличку «Беляниново». Наконец-то!

Подъехали к дому Вадима, конечно, свет уже не горел. Вадька стал деревенским жителем. Встает и ложится рано, никаких развлечений и ночной жизни. От любви бежит. Даже изумительная девушка Настя только ухудшила ситуацию.

Надя вышла из машины, расправила затекшие плечи, вдохнула деревенский воздух, пахло травой, какими-то цветами, даже почудилось, что где-то недалеко поет соловей.

– Кажется, нас уже не ждут, – пробормотал Антон и открыл калитку. – Девочки, я скоро!

– Я не понимаю, разве хозяин не уехал? – удивилась Надежда, Вика принялась сбивчиво объяснять. В это время в доме включили свет, замелькали в окнах тени.

– Зачем мы сюда приехали? – Надя вздохнула, села в машину, ноги снаружи. Первое очарование от деревенского воздуха, его запахов, трелей соловья и этой удивительно темной ночи, которая плотно укутала всю округу, исчезло. Зачем Надежда послушала Вику? Уехать на целых две недели в незнакомое место, в дом к совсем чужому человеку?! Какое-то безумие!

– Девочки, – на крыльце стоял Антон и махал руками, –

идите в дом. Вещи я сейчас занесу.

Вика вошла первой. Довольно уютная прихожая, прямо у входа подставка для зонтиков в виде стопки книг, на которых сидит кошка. На стене как вариант вешалки висят грабли разных конструкций, перекрашенные под серебро, решение в духе «деревенского хай-тека». Да, на грабли лучше не наступать, а найти им полезное применение. Через секунду в прихожей появился Вадим, выглядел он недовольным, зашпанным, был в одних джинсах и босиком.

– Добрый вечер! – со всей теплотой в голосе, на какую была способна, сказала Виктория. Вадим сложил руки на груди, прислонился к дверному косяку. Он ничуть не удивился, заведя Вику, такой он её себе и представлял. Но дело было даже не в этом. Хитрый негодяй Антон не сказал Вадиму, что приедут они втроем. Только сейчас признался. Вадим устроил другу разнос, высказал в весьма нелестных выражениях все, что о нем думает. Вадим-то полагал, что тот приедет сюда со своей подружкой, будет с ней играть в любовь, уединяться, а теперь получается, что подружек две, и одна из них вроде бы для Вадима. Чтобы скрасить его одиночество! Антону впору оторвать башку.

– Кому вечер, а кому и ночь, – Вадим смотрел исподлобья. «Какие мускулы!» – с восхищением подумала Виктория. Мужчина с такими бицепсами и в одних джинсах – просто картинка с журнала. А недовольство и раздражение на его лице придают ему еще больше привлекательности.

– Пожалуйста, простите нас за столь поздний визит, – Надежда почувствовала себя так скверно, что впору садись в машину и уезжай домой. Она перестала прятаться за Вику, вышла на свет, под самое обозрение хозяина. Поскольку Виктория Корецкая на справедливо высказанный упрек хозяина промолчала, Надежда решила извиниться за всех.

Не меняя выражения лица, Вадим кивнул. Хорошо, что хотя бы одна из девиц была воспитана и не рассматривала его обнаженный торс так откровенно.

Появился Антон с вещами, запыхался, пришлось ставить машину за дом, везде темно, того и гляди снесешь забор.

– Вы уже познакомились? – спросил Антон и умоляюще посмотрел на друга: «Пожалуйста, не сердись! Девочки не виноваты». – Это Виктория, – представил её первой Антон.

– Я догадался, – Вадим сдержал ухмылку, перевел взгляд на Надю. Она робко подняла глаза. Красивые и несчастные, неловко поправила юбку.

– Это Надежда, – Антон почувствовал, что Вадим больше не злится. – Хозяин дома – Вадим. Прошу любить и жаловать.

– Прежде, чем что-то сказать, взвесь, чем могут обернуться для тебя твои реплики, – угрожающе произнес Вадим и взял у Антона сумку Нади. – Следуйте за мной.

Когда вышли из прихожей в просторный холл, Вадим на секунду остановился.

– Экскурсию по дому проведет Антон, завтра, сегодня

поздно, – отчеканил Вадим и подтянул на плече сумку Нади, направился к большой дубовой лестнице, ведущей на второй этаж.

– Ура! Мы будем жить наверху, – тихо порадовалась Вика, Надя лишь пожала плечами. Она, в отличие от подружки, не испытывала ни малейшей радости. Хмурый вид Вадима, его нескрываемое неудовольствие лишь ухудшали обстановку. Сегодня уже действительно поздно, а завтра ничего другого не останется, как убраться восвояси. Антон и Вика должны это понять. Если они будут против, Надежда решила, что уедет одна.

Глава 9

– Это комната маленькая, – указал Вадим на дверь слева от лестницы, не останавливаясь, прошел вперед. – Эта комната большая, в ней вполне хватит места для двоих, – он открыл дверь с витражом – декоративным панно с двухцветным стеклом: желтое и коричневое. – Распределяйте сами, кто, где поселится.

– Спасибо за заботу! – улыбнулась Виктория. Вадим едва взглянул на нее, небрежно бросил сумку у входа.

– Что ж, в таком случае, мы с Викторией займем большую комнату, а Надя – маленькую, – решил Антон.

– Тошенька, может быть, сделаем по-другому, – хитрая Виктория отвела его в сторону, обняла за шею, что-то по-

шептала. Тот печально согласился. – Мы с Надюшей зайдем большую комнату, – объявила она, посмотрела на Вадима, словно искала его одобрения.

– Как будет угодно, – Вадим махнул рукой, что означало: делайте, что хотите.

– Спокойной ночи, Вадим! Приятных сновидений! – Виктория кокетливо тряхнула рыжими локонами, чуть сощурила глаза, пытаясь рассмотреть лицо Вадима. Он промолчал и быстро спустился вниз.

Девочки вошли в комнату. Обе ахнули. У Вадима был прекрасный вкус.

– Несмотря на то, что хозяин – злобная и мрачная личность, эта комната жизнерадостного и яркого человека, – заметила Виктория, прошлась по комнате. Два больших окна, между ними дверь на балкон. Слева от двери находился зеленый диван с розовыми валиками, Вика с ногами села на него, поправила пять розовых подушек, на каждой из которых был изображен слон. За диваном у самой стены стояли плетеные ящики, на них – мини-торшер, пучок ивовых прутьев, два комнатных цветка в плетеных кашпо, несколько книг и две подставки в виде слона и архара. Вике очень понравился этот уголок.

– Надюша, ты не против, если я займу диван? – спросила она, устроилась на нем, скинула босоножки.

– Пожалуйста, – Надя в другом конце комнаты заметила кресло-кровать, рядом – плетеная корзина и плетеный ящик

с журналами. С другой стороны – белый торшер. Вся обстановка в комнате была выдержана в едином стиле и весьма гармоничной цветовой гамме, хотя и необычной. – Здесь, действительно, уютно, – признала Надя.

В дверь постучали, показалась голова Антона.

– Ну, что вам здесь нравится? – он вошел, оставил дверь открытой, увидел Вику на диване, весь просиял. Она помашила его пальчиком. – Вадим был не очень любезен, не обижайтесь на него. Он не любит, когда его поднимают с постели, Вадька – деловой человек, весьма занятой и ценит свое время. Сон для него ни менее важен.

– А для тебя? – Вика притянула к себе Антона, облизала свои полные губы. Антон покосился на Надю. Та, смущенная, отвернулась и принялась копаться в сумке.

– Постельное белье в комод, – в дверях стоял Вадим. От неожиданности Антон отпрыгнул от Виктории так, что сшиб плетеный круглый столик на металлической подставке. На полу оказалась ваза с цветами, пульт от телевизора и пустой поднос. – Антон, помоги дамам разобрать постель, – лицо Вадима оставалось непроницаемым.

Надя не спала всю ночь. После того, как Антон и Викуся душевно распрощались, раз десять чмокнув друг друга, последняя, пожелав Наде спокойной ночи, довольно быстро уснула. Надежда, стараясь не шуметь, вышла на балкон. Ночь была теплой, ни единого порыва ветерка, где-то зала-

яла собака, долго старалась, потом затихла. В темноте едва угадывались очертания домиков, фонари горели скудно. И только там, вдалеке, где находился коттеджный поселок, о нем говорил Антон, освещение было почти городским.

Надя слушала ночь. Откуда-то со стороны леса доносился ритмичный стук, похожий на барабанный, словно кто-то стучал по натянутому пустому тамтаму. В траве стрекотали, изредка слышался звук, напоминающий капанье воды. Запела птица. Та, которую Надя слышала по приезду и приняла за соловья. Почему-то очень хотелось, чтобы это был именно соловей. Надя раньше никогда его не слышала.

Она вздрогнула, кто-то шел, шаги были торопливы, вдруг неожиданно стихли. Затем затрещали кусты, фыркнула кошка или кот. Стало светать, на небе нарисовались голубовато-розовые полосы. По главной дороге, в сторону коттеджного поселка проехали несколько иномарок и пара автобусов. Надя глянула на часы. Четыре утра. Интересно, кто это так рано отправился на дачу? А может, они выехали ночью, чтобы не стоять в «пробках»?

Закричал петух, откликнулся еще один. Как здорово! Какое благодатное место! И здесь еще петухи. Наде стало грустно оттого, что сегодня придется уехать. Она посмотрела на Вику, та спала сладким сном, такая безмятежная, довольная жизнью. Вика не умела долго страдать и переживать, она не вела счет своим неудачам, забывала о них, наслаждаясь тем, что ей дарил сегодняшний день. Надя все чувствовала ост-

рее, переживала по каждому поводу, а в последнее время катастрофически боялась сделать что-нибудь не так. Боялась ошибиться. Вот и сейчас единственно верным решением, пока еще не поздно, было уехать, вернуться к Мише, сказать, что она любит его, попытаться все исправить. Он ведь может и не простить ее бегство. А что, если не ждать, пока проснутся Вика и Антон? Есть ли смысл их уговаривать уехать? Им хорошо вдвоем, это заметно. Занятые друг другом, они не станут мешать и Вадиму. А Надя в любом случае здесь лишняя. Главное сейчас, выйти незамеченной из дому и постараться поймать попутную машину.

Надя бесшумно спустилась по лестнице. Хорошо бы сейчас суметь самой открыть дверь и выскользнуть на улицу.

– Перед тем, как исчезнуть, может, выпьете кофе? – Вадим стоял в дверях кухни. Надя замерла, посмотрела на молодого человека как вор, которого застали на месте преступления. – Могли хотя бы попрощаться, – Вадим сделал несколько шагов и оказался рядом с Надей.

– Доброе утро! – неожиданно брякнула она.

– Оно будет добрым, если мы пройдем на кухню и спокойно выпьем кофе, – насмешливо, как ей показалось, произнес Вадим. Он смотрел на нее с высоты своего роста, был в тех же джинсах, что и вчера, однако сегодня надел рубашку и обувь. – Ну, так что?

Надя кивнула, поплелась за Вадимом на кухню, сумка все еще оттягивала плечо. Кухня была замечательная, большая,

отделана декоративным искусственным камнем в разнообразной, но со вкусом, цветовой гамме. Мебель окрашена в молочный цвет, изготовлена столяром, а поверхности рабочих столов смонтированы из натурального камня. Около стола находились четыре высоких стула. Вадим сел на один из них, второй предложил Наде. Она неловко взобралась на стул, наконец, поняла, что ей мешает: сумка, все еще висящая на плече.

– Я утром пью только кофе, завтрак готовить некогда, – пояснил Вадим, одновременно наблюдая за тем, как Надежда стаскивает с плеча сумку, пытается запихнуть ее под стул и все время поправляет сползающую бретельку своей кофточки.

– У Вас такой замечательный дом! – сказала Андреева, ведь надо было что-то сказать. – Никогда не видела ничего подобного: смешение нескольких стилей, которые в результате дали потрясающий эффект, необыкновенное сочетание.

– И из такого замечательного дома Вы собираетесь убежать? – Вадим разлил кофе по чашкам, Надя вдохнула бодрящий аромат.

– Но Вы же понимаете, что я не могу остаться.

– Почему? – удивился Вадим и, не дождавшись ответа, продолжил. – Друзья Антона и мои друзья. Оставайтесь, Беляниново – чудесное место, здесь есть речка, лес. Пребывание на природе здорово вправляет мозги, на многое начинаешь смотреть по-другому. Знаю по собственному опыту.

– Но мы вчера... – начала Надя, она совсем растерялась.

– Разбудили меня, – кивнул Вадим, – прошу прощения, если я был невежлив, – он, наконец, улыбнулся.

Надя чуть со стула не свалилась. Улыбка Вадима меняла его лицо, делала совсем другим.

– Что Вы решили? Остаетесь? – он посмотрел на часы. – Антон и Ваша подруга будут рады, – он поднялся из-за стола, ополоснул чашку. – Мне пора. В холодильнике есть все необходимое, чтобы готовить еду. Есть полуфабрикаты, Антон в курсе.

– А Вы приедете на обед? – робко спросила Надя.

– Нет, мне надо съездить в область, – на ходу обронил Вадим, – я и так опаздываю.

Глава 10

Лиза проснулась рано, позавтракала на скорую руку. Расчесала короткие густые волосы, которые были на редкость непослушные и никак не желали ложиться в аккуратную прическу, посмотрела на себя в зеркало. Вроде бы ничего, цвет лица сносный, мешки под глазами минимальны, необходимо подкрасить губы.

Автобус уже стоял возле гостиницы. Лиза вышла из здания, остановилась и глянула на слепящее солнце. Жара начала набирать свою силу. Дунул ветер, опять с песком. Кажется, песок даже на зубах скрипел.

– Доброе утро! Я занял Вам место, – Лиза вздрогнула, услышав голос Ивана Сергеевича. Он вышел из автобуса. Все тот же безупречный вид, аккуратность и свежесть. Он подал Лизе руку и помог подняться в автобус. Усадил к окну.

– Как Вам спалось? – немного погодя спросил Иван Сергеевич. – В первое время здесь все плохо спят, духота, другой климат, пока привыкнешь.

– А Вы часто бываете в командировках? – Лиза с любопытством смотрела в окно. Степь, кругом одна степь. Песок и серо-желтые колючки, некоторые из них, подгоняемые ветром, весело подпрыгивают и катятся. Вдали, за горизонтом, степь сливается с безоблачным небом в плывущем жарком воздухе.

– Раз, а то и два в год обязательно. Я – инженер-испытатель. Привык к командировкам, иногда летаю даже за океан, в Калифорнию.

Лиза сдержала возглас удивления. Она не любила показывать своего удивления, предпочитала удивлять сама.

– А у Вас, я так понимаю, дебют, – заметил Иван Сергеевич, – в противном случае, я бы Вас непременно запомнил, – он наклонился к Лизавете ближе, – такую женщину сложно забыть.

– Это уже город? – она удачно сменила тему. Впереди показались желтые дома, магазинчики, автомобили на стоянке.

– Нет, это местные жители, – пояснил Иван Сергеевич. – Своего рода их поселение, школа, магазины, русские здесь

не живут. Это место называют «Тюра-там». Город немного дальше.

Автобус, действительно, останавливаться не стал, проехал по оживленным улицам, и опять впереди показалась степь. Однако теперь ехали недолго. Прямо в степи находился контрольно-проверочный пункт.

Проверка прошло довольно быстро. Вскоре Лиза увидела пятиэтажные дома. Это город.

Он оказался небольшим, дома, в основном, не выше седьмого этажа, вдоль аллеи, проходящей через весь город, высажены тутовые деревья. Их раскидистые ветви и густая крона образовали тени, защищающие от палящего солнца.

Иван Сергеевич оказался хорошим экскурсоводом, он многое знал об истории города, о том, как здесь все задумывалось, начиналось, как воплощали свои мечты первые энтузиасты. Еще двадцать лет назад население города превышало нынешнюю численность в 3 раза. Да, теперь дома на окраине пустовали, во многих окна выбиты или заколочены. Лишь ветер гулял по безликим комнатам, чувствуя себя полноправным хозяином.

Лиза слушала внимательно, изредка задавала вопросы. Ей всегда нравилось узнавать что-то новое. Даже если эта история печальная. Гнетущее ощущение от пустующих домов постепенно исчезло, забылось, впечатления полностью сменились.

На центральной площади города прямо напротив универ-

мага взор привлекал фонтан. Звучала классическая музыка, фонтан то взмывал высоко в небо, с силой ударяясь о воду и гранитный бордюр, то превращался во множество струек, которые в веселом ритме словно стучали по клавишам. Около фонтана толпился народ, дети лезли в воду. Это был своего рода оазис в жаркой пустыне. Здесь даже дышалось легче.

– Возле реки есть несколько настоящих источников, они бьют прямо из-под земли, – поведал Иван Сергеевич. Лиза стояла у самого бордюра и чувствовала, как брызги воды приятно освежали лицо.

– Здесь ведь протекает Сырдарья?

Иван Сергеевич тоже подставил лицо под брызги фонтана.

– Да, «река с белыми берегами».

– Почему «белыми»? – удивилась Лиза.

– Такой вид почвы, белый налет, скорее известняк. Берега крутые, неровные, дно реки илистое, много ям. Одним словом, река Сырдарья, словно коварная женщина, попадешь в ее омут, затянет, пиши – пропало.

– Думаю, Вам это не грозит, – уверенно сказала Лиза. Она с удовольствием наблюдала за резвящимися в воде детьми. Вспомнились свои дети.

Когда-то она каждый год возила детей на море. Сыну это было полезно, он болел астмой, дочери – для общего укрепления организма. Самая первая поездка, когда втроем отправились на юг, была самой запоминающейся. Дочери Яне тогда исполнилось два года, Артему почти девять. Покоя не

было ни на секунду. Подвижная от природы и неутомимая Яна все время старалась зайти в воду, ей был неведом страх перед этой стихией. Малейшее ослабление внимания, и девочка лихо прыгала по волнам. Попытки призвать на помощь Артема следить за сестрой не увенчались успехом. Он познакомился с двумя мальчиками, которые бегали на мостик и прыгали с него, выделывая настоящие акробатические трюки, тогда еще не было всяких надувных горок.

– Мама, я хочу *кукуюзу*! – однажды закапризничала Яна, и Лизе, оставив Артема за старшего, пришлось идти по пляжу искать продавца. Несколько минут он смотрел за сестрой, мальчишки прыгали с мостика. Яна надела на себя круг и пошла к воде.

– Ты куда? – спросил брат, одним глазом наблюдая за друзьями, другим – за сестрой.

– На *губину*! – ответила Яна, не останавливаясь и не поворачивая головы. Она смело вошла в воду, сделала несколько шагов, весело захихикала, почувствовав волну. Забарахтала маленькими пухлыми ножками, ушла прямо под волну. Вынырнула из-под нее ногами вверх, лицом вниз...

Потом были и еще приключения. Прыгая с мостика, Артем разбил голову, пришлось даже накладывать швы. Зато он теперь спокойно сидел на берегу и следил за сестрой, которая уже успела оправиться от испуга и жаждала продолжить свои подвиги в борьбе с морем.

Напоследок Яна решила попробовать лист огромного

цветка в кадке, который стоял во дворе. Цветок недавно распустился и привлекал к себе всеобщее внимание. Его широкие листья с продольными серыми прожилками были всегда влажными, будто от росы. Яна, как многие в ее чудесном возрасте, решила попробовать лист на вкус.

Что это за растение и каковы его особенности, Лиза выяснила лишь после случившегося. Язык Яны распух и не помещался во рту, кроме этого, растение обладало анестезирующим действием.

К педиатру была очередь, Лиза просидела в коридоре почти два часа. Яна меньше всех понимала, что с ней произошло, она высовывала язык, попыталась заплакать, но вскоре передумала. Начала бегать по больнице. Самое удивительное, что врач ничуть не удивился, такие случаи уже бывали. Далеко не у одной Яны возникло желание попробовать листья цветка.

В общем, в результате все кончилось хорошо. Члены семейства вернулись домой в целости и сохранности, с зажившим черепом, с нормальным языком и восстановленными вкусовыми рецепторами. Зато теперь каждый раз в ванной Яна надевала круг и говорила: «Я на губину!»

Лиза улыбнулась своим воспоминаниям. Все это время Иван Сергеевич внимательно наблюдал за ней. Небольшого роста, чуть полноватая женщина, острая на язычок, коммуникабельная, располагающая к себе. С такими, как она, комфортно, они легки в общении, адекватно воспринимают ре-

альность, не любят создавать другим проблемы.

«Мне будет хорошо с ней», – подумал Иван Сергеевич и уже ни на йоту не сомневался в правильности своего решения.

– Елизавета Васильевна, здесь недалеко есть замечательный рынок, – сказал он, посмотрел на часы. Времени оставалось до автобуса в обрез. – Там можно купить все, что необходимо. Кстати, посоветую приобрести лечебный бальзам, настоящий на 29 травах. Национальный рецепт.

Лиза была поражена. За все, что она приобрела на рынке, Иван Сергеевич заплатил сам. Он наотрез отказался взять у нее деньги. Мягко, но решительно прервал разговор на эту тему.

Глава 11

– Викуся, – тихо позвала Надежда. Ей не хотелось будить подругу, но надо же кого-то предупредить, что она решила отправиться на прогулку. Вика что-то пробормотала, перевернулась на другой бок. Лежала такая забавная на своем зеленом диване с розовыми подушками.

– Я приготовила завтрак вам с Антоном, сама прогуляюсь, здесь есть речка и лес. Мне хочется побыть на природе, – Надя посмотрела на свой наряд: простенькая юбка, довольно длинная, кофточка с открытыми плечами, босоножки на плоской подошве. Вполне пригодно для прогулки. Волосы в

виде конского хвоста затянула резинкой.

– Ты такая умница, Наденька! – сонно отозвалась Вика. – Я была уверена, что сегодня ты сбежишь, – она открыла один глаз.

– Почему?

– Я хорошо тебя знаю. Тем более, после вчерашнего приёма. Хозяин просто дикарь, он и понятия не имеет как вести себя с дамами. Не удивляюсь, что его бросила жена, – Вика, наконец, проснулась, села в постели.

– Бросила? – удивилась Надя. – Кажется, Антон сказал, что они просто развелись.

– Какая разница? – отмахнулась Вика. – Лучше скажи, что тебя удержало от бегства?

Надя подошла к двери, обернулась.

– Вадим, – смущенно улыбнулась, – он извинился и попросил остаться.

– Вот как? – Вика выпрыгнула из постели, удивлению не было предела. – Оказывается, он умеет быть вежливым. Любопытно, ты не находишь? Знаешь, мне показалось, что раньше я где-то видела Вадима, – Вика накинула коротенький атласный халатик, посмотрела на себя в зеркало. Все равно хороша, и без косметики, и с торчащими во все стороны рыжими кудрями, которые в минуты волнения она намазывала на палец. – Такое ощущение, что я видела его очень давно, как будто в другой жизни. Воспоминание очень расплывчатое, нечеткое, такое, что я могу и ошибаться, не знаю.

– То есть, ты хочешь сказать, что могла знать Вадима раньше, до знакомства с Антоном?

– Да, когда у него еще не было таких замечательных мускул, а торс чего стоит! Ты обратила внимание?

– Нет, – покачала головой Надя. Она не обращала особого внимания на мужчин. Как можно? Ведь в сердце Миша! И она все еще его любит.

Надежда вышла из дому, огляделась, день выдался замечательным. Сегодня было не очень жарко, мягкий ветер, самое время для прогулки. Чувствуя себя героиней классического романа XIX века, которая решила совершить прогулку для приобретения хорошего цвета лица, Андреева, не спеша, направилась к дороге, ведущей в лес.

Она шла через поле, на котором в тесном содружестве с бойкими васильками росли нежные белоголовые ромашки. Они кокетливо цеплялись за юбку Нади и теряли свои лепесточки. По краям тропинки желтела сурепка, её веселые мелкие цветки густо усеивали стебли.

Надя сорвала ромашку, вспомнила, как в детстве на них гадала: любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет, своей назовет... Получилось, что не любит. Она вздохнула, неужели и ромашки знали о ее беде?

Андреева вышла на дорогу, обернулась, кругом ни души. Удивительно! Пока она шла, любовалась полем, издали волнующимся на ветру деревьями, не встретила ни одного человека. Да, в Беляниново численность населения небольшая,

но ведь рядом коттеджный поселок, и он строится, расширяется. Антон об этом вчера тоже упоминал.

Надежда вошла в лес, глубоко вдохнула, улыбнулась. Может, Вадим был прав? Здесь особая атмосфера – воздух, звуки, цвета. Настоящая терапия для души и сердца.

Надя побежала по тропинке, несколько раз подпрыгнула, почувствовала такую легкость, что казалось, стоит только расправить крылья, и ты взлетишь. Пронесешься над лесом, задевая верхушки деревьев, обгонишь ветер, почувствуешь свободу как птица, которая вырвалась из клетки.

Надя спустилась с небольшого пригорка, увидела овраг, возле него ручей, прозрачная вода тоненькой струйкой бежала по земле и терялась в густой влажной траве. Шум деревьев смолк, и Надя услышала голос ручейка – словно серебряный звон колокольчика. Где-то крикнула птица: «фью-и-и-ить», ей ответила другая, в стороне застрекотали сороки. Далеко-далеко послышался голос кукушки. Ну, вот не хватало еще спросить «сколько мне осталось?», и она замолчит на первом же слогe.

Андреева свернула с тропинки, среди кустов заметила пенёк – большой, неровно срезанный, будто трон для королевы. Вполне подходящее место, чтобы сесть и насладиться чудесным хором птиц.

– Николая, здесь удивительно, – Надя услышала мужской голос и вздрогнула, – уверен, мы быстро подберем необходимые места для съемок. Что скажешь?

– Недурно, но я бы не торопился, – ответил второй голос, – надо походить еще, мне, прежде всего, нужна поляна.

Надя испугалась. Первой её мыслью было бежать, но она не знала – куда? Вглубь леса? Выскочить на тропинку, по которой пришла? Было ясно, что двое мужчин шли именно по этой тропе. Следовательно, Надя выскочит прямо им навстречу. Кто они? Как они отреагируют?

Надя решила не двигаться с места и притаилась. Вдруг повезет, и ее не заметят?

Тем временем двое мужчин подходили все ближе.

– Нет, мне определенно здесь нравится! – чувствовалось, что говорящий был эмоциональным и жизнерадостным человеком. Лес его очаровал.

– Еще скажи, что тебя вдохновляет деревня, и ты хотел бы пожить в ней, Никита, – сказал его собеседник, в его голосе Надя ощутила сарказм.

– Почему бы и нет? Мне, как творческой личности, это было бы полезно. Коля, мне кажется, что и ты открыл бы для себя здесь многое, – они все ближе подходили к тому месту, где затаилась Надя. Она сидела тихо, боялась пошевелиться.

– Нет уж, увольте, провинция не для меня, – тот, кого звали Николаем, хмыкнул.

– Я поражаюсь тем, что тебе всегда все не нравится! – с сожалением воскликнул Никита, он сорвал ветку, Надя определила это по звуку.

– А я поражаюсь тому, что ты от всего приходишь в

немыслимый восторг, – парировал Николай. Оба мужчины сошли с тропинки, еще пара секунд... они остановились.

– Сделай общий план, – предложил Никита. Похоже, он давно смирился с тяжелым характером друга, – что ни говори, а в своем деле ты – ас, Николя, и во многом благодаря твоей камере – твоему «всевидящему оку», у нас получают-ся превосходные фильмы.

На явный комплимент Николай никак не отреагировал.

– Я помню кадры, которые ты сделал в нашем дебютном фильме. Первоклассная операторская работа! Ты показал Ингу именно такой, как я задумал, – продолжал восхищаться Никита, – мне необходимы были ее глаза, их боль, отчаяние. Кроме того, Инга – далеко не красавица, но тебе удалось поймать нужный ракурс и заставить поверить остальных в то, что в проявлении своих эмоций и чувств она привлекательней, интересней, чем те, кого считают эталоном красоты.

– У Инги есть талант, ум и она очень естественна, – заметил Николай, – я лишь отразил это. Кроме того, я предпочитаю делать свою работу добросовестно, в противном случае, не заниматься ею вообще, – он замолчал, похоже, что занялся съемкой.

Надя почувствовала, что больше не в силах сдерживать свое любопытство. Очень захотелось посмотреть на тех, кого она подслушивала вот уже несколько минут. Андреева слезла с пня, осторожно на корточках подкралась к кустам, за которыми стояли мужчины. Пришлось отвести в сторону боль-

шую ветку, которая мешала разглядеть их лица. Один был среднего роста, светловолосым. Круглое приятное лицо, нос картошкой, ясные, кажется, голубые глаза, на которые то и дело спадала длинная челка, которая, впрочем, нисколько ему не мешала. Да, скорее всего это был Никита.

Чтобы разглядеть его спутника, Наде пришлось сменить позицию, передвинуться влево и еще больше отвести в сторону ветку. Судя по тому, что второй мужчина был с камерой, это и есть Николай. Он профессионально держал камеру и снимал тропинку. Стоял так, что Андреева хорошо видела лишь его профиль, через пару секунд повернул голову, словно почувствовал чей-то взгляд.

Надя могла бы назвать этого мужчину красивым, если бы не его явная надменность, хотя черты лица его были правильными. Правда, губы сжаты в нитку, отчего казались тонкими и с долей презрительности. Прямой нос, глаза черные, крупные, обрамленные такими же черными ресницами. Брови широкие, но не очень густые. Чего не скажешь о волосах. Темные густые волосы, вероятно выющиеся от природы, аккуратно подстрижены на затылке, наполовину закрывали лоб. Высокий рост, безупречная осанка аристократа. Ему бы вместо джинсов и рубашки фрак, высокий белый воротничок и цилиндр на голову. Хотя, наверное, он бы и там, в другом столетии, отпугивал своей надменностью и холодным взглядом черных глаз.

– Пройдем дальше? – предложил Никита, указывая рукой

на то место, где пряталась Надя. Николай медленно двинулся вперед. Камеру не выключал.

Времени на раздумья не оставалось. Надежда выскочила из-за куста так неожиданно, что оба мужчины остановились как вкопанные. Она заметалась, пытаясь на ходу сообразить, что безопаснее: проскочить мимо них и бежать домой по знакомой тропе или рвануть дальше, вглубь леса? А что потом? В конце концов, можно и заблудиться.

– Простите! – Андреева выбрала первое. Главное, чтобы ее не вздумали останавливать. Но они были настолько ошарашены происходящим, что и не собирались чинить препятствия полусумасшедшей девице, так неожиданно выскочившей из-за кустов. Надя едва не задела Никиту, когда пробежала мимо. Она споткнулась о торчащий корень дерева, но не упала, лишь нескладно замахала руками, как заяц отпрыгнула в сторону и через секунду продолжила бегство.

– Полоумная! – услышала вслед.

Глава 12

Антон был счастлив. Он превосходно выспался, отдохнул. На кухне ждали завтрак и Вика. Она как раз готовила кофе. Ну, просто идиллия!

– Доброе утро, красавица! – Антон посмотрел на нее влюбленными глазами. Он опять сходил с ума от этой женщины. После их расставания он довольно долго пытался из-

бавиться от болезни, называемой «Виктория Корецкая». Казалось, вылечился навсегда. Не тут-то было! Она появилась, и все вернулось на круги своя. И чувства стали еще сильнее, чем раньше.

– Доброе утро, Тошенька! – ответила Вика и поставила перед ним тарелку. – Хотя по местным понятиям уже давно день. Вадим уехал несколько часов назад, Надюша отправилась на прогулку.

– Одна? – воскликнул Антон. – Слушай, твоя подруга точно не совсем нормальная. Она же не знает этих мест, куда её понесло?

Вика села напротив, разлила кофе по чашкам.

– Между прочим, эта ненормальная, как ты говоришь, приготовила нам завтрак и успела пообщаться с твоим Вадимом, который её уговорил остаться, – сообщила Вика. Она была рада, что подруга не сбежала, что они все вместе отдохнут. Вот только немного обидно то, что хозяин не уговаривал её – Викторию. Вчера вечером он был резок и совсем негостеприимен. Правда, в этой грубости было нечто привлекательное, хотя и дикое, необузданное. Что ни говори, а Вадим выглядел мужественным не только из-за того, что был в одних джинсах, которые прекрасно смотрелись на нем. Интересно, он, что специально носит джинсы на размер меньше?

Вика внимательно посмотрела на Антона. Худенький, суетливый, многословный, сыплет остротами, хочет изо всех сил казаться лучше, чем есть на самом деле. Старается про-

известии неизгладимое впечатление. Любой из нас так делает, когда влюблен. Любопытно, как бы на его месте себя вел Вадим? Вике эта мысль показалась забавной.

– О чем ты думаешь? – от внимания Антона не ускользнул её насмешливый взгляд.

Вика не успела ответить, громко хлопнула входная дверь, Надя буквально ворвалась в дом, побежала к лестнице.

– И ты утверждаешь, что она нормальная? – спросил Антон. Вика бросила на него сердитый взгляд и поторопилась вслед за подружкой.

Надя копалась в сумке, что-то искала. Подняла голову, села прямо на пол рядом с сумкой.

– Вкусь, скажи, я и вправду кажусь ненормальной? – спустя секунду задала этот вопрос. Вика смутилась, Надя будто слышала слова Антона. – Мне все время не везет, у меня не складываются отношения ни с одним парнем, я часто попадаю в глупые ситуации, выгляжу при этом нелепо. Я не ищу проблем, они сами меня подстерегают. Во мне что-то не так.

Вика подошла к подружке, усмехнулась, погладила по волосам.

– Успокойся. Ты – самое разумное существо, которое я когда-либо встречала. У тебя столько достоинств, что по сравнению со мной, ты – просто идеал. А относительно мужчин можешь не огорчаться. Дело лишь в том, что ты еще не встретила того, кто тебе действительно нужен. Я верю, что у тебя все сложится хорошо, и он обязательно появится. Главное,

надеяться на лучшее. Ты ведь у нас Надежда.

– А ты – Виктория – победа.

– Отлично! Вместе мы настоящая команда!

Антон услышал телефонный звонок. Вика все еще была наверху, утешала подругу. Все-таки странная эта Надя, не от мира сего. Отправилась одна на прогулку, прибежала, будто за ней гнались. Вчера была молчалива, сдержанна, Вика говорит, что она просто смущалась. Конечно, Вадьке она не понравилась. Впрочем, ему кажется и Виктория не по душе. Вот и хорошо! Такую красавицу захочет отбить любой.

Антон прошел в гостиную, взял трубку телефона.

– Ну, наконец-то! – гаркнул Вадим.

Антон забежал к себе в комнату, взял барсетку, ключи от машины, посмотрел в зеркало. Светлые волосы торчали ежиком во все стороны, на носу конопушки. Вид какой-то мальчишеский, а ему уже скоро 29. Моложе Вадима всего на год, а чисто внешне разница между ними весьма заметна. У Вадьки и фигура, и рост, да еще мускулы накачал. Вдобавок ведет себя как неприступная скала, которую охота покорить. Женщин трудно понять, то им подавай веселых и жизнерадостных, то с ума сходят только от одной холодности и недоступности. Их это заводит.

Антон постучал в комнату к девушкам.

– Вика, извините, – он засунул голову в дверной проем, поискал её глазами. Обе девушки сидели на полу возле Надиной сумки, – позвонил Вадим и попросил меня съездить

в его магазин, взять там бумаги и отвезти их ему. Мы вернемся вместе.

– Хорошо, – кивнула Вика, – значит, вас ждать ближе к вечеру?

– Постараемся вернуться раньше.

Антон быстро нашел необходимые бумаги, у Вадима в магазине был похвальный порядок, вышел на улицу. Глазам своим не поверил: Николай Фертковский и Никита Бондарев – собственной персоной!

Они стояли возле машины и курили. Никита, как обычно, что-то рассказывал и жестикулировал. У него с Антоном был похожий темперамент, активные жизненные позиции, стремление добиться в этой жизни как можно больше. Он овладел профессией режиссера-постановщика, сделал два весьма успешных проекта, получил за один из них премию «Золотой Орел». Мечтал когда-нибудь покорить Канны. Николай был первоклассным кинооператором и по совместительству другом Никиты. Обладал ни меньшим талантом, однако характер имел совсем иной. Сдержан, малообщителен, порой критичен и жесток, благодаря чему имел довольно узкий круг знакомых и еще меньше друзей. Однако это его нисколько не заботило. Как и то, что его внешность невероятно быстро привлекала и очаровывала женщин, которые в большинстве своем подвергались со стороны Николая беспощадной критике или саркастичному осмеянию.

Его черные блестящие глаза смотрели холодно и отчужденно, невозможно было понять, что оно чувствует и о чем думает.

Сейчас Николай внимательно слушал Никиту и как обычно не выказывал никаких эмоций. Поразительно, как эти два абсолютно разных человека понимали друг друга, были одной командой и создавали превосходные фильмы.

– Столичному бомонду синематографа огромный привет! – шутливо поклонился Антон. – Каким ветром вас занесло в Беляниново? Вадим мне ничего не говорил.

– Привет финансовым выскочкам! – отозвался Никита, широко улыбнулся, пожимая ему руку.

– Привет! – в свою очередь поздоровался Николай, – ветер у нас всегда один – попутный.

– Да, мы приехали на съемки, – пояснил Никита, – здесь, в коттеджном поселке сняли целый дворец.

– Так вы не в курсе, что у Вадима в Беляниново дом? Более того, Николя, твой двоюродный брат открыл здесь магазинчик, – сообщил Антон и указал на вывеску.

– Вот как? – сдержанно удивился Николай. – Я рад за него. Он занят настоящим делом. Вообще-то мы давно не виделись.

– В таком случае, – Никита загасил сигарету, – приходите завтра вечером к нам в поселок, – предложил он. – У нас намечается вечеринка, а сегодня ночью и завтра днем планируем начать съемки.

– Мы будем рады встрече с искусством, – подмигнул Антон.

Надя не слышала, когда вернулись Вадим и Антон. Она решила приготовить ужин, это дало бы успокоение от переживаний по поводу случившихся с ней казусов, кроме того, сняло бы некоторую неловкость от осознания того, что ты живешь просто так в чужом доме.

Антон направился наверх, там он застал Вику, которая красила ногти. Надежда вошла в гостиную.

– Ой, простите! – она увидела Вадима и отступила, намереваясь дать задний ход. Молодой человек сидел в кресле, ноги – на маленьком плетеном стульчике. Вадим открыл глаза, убрал ноги.

– Надя, не уходите, – попросил он. Она в нерешительности остановилась. Еще не поняла, что ее смущает: вчерашняя неприветливость Вадима или его внезапная мягкость сегодня?

– Я приготовила ужин, – сказала она, все еще топталась в дверях, – прошу к столу.

Вадим поднялся с кресла, улыбнулся.

– Как давно я не слышал этих слов! – воскликнул он, Надя удивленно приподняла брови. – Наденька, Вы – просто чудо! Спасибо!

Он вышел из гостиной, направился в свою комнату.

– Я только приму душ и переоденусь, – не оборачиваясь,

крикнул уже у двери.

Глава 13

– Добрый вечер! – Виктория последней появилась в столовой. Выглядела потрясающе: коротенькое обтягивающее зеленое платье в сочетании с ее огненными волосами, стянутыми в высокий хвост, яркий макияж, на лице улыбка победительницы. Надя невольно почувствовала себя дурнушкой. Антон даже вскочил с места, казалось, еще секунда, и он упадет на колени перед Викторией и благоговейно приложится к её руке. Даже Вадим задержал на ней взгляд.

Да, Корецкая умела привлекать к себе внимание. И дело было даже не в её красоте, не так уж она была и красива. Просто излучала невероятную уверенность, умение выгодно подать себя, сделать так, чтобы все окружающие именно на неё обращали внимание. Вадим кашлянул, прикрыл рот рукой, с сожалением посмотрел на друга. Антон был полностью во власти этой рыжеволосой девицы. И она этим пользовалась, прекрасно отдавая отчет в своих действиях. Вадим понял, что испытывает настоящую неприязнь к пассивности Антона. Самое удивительное, что эта неприязнь возникла до того, как он её увидел. Рассказ друга послужил поводом, чтобы сделать какие-то выводы, которые на поверку оказались истиной. Можно было бы и не беспокоиться в том случае, если бы эта пантера любила Антона. Увы, но даже глупцу замет-

но, что она лишь позволяла любить себя. Вероятно, Виктория Корецкая не ведала, что такое быть отвергнутой и нелюбимой.

Вадим посмотрел на Надю. После минутного замешательства, связанного с триумфальным появлением «королевы Виктории», она задавила в себе ощущение неполноценности и ущербности своих внешних данных. Вика всегда была красивее и притом моложе на целых три года.

– Виктория, ты очаровательна! – произнес бестактный Антон и помог ей сесть за стол.

– Я всегда очаровательна, – самоуверенно заявила Корецкая и посмотрела на Вадима. Тот наблюдал, как Надя раскладывает салат, разливает сок, вытаскивает из духовки жаркое. Очевидно, что Андреевой не впервой обслуживать за столом. И понятно, что она привыкла быть в тени своей блистательной подруги.

– Наденька, я помогу Вам, – Вадим поднялся из-за стола и взял из её рук блюдо, – м-м-м, какой чудесный запах! Одно из несомненных достоинств женщины – её умение готовить пищу. В этом есть что-то из древних времен. Это словно подтверждение тому, что она умеет поддерживать семейный очаг, его тепло, так необходимое мужчине.

Вика даже открыла рот от удивления. Вот так сердечно и недвусмысленно Вадим дал понять, что восхищается Надеждой. Она смущенно пожала плечами.

– Мне кажется, сейчас в век прогресса и быстро разви-

вающихся технологий, кулинария для современного человека теряет актуальность и значимость, – сказала она, – из-за нехватки времени люди едят почти на ходу.

– Тем ценнее Ваши способности, – Вадим взял вилку и нож. – Всем приятного аппетита!

После ужина он настойчиво отослал Надю отдыхать, сам остался на кухне мыть посуду. Антон попытался уговорить Викторию отправиться на прогулку, но у неё испортилось настроение, и она в довольно резкой форме отказала. Антон спустился на первый этаж и встал в дверях кухни.

– Я думал, что ты со своей подружкой отправился наслаждаться местными красотами, вдыхать экологически чистый воздух и молоть романтическую чушь, – сказал Вадим, завидев друга. Он подал Антону полотенце.

– У Вики плохое настроение, – пожаловался Антон, он и сам выглядел расстроенным.

– Неужели? – усмехнулся Вадим и принялся складывать тарелки.

– Да, – подтвердил Антон, – Виктория из тех людей, у кого очень редко бывает плохое настроение, но если это случается...

– Понятно, – Вадим в задумчивости встал посередине кухни, – Антон, тебе не кажется, что эта девица не для тебя?

Антон так дернулся, что едва не выронил из рук и тарелку, и полотенце, поджал губы, сдвинул брови. Вадим отличался и проницательностью, и прямолинейностью. Если он

считал, что это полезно для друга, то мог сказать даже самую неприятную правду. Его брат тоже обладал подобными качествами. Это граничило с жестокостью, причиняло боль, хотя в большинстве случаев, время показывало, что они правы. Но не сейчас. Антону очень хотелось быть с Викторией, любить её, наслаждаться. Ведь это она позвонила, следовательно, поняла, что не может без него. Нет, у Антона должен быть шанс.

– Не для меня? – наконец спросил он, оправившись от шока. – Что ты хочешь этим сказать? Что я недостаточно хорош для неё?

Вадим сел за стол. Внезапно пожалел, что затеял этот разговор. Вон как Антон встрепенулся. Неужели так велика необходимость вмешиваться? Да, он отчетливо видел, что происходит, и понимал, чем все закончится. Когда озвучивал свои домыслы, вызывал у других лишь неприязнь, а то и ненависть. Но Антон, он замечательный парень, он достоин настоящей любви и искренности.

– Извини, кажется, я сказал глупость, – Вадим досадливо махнул рукой, покинул кухню, вышел на крыльцо. Очень надеялся, что Антон просто удовлетворится его извинениями.

– Вадь, поясни то, что ты сказал, – смешно было надеяться, что Антон отстанет. Он вышел следом. Вадим вздохнул, посмотрел на закатное небо, солнце потихоньку садилось. Только здесь, в Беляниново, Вадим увидел настоящее небо, удивительные романтические закаты и вдохновляющие рас-

светы. В этом было столько естества и красоты, что он, наконец, хоть в чем-то увидел смысл. Душа находила здесь уют, она ликовала и пела, когда он шел по бескрайним полям, ветер подталкивал в спину. Взор ласкала зелень холмов и густота леса, слух радовался шепоту листьев и трав. Почему-то именно здесь все становилось понятным и простым.

Тем временем Виктория вышла из комнаты, Надя сидела на террасе и читала книгу. Вике совсем не хотелось общаться с подругой, словно именно она была виновата в том, что триумф Виктории провалился с треском. Внимание Вадима, его неподдельное восхищение и нежность были предназначены Наденьке, он так её называл. А знакомы-то они всего лишь сутки. Корецкая знала, что мужчины с первой встречи не влюбляются в её подругу. У нее слишком несовременная внешность, она абсолютно не соответствовала сегодняшним стереотипам. Из-за лишней полноты, чрезмерной скромности, неумения подать себя Наде не хватало куража, яркости, хотя она была умна, начитана, умело правильно и интересно выражать свои мысли. Эмоционально раскрывалась лишь в узком кругу. На людях от стеснения и неловкости попадала в нелепые ситуации, тем самым производила странное впечатление на окружающих.

– Тоша, я погорячился, – Вадим все еще смотрел в небо.

– Я люблю эту женщину. Нравится тебе это или нет! – с жаром воскликнул Антон. Виктория спустилась с лестницы, остановилась в прихожей.

– Ну, и люби себе на здоровье, – оба, и Вадим, и Антон, стояли спиной к Корецкой. – Тебе никто не запрещает. Если тебе хорошо с ней, я только порадуюсь.

– Да, мне хорошо с ней, – твердо сказал Антон, – ты не знаешь, как я страдал, когда мы расстались, ты в это время был за границей. Я был буквально болен.

– А сейчас рецидив? – Вадим не удержался от сарказма.

– Я просто люблю её, – от возмущения он не находил подходящих слов. Таких, которые бы убедили друга. Ведь мнение Вадима было так важно.

Вадим внимательно поглядел на него: волосы еще больше взъерошены, в глазах возмущение и горячее желание доказывать наличие превосходных качества у своей возлюбленной.

– Ты не думал о том, что поставил её на пьедестал и любишь? Ты придумал образ, которым сладко упиваешься. Идеал – это прекрасно для сонетов и панегириков. Прекрасно и иллюзорно. Поверь, когда чары разрушатся, будет больно, а потом пусто, душевный вакуум. От него тяжело избавиться, я-то знаю.

– Почему чары разрушатся? Что это значит? – Антон не понимал, куда Вадим клонит.

– Твоя прекрасная Лаура не любит тебя! Ни тебя, ни кого-то еще. Она просто не способна на это чувство.

– Откуда ты знаешь? – Антон ощущал, как в нем закипают злость и обида. Что себе позволяет Вадим? Возомнил себя

пророком?

Виктория замерла, не в силах пошевелиться. Её могли заметить в любой момент.

– Тоша, это очевидно. Конечно, ты ведь влюблен, поэтому слеп и необъективен. Мне не хочется тебя огорчать, но та, которую жаждет твое сердце, я уверен, при ближайшей возможности тебя бросит. Эта девица по природе своей неспособна долго на чем-то или на ком-то задерживать свое внимание.

– Но она сказала, что хочет быть со мной! – Антон даже сжал кулаки. – Ты несправедлив к Виктории! А может, она тебе самому нравится?

Вадим покачал головой, спустился по ступенькам крыльца.

– Виктория будет последней, кем я мог бы увлечься, – услышал Антон.

Глава 14

На следующий день Вадим опять уехал, теперь уже в столицу. Надя лишь видела в окно его отъезжающий автомобиль. Виктория успокоилась после вчерашних событий, по крайней мере, она была мила и приветлива и с Антоном, и с подругой. Все втроем ходили на речку, плавали, загорали. Надя все еще немного стеснялась Антона, но он был настолько увлечен Викторией, что Андрееву просто не замечал.

На обратной дороге разговор зашел о том, чтобы пойти на вечеринку в коттеджный поселок. Викторию эта идея привела в полный восторг, вот где она компенсирует вчерашнее поражение, сумеет блеснуть, насладиться обществом мужчин. Ничего не подозревающий Антон охотно рассказывал о своих друзьях-кинатографистах.

Надя шла, немного отстав, думала о своем и мало что слышала из рассказа Антона. На предложение пойти на вечеринку решила отказаться. Но Виктории во что бы то ни стало надо было уговорить подругу. Она проявила максимум настойчивости, привела массу убедительных доводов. Более того, подключила Антона. Надя не устояла под натиском. Что она теряла? Да ничего! А познакомиться с новыми людьми всегда интересно, так говорила Виктория.

Когда вернулись в дом, позвонил Вадим и с сожалением сообщил, что сможет вернуться в Беляниново лишь завтра вечером. Просил передать привет и извинения перед братом. Конечно же, они увидятся, но позже.

Вечерело. Из огромного трехэтажного особняка доносилась музыка. Не особняк, а дворец. Вокруг стояли автобусы и автомобили. Антон помог девушкам выйти из машины, пискнула сигнализация. Надя с опаской посмотрела на дворец, зачем согласилась придти сюда? Тем более что Вадима нет с ними. В его присутствии было бы как-то надежнее и спокойнее. Казалось, он способен тебя защитить, чтобы ни

случилось. Надя так впервые подумала о мужчине.

В холле прибывших гостей встретил Никита. Он, завидев Антона и его спутниц, дружелюбно улыбнулся. Надя начала пятиться к двери.

– Никита, это Виктория и Надежда, – сказал Антон, – девочки, это Никита Бондарев – знаменитый режиссер, гордость отечественного кинематографа.

В этот момент в дверях появился Николай. Надя была готова провалиться сквозь землю. Если бы она знала... никогда бы не согласилась сюда прийти! Какой ужас! Сейчас Никита или Николай расскажут всем, как встретили её в лесу, как она позорно бежала, выскочив из-за кустов.

Надя была уже у двери, когда к ней обратился Никита.

– Наденька, пройдемте в гостиную? Хочу познакомить Вас со всеми остальными. И очень надеюсь, что Вы не откажетесь потанцевать со мной, – в его взгляде было столько искренности, столько тепла, что она кивнула. Отступить уже некуда.

Они прошли мимо Николая, который едва удостоил Надю взглядом. Кажется, они оба не узнали её! Слава Богу!

В гостиной было очень много народу, звучала танцевальная музыка, но танцевали мало. Собравшиеся, в основном, пили шампанское, шутили, о чем-то рассуждали, даже спорили. Не хватало только фраков и вечерних платьев. Хотя молодые женщины, правда, их было немного, надели открытые платья и выглядели довольно элегантно. В целом Наде

понравилась обстановка. Выглядело все скорее как презентация. Многие обсуждали будущий фильм, что-то доказывали друг другу на своем профессиональном языке. Надя сразу поняла, что всех этих людей объединяет одно общее дело. И оно им нравится.

Никита познакомил Андрееву с несколькими актрисами, исполнительница главной роли еще не приехала, они были довольно приветливы, с костюмером, художником, осветителями, операторами и еще очень многими. Имена, лица, Надя уже потеряла им счет. Антон с Викторией куда-то исчезли. Оказывается, они ушли осматривать дом вместе со сценаристом. Никите все-таки не удалось уговорить Надю потанцевать, она сослалась на очень узкие туфли, он пошутил насчет танца босиком. Усадил её в кресло, поручив развлекать одному из своих помощников, пообещал, что скоро вернется.

Чуть в стороне стоял Николай. Он не принимал участия во всеобщем веселье, скорее, наблюдал за происходящим. Лишь изредка потягивал из бокала шампанское. Надя, завидев его, опять смутилась. Вспомнила о своем бегстве и покраснела. Виталика – молоденького помощника режиссера – позвали к телефону.

Андреева осталась одна. Она покосилась на Николая, тот по-прежнему её не замечал, равнодушно смотрел на толпу. «Никогда бы не подумала, что столь красивое лицо может быть столь отталкивающим», – решила Надя и отвернулась. Появилась Вика, веселая, счастливая. Она уже получила до-

зу необходимого восхищения и комплиментов, кокетничала с мужчинами налево и направо, пила шампанское, танцевала. Увидев Надю, махнула ей рукой.

– Вадим не смог приехать, – Андреева услышала за спиной голос Антона, по всей вероятности тот подошел к Николаю. – Он просил извиниться, очень хотел тебя увидеть, Николая.

– Я понимаю, – кивнул Фертовский, – мы давно с ним не виделись. Много работы, мало свободного времени.

– Да, я слышал, ты все еще едешь в Штаты к сыну?

– Мне не часто удается его видеть, но я использую любую возможность. После того, как мы с Маргаритой развелись, она окончательно туда переехала, мне уже семь лет приходится пересекать Атлантику. Впрочем, это неважно. Сын для меня – самое главное в жизни. Все остальное – второстепенно. Мир детей удивителен. Даже если твоему ребенку уже почти 15, – Фертовский сделал еще глоток шампанского.

– Семь лет? – удивился Антон. – Не думал о том, чтобы сделать еще одну попытку? Кругом столько девушек. А с твоей внешностью, Николая, впору стать актером и сводить с ума представительниц прекрасной половины человечества.

– Боюсь, что не испытываю к этому никакой тяги: ни быть актером, ни пленять женские сердца. Я слишком требователен и притязателен. Кроме того, меня не привлекают женщины, которые в первый же вечер говорят «да», мне претит роль быть «преследуемым», а самому преследовать неинте-

ресно.

– Мне бы твою уверенность, – вздохнул Антон, – хотя я тоже не гонюсь за бешеной популярностью. Мне достаточно внимания и любви одной женщины. Виктория... – он наблюдал за тем, как она танцует – лучше всех! – Правда, она красива?

– Пожалуй, – согласился Фертковский, – кажется, с тобой была еще одна?

– Да, Надя – её подруга. Никита взял Надежду под свое покровительство.

– Бондарев любит опекать дурнушек. Он всеяден, – Николай повернул голову и вдруг увидел Андрееву. Она на секунду закрыла глаза, поморщилась как от зубной боли. Что ж, по крайней мере, этот напыщенный индюк сказал то, что думал.

Надя поднялась с кресла, направилась к выходу. Все правильно, все верно. Она не может нравиться. Только Миша разглядел в ней красивую и умную женщину, ведь он же согласился с ней встречаться. Да еще Вадим был с ней ласков и внимателен, но это элементарная вежливость. У неё нестандартная фигура, несовременные взгляды и принципы, она нелепая и невезучая.

Виктория перехватила подругу у самого выхода из гостиной.

– Ты куда?

– Домой. Я хочу домой.

– Не глупи, вечеринка в самом разгаре, – Виктория оттащила её в сторону, – тут столько интересных людей, так весело. Кроме этого, есть мужчины, с которыми вполне можно пофлиртовать. Наденька, тебе это сейчас так необходимо. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя красивой и желанной. Твой глупый Мишка растоптал в тебе женщину, настоящую женщину. Смотри, какой мужчина рядом с Тошей, они смотрят сюда, и, клянусь, что-то говорят про нас. Думаю, что говорят именно о тебе, – Виктория сощурилась, разглядывая Николая.

– Да, и он только что сказал, что я – дурнушка, – Наде все это надоело, она вырвалась из рук подруги и поторопилась к выходу.

– Так и сказал?! – Виктория догнала её, обернулась, еще раз бросила взгляд на Фертовского. Он смотрел на них, смотрел, не отрывая своих черных глаз. – Постой, Надежда Андреева! – она опять схватила Надю за руку. – Я хочу тебе кое-что сказать перед тем, как ты убежишь. Знаешь, почему у тебя ничего не получается? Ты не любишь себя! Ты не хочешь принять себя такой, какая ты есть. Принять и полюбить. Поэтому ты и не вызываешь любви у других. Твои неудачи не закаляют тебя, а загоняют в угол. Ты слушаешь всех, кто тебе говорит лишь гадости, но не видишь и не слышишь тех, кто тебя любит и желает добра. Подними голову, расправь плечи! Неужели слова этого высокомерного и надменного типа важнее сейчас того, о чем говорю я?! Если хочешь проигры-

вать, иди домой.

Андреева не ответила, повернулась, пошла к креслу. Перед тем, как сесть в него, дерзко и с вызовом посмотрела на Фертовского.

– Наденька, я потерял Вас, – рядом появился Никита.

– Разве можно потерять то, что еще не имел?

Внезапно усилившаяся музыка заглушила её слова, Никита склонился ближе, у него были голубые глаза, настоящие голубые глаза. Интересно, насколько он был искренен в своем желании опекать? Он просто жалел или ему, действительно, нравились женщины всех типов?

– Хотите, выйдем на балкон? – предложил Никита. – Там сейчас такая романтическая звездная ночь! Все женщины любят под звездами слушать серенады.

– Никита, – Надя взяла со столика бокал с шампанским, – серенады ведь поют красивым женщинам? – спросила она громко, так громко, чтобы услышал Фертовский, он, действительно, повернул голову.

– Серенады поют любимым женщинам, – улыбнулся Никита, – а некрасивых женщин не бывает, я это точно знаю. Есть лишь неумные мужчины, которые неспособны увидеть самое главное – красоту.

– Да, недостаток ума – для мужчины беда, самая настоящая, – Надя чувствовала, как Фертовский сверлит её глазами, – мне жаль таких мужчин, они многое теряют. Хотя, если ты глуп, то можешь и не догадываться о потере.

– Я тоже так думаю, – согласился Никита и увел Надежду на балкон.

Глава 15

Прошла неделя. За все это время Лиза ни разу не столкнулась с Иваном Сергеевичем. Работы было много, пришлось самой несколько раз взобраться на верхнюю площадку стапеля и следить за работой, сборка шла полным ходом.

Каждое утро Лиза входила в здание, где находился цех главной сборки. Здание было огромным, много этажей, последний из которых чуть-чуть не доставал до облаков. Так, по крайней мере, казалось. Горячее азиатское солнце по утрам направляло свои лучи на его фасад, нагревало обшивку нижних этажей и металлические гофрированные ворота.

Лиза сдавала пропуск в холле, получала белый халат, шла дальше. Вереница коридоров, несколько поворотов, маленькое помещение с деревянными низкими шкафчиками, рядом контейнер с обувью – такие тряпочные «чуни», которые раньше заставляли надевать в музеях. Далее подъем еще на два этажа, коридор и спуск.

Лиза вошла в цех, при входе поздоровалась с охранником, который сидел за столом и записывал вновь приходящих.

– Елизавета Васильевна! – к ней навстречу торопился технолог. – Нас сейчас переводят в «чистое» помещение. Туда придут итальянцы. Мы должны успеть собрать хотя бы од-

ну часть установки, – сообщил он, – у них какое-то стыковочное устройство, которое они хотят привезти.

– Сейчас? – удивилась Лиза, она подошла к круглому герметичному окну, за которым находилось «чистое» помещение. Там она еще не была.

– Да, Вы подойдете туда после обеда, мы все подготовим.

Полдня пролетело быстро, ступеньки увезли в «чистое» помещение. Все в цехе суетились, нервничали. Хотя могли бы и привыкнуть к подобным визитам. На следующей неделе ожидали еще и приезд американцев.

– Елизавета Васильевна! – один из конструкторов установки махнул ей рукой, приглашая войти. Лиза попала в помещение с тусклым светом, получила подробные инструкции. Необходимо на свой халат надеть еще один, застегнуть все до единой пуговицы, на ноги еще одни «чуни», на голову шапочка, под которую убрать все волосы.

Когда Лиза во все это облачилась, почувствовала, как буквально задыхается в своем новом одеянии: ткань была плотной и не вентилировалась, халат велик, мешал идти. Хорошо, что никому не пришло в голову повесить здесь зеркало, вот посмеялись бы над собой. Лиза вошла в барокамеру, здесь проходили обработку сухим паром.

Наконец все процедуры завершились, и Лиза шагнула в «чистое» помещение.

Оказывается, итальянцы уже прибыли. Небольшой групп-

пой, шесть человек, вместе с переводчицей они стояли недалеко от входа. Рядом – начальник цеха, его заместитель, несколько конструкторов, начальник конструкторского отдела. Итальянцы что-то быстро говорили, указывали на стапели, которых здесь было три. Лиза чувствовала себя более чем неловко. Она вспотела, халат мешал нормально передвигаться, шапочка то и дело сползала на глаза, волосы были мокрыми, они выбились из-под шапочки и прилипли ко лбу. Почему-то все остальные не смотрелись так комично. Длинноногая переводчица выглядела в халате как соблазнительная медсестра, да и шапочка на ней сидела складно. Итальянцы, смуглые от природы, вообще смотрелись великолепно в голубых халатах.

Лиза решила спрятаться за начальником цеха, и поскольку была маленького роста, сделала это вполне удачно. Вроде бы ее никто не видел, но она все слышала, и нельзя сказать, чтобы не присутствовала. Только проклятая шапочка мешала спокойно жить.

Вдруг все умолкли, начальники расступились, и неожиданно Лиза оказалась на обозрении присутствующих. Она услышала, как ее представили. Итальянцы с любопытством смотрели на маленькую раскрасневшуюся женщину, про которую рассказывала переводчица.

А Лиза думала о том, когда все это закончится. В какой-то момент захотелось сорвать шапку, бросить непродуваемый халат и убежать. Но она понимала, что пытку надо выдержать

до конца. Ничего не оставалось, как вымученно улыбаться и отвечать на вопросы.

Впрочем, итальянцы были благожелательны и настроены весьма дружелюбно. Некоторые из них тараторили на родном языке, тогда в бой вступала переводчица. А кое-кто переходил на английский язык. В этом случае в беседе без перевода принимали участие и конструктора, и начальник цеха. К своему удивлению Лиза определила, что понимает некоторые слова итальянского английского, иностранцы не очень себя озадачивали правильным произношением. И для того, чтобы понять их в общих чертах, оказывается, хватило школьных знаний. Пару раз Лиза даже вставила несколько слов, которые так кстати вспомнились. Тем самым привела в полный восторг иностранцев. Несмотря на это, она почувствовала себя намного лучше, когда покинула «чистое» помещение. Хотя надо признать, что настроение улучшилось еще там, после общения с итальянцами. Под конец беседа приняла вполне шуточный тон. Лиза забыла и про шапочку, и про неудобный халат.

Она вышла в цех, взъерошила влажные густые волосы, хорошо, что на концах еще осталась завивка. Лиза всегда любила стрижки, хотя когда-то в молодости имела длинные волосы, которые потом без сожаления отрезала. Чем старше женщина, тем короче у нее должны быть волосы, так считала Лиза.

Она прошла по цеху, увидела Федоровича. Тот мимикой

спросил «как все прошло?» Она кивнула.

– Белла донна! Белла донна!² – услышала за спиной, обернулась. Итальянцы узнали ее. Они гуськом передвигались за переводчицей, размахивали руками и возбужденно обсуждали увиденное.

Лиза засмеялась, по-итальянски «красивая дама» звучало как русское название ядовитого растения – белладонна. Смешным показалось потому, что Лиза отличалась умением вставлять, подтрунивать, порой ядовито, говорить колкости. Дочь унаследовала это качество, хотя и не в такой степени.

Лиза в отличном настроении вышла из здания цеха, рабочий день уже закончился. Она вздохнула, как хорошо, что сегодня пятница. Лиза любила вечер пятницы, рабочая неделя уже позади и тебя ждут выходные.

Она решила не обходить здание по его теневой стороне, пошла прямо под палящим солнцем. Хватило нескольких метров, чтобы понять, еще пару секунд, и она упадет в обморок. Тепловой удар был обеспечен.

– Кто же так делает? – Лиза услышала знакомый голос, – без головного убора прямо по солнцепеку. Хотя бы шапочку прихватили из цеха.

Иван Сергеевич подхватил Лизу под руки и отвел в тень. Как фокусник откуда-то вытащил бутылку с водой.

– Мне уже лучше, – сказала Лиза и посмотрела на своего спасителя. Он поднял на лоб темные очки, улыбнулся. Загар

² Белла донна – красивая женщина, красивая дама (итал.)

притаился в каждой морщинке-лучике. – Мне сегодня определенно везет на джентльменов.

Глава 16

Вадиму удалось вернуться раньше, не к вечеру, а к обеду. Он ехал в Беляниново и думал о том, что возвращается не в пустой дом. Эта мысль приятно согревала.

Перед самой развилкой в деревню и коттеджный поселок Вадим увидел съемочную группу, они расположились чуть в стороне от дороги. Деревенские жители, толпясь, глазели на происходящее, очень это странное действо – съемки фильма. Эмоциональный Бондарев громко втолковывал актеру, чего от него требуется, хвалил массовку, спорил с директором. Потом его отвлек оператор. Помощник режиссера Виталик бестолково суетился и испуганно вжимал голову в плечи, когда Никита выкрикивал его имя.

– Стоп! На сегодня достаточно! – наконец гаркнул Никита и устало махнул рукой. Все облегченно вздохнули, сегодняшние съемки казались особенно выматывающими, сказывалась бессонная ночь.

– Привет, Николая! – Вадим подошел к брату, тронул его за плечо. Тот уже выключил камеру, курил, наблюдая, как участники съемочной группы складывают аппаратуру в микроавтобусы.

– Привет! – Фертовский пожал руку Вадиму. – Давно не

виделись. Как родители?

– Все так же, – Вадим снисходительно улыбнулся, вспомнив о них. Матушка чуть ли не билась в истерику, когда Вадим решил уехать в Беляниново, отец пожал плечами: «по-смотрим».

– Николай Владимирович! Вы идете? – крикнули из автобуса.

– Зайдем ко мне? – предложил Вадим, – пообщаемся, я тебя таким кофе напою.

Фертовский секунду раздумывал, погасил сигарету.

– Хорошо.

Они остановились перед самым домом, Николай поднял голову, осмотрел фасад.

– Вадим, ты приобрел настоящее имение, – высказался он, – какова общая площадь?

– 148м², три комнаты, гостиная, кухня, ванная, душевая, терраса, – ответил Вадим. – Знаешь, мне самому нравится. Я не разделяю пристрастие к вычурному вкусу модных ныне дворцов и коттеджей.

Они вошли в прихожую.

– Вадим, как хорошо, что Вы приехали! – Надя торопливо спускалась по лестнице, на лице столько искренней радости, что Вадим понял: он рад ни меньше ее. От Нади исходило тепло, настоящее, человеческое. Вадиму страстно захотелось узнать поближе эту девушку. Увидев Фертовского, она

осеклась, изменилась в лице. Совсем не ожидала увидеть его здесь, хотя Антон упоминал, что Фертовский – двоюродный брат Вадима.

– Полагаю, вы уже знакомы, – сказал Вадим, – тому способствовала вчерашняя вечеринка. Хотя я помню, что Никола никогда не отличался любовью к проведению подобным образом свободного времени. Свадьбы вообще у него вызывают депрессию. Ему скучно, когда другие так безудержно веселятся.

– Это было заметно, – не удержалась Надя и посмотрела на Фертовского. Ей не нравился этот человек, и не только потому, что он вчера нелестно высказался в ее адрес, он вел себя отталкивающе, неприветливо. Казалось, его раздражают все окружающие, и он делает большое одолжение, нисходя до них.

– Мне показалось, что Вам было ни менее скучно, – на лице Фертовского промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку. Причем она была заметна лишь с долей секунды, в глазах, губы он по-прежнему надменно сжимал. – Вы хотели уйти в самом разгаре веселья.

– Почему Вы так решили? – неужели он наблюдал за ней?!

– Наденька, у моего брата зоркий глаз, – Вадиму показалось, что между этими двумя уже пролегла взаимная неприязнь, – он ведь всю жизнь с камерой и подмечает очень многое.

– Возможно, камера и помогает видеть то, что незаметно

невооруженному глазу, но, чтобы понимать других, нужна не техника, а душевные качества, – взволнованно сказала Надя. – Просто нужно научиться видеть.

– Для достижения цели неважны средства, главное – получить положительный результат, – спокойно парировал Фертовский.

– Иногда цель и средства – звенья разных цепей, ведь так легко перейти грань, думая лишь о цели. Вадим, – она не дала ответить Николаю, демонстративно повернувшись к Зорину, – вы с дороги, устали, я приготовила обед. Есть и кофе, – взгляд ее стал мягким.

Вадим смущенно покосился на брата. Так бывает, когда два человека едва знакомы, а уже неприятны друг другу. Вот ему, например, совсем не нравится подружка Антона, и ничего с этим не поделаешь.

– Приятного аппетита! – Надя, опустив глаза, прошла между двумя мужчинами, Фертовского так и не удостоила взглядом.

Как не настаивал Вадим, Николай от обеда категорически отказался. Он согласился лишь на кофе, и то после долгих уговоров. Сказал, что не любит кофе, сваренный женщиной.

– У Надюши великолепные кулинарные способности! – Вадим заглотнул обед одним махом. Он откинулся на спинку стула, блаженно улыбнулся.

– Ты давно ее знаешь? – спросил Николай, о чем-то думая.

– Несколько дней, Надю привез Антон. У нее какие-то

неприятности в жизни. Тоша и его подруга решили привезти Надежду сюда, в Беляниново.

– Подруга Антона? Такая девица с «огненными» волосами и внешностью фотомодели? Вчера она была примой.

– Да, это ее жизненная позиция, – прокомментировал Вадим, хлебнул кофе. Нет, брат в корне неправ. Женщина может варить великолепный кофе, и дело, наверное, вовсе не в этом. Николай отказался от этого божественного напитка лишь по причине того, что его готовила Надя.

– Каждый выбирает то, что считает необходимым. Кому-то блистать на подмостках, кому-то варить обед, – Николай поднялся со своего места, подошел к окну.

– Полагаю, ты о Наде? Поверь, брат, ты поверхностно судишь о ней. Кроме того, кажется, тебя злит, что она дала отпор самому Николаю Фертовскому, – Вадим улыбнулся. – Признай, что это было сделано умно.

– Ум женщины не должен оттачиваться на злословии.

В этот момент Надя вышла из дому, остановилась на крыльце, приставив ладошку ко лбу, полюбовалась небом удивительной голубизны. Такого неба никогда не бывает в мегаполисе, огромного, чистого, манящего своей бездонностью. Далеко-далеко, у самой кромки мирно дремали расплывшиеся полоски облаков, которые отстали от своих вчерашних собратьев. Надя любовалась ими и думала о том, что ее несколько не огорчила пикировка с братом Вадима, не испортила хорошего настроения. Надменный тип по име-

ни Николай Фертовский доставил ей всего лишь несколько неприятных минут, не более. Надя поняла, что ее больше не волнует его вчерашняя оценка, впрочем, как и сегодняшняя. Ей неинтересен человек и неинтересны его высказывания. Мало ли что он там думает!

Это было здорово! Андреева впервые осознала, что ее не тревожит то, как о ней говорят, как ее оценивают. Раньше, знакомясь с молодыми людьми, она с ужасом представляла себе, что о ней скажут, как посмотрят. Ждала критики и получала ее. Выходит, что она все время выступала в роли жертвы, поэтому к ней и относились как к жертве. Самое удивительное, что среди тех, кто выступал в роли купца на товар, чаще всего попадались недалекие и ограниченные личности. И только они имели право выбора. Они одаривали ее своим вниманием как милостынею. И Наде приходилось это принимать, ведь они мужчины, а ей по всем временным статьям пора замуж.

Андреева спустилась по ступенькам, подошла к цветам на клумбе. Наклонившись над одним из них, легонько обхватила бутон руками, закрыв глаза, вдохнула аромат.

– Нет, она мне определенно нравится, – Вадим оказался рядом с Николаем, который все это время наблюдал за девушкой.

– Только из-за того, что она нюхает цветы на твоей клумбе? – Фертовский сложил руки на груди. Вадим хорошо знал брата, сам иногда бывал таким саркастичным.

– Как ты думаешь, сколько лет Наде? – Вадим вернулся к своему кофе, налил еще чашку.

– Достаточно для того, чтобы хотеть выйти замуж, при этом иметь гораздо меньше шансов чем, скажем, лет шесть-семь назад, – не задумываясь, выдал Николай. – А поскольку она так и не вышла замуж, следовательно, спрос невелик.

– Я бы не стал так уверенно утверждать, – Вадиму все больше хотелось защитить Надежду от несправедливых нападков брата. – В нашей жизни происходят подчас события, которые нельзя объяснить так рационально и стандартно, как ты пытаешься это сделать, впихнув их в общепринятые, но не всегда справедливые, суждения, а порой они просто безжалостно унижают или даже растаптывают человека. Очень легко и просто сказать, да, она во всем сама виновата, у нее ничего не получается, потому что она, к примеру, не такая как все или что-то в этом роде. У каждого своя судьба, кто-то находит свое счастье рано, кто-то поздно, а кто-то умирает, так и не познав его. Николай, ты ведь тоже далеко небезупречен. Ты делал и делаешь ошибки, платишь за них. Я, как и ты, тоже ошибся. Неудачный брак – это не конец жизни, но это и не показатель твоих лучших качеств. Кто здесь прав, кто виноват, не стоит судить. Но необходимо помнить, что всегда есть шанс все исправить, есть шанс у каждого, если захочешь. А я хочу, да, я хочу быть счастливым, и кто знает, может быть, мое счастье сейчас в нескольких метрах от меня.

Фертовский покачал головой.

– У меня нет никакого желания спорить с тобой, доказывать что-то, опровергать, мы ни к чему не придем. Но одно я знаю точно: женщина должна быть достойна тебя, как материально, так и духовно. Мезальянс всегда обречен.

– Твой снобизм меня угнетает, – Вадим подошел к мойке. В этот момент у Фертовского зазвонил телефон, Никита жаждал видеть своего главного оператора.

Николай попрощался с братом, оба хлопнули друг друга по плечу и расстались мирно, признав, что напрасно затеяли спор. Раньше они часто спорили и редко соглашались друг с другом, однако никогда не обижались и не конфликтовали. Это главное.

– Добрый день! – в кухне появилась Виктория. – Вадим, как здорово, что Вы вернулись раньше! – радостно воскликнула она. Искренне была рада видеть его, так же как и Надя. Он лишь пожал плечами.

– Есть обед, кофе. Обслуживайте себя сами, – сказал торопливо и вышел, даже не посмотрев на Викторю.

Фертовский застал Надю все у той же клумбы. Девушка присела на корточки и внимательно рассматривала лепестки цветка. Она не заметила Николая, даже не слышала его шагов.

– Совершенствование ума, – негромко произнес он, – разве в наблюдении за цветами есть возможность совершенствовать свой ум? – спросил уже громче. Надя вздрогнула, резко выпрямилась, оказалась рядом с Фертовским. Он вни-

мательно смотрел на нее, близко его глаза не казались такими черными, кончик подбородка был мягко раздвоен.

– Кому, как ни Вам, это известно? – Надя быстро оправилась от внезапного испуга. – В цветах заложена абсолютная гармония красок, запахов, всевозможные сочетания их оттенков и форм. Это ли не пища для ума, это ли не тема для познания совершенства мира природы, которое ведет к совершенствованию ума? Ведь Вы оператор, фотограф, мастер света, тени, красок, для Вас мир – целая палитра художника, Вы можете наполнить все это чувствами, эмоциями. В Ваших руках, можно сказать, ключ от красоты.

– Я не так оптимистичен, – он сузил глаза, – мне гораздо важнее показать не отретушированный мир в розовых иллюзиях, а истину.

– Истину? Какую? – Надя сделала шаг в сторону, чуть не наступила на цветок. – Ту, от которой станет больно другим? Истину, способную на разрушение? Простите, но я не из тех, кто готов бороться за истину, которая делает других несчастными. Я должна идти, меня зовет подруга.

Надя увидела Викторию на крыльце и поспешила к ней, как к спасительному кругу. С Фертовским было очень неудобно. Он ушел, не попрощавшись и не оборачиваясь.

– Что этот тип хотел от тебя? – спросила Вика, глядя, как он быстрым шагом направляется по дороге в коттеджный поселок. – Он больше не говорил гадостей?

– Можно сказать «нет», – задумчиво отозвалась Надя, –

но он очень странный и к тому же мне совсем не нравится. Ты видела Вадима? Он вернулся.

– Да, – тяжело вздохнула Виктория.

Глава 17

– Доброе утро! – Надя вошла в кухню. Вадим стоял возле чайника и задумчиво наблюдал за ним. Обернулся, лицо осветила улыбка.

– Доброе утро, Наденька! Вы ранняя птичка, не спитесь?

Она пересекла кухню, села на высокий стул, смешно поболтала ногами.

– Наоборот! Я сплю здесь так крепко, что сама удивляюсь. А по утрам легко встаю, чего никогда не бывает дома. Наверное, Вы правы, Вадим, Беляниново – чудесное место. Мне кажется, я буду скучать по нему.

Вадим сел напротив и так пристально посмотрел девушке в глаза, что та смутилась. Вадим потер ладони и отвел взгляд. Чайник выключился, издав громкий щелчок.

– Полагаю, что эта проблема легко устранима, – Вадим протянул Наде хлеб, доску и нож, – Вы можете приезжать сюда, когда пожелаете, я буду счастлив.

Казалось, Вадим и сам смутился от своих слов, он резко вскочил, занялся приготовлением завтрака. Неожиданно в дверях появилась Виктория, была она без макияжа, в простеньком халатике, рыжие кудри в беспорядке, лицо сонное.

Вадим на секунду оторопел. Гламурной красавицы не было и в помине.

– Доброе утро! – сказала она, все еще стояла в дверях, словно не решалась войти.

– Доброе утро, Викуся! И ты проснулась так рано? – удивилась Надя, это ни сколько не похоже на подругу.

– Да, и я очень хочу с вами позавтракать, – кивнула Виктория, – только умоюсь. Вадим, Вы, надеюсь, не станете возражать, если я составлю Вам и Наде компанию?

– Это было бы крайне невежливо с моей стороны, – ответ прозвучал как-то двояко. Получалось, что Вадим не стал возражать лишь по причине нежелания прослыть невежливым. А на самом деле ему вовсе и не хотелось разделять трапезу с Викторией.

– Утро сегодня замечательное! – Корецкая вернулась из ванной-комнаты посвежевшая, волосы заколола, села рядом с Надей. – Какой изумительный чай! Кто заваривал?

– Я, – Вадим был вынужден на нее посмотреть, лицо стало хмурым. Надя сразу заметила перемену. Непонятно, почему Вадим так реагировал на её подругу. Вроде бы ничего плохого Викуся не делала, они виделись и разговаривали мало. Почти все время Вика проводила с Антоном, у них явно наладились отношения. Она благосклонно принимала ухаживания своего кавалера. В прошлую ночь даже ушла в его комнату, где осталась до утра. А уж как страстно они целовались у речки!

– Это очень важно – уметь правильно заваривать чай. Есть целая церемония, которая была придумана на Востоке. Чай для них – живое существо, таящее в себе волшебную энергию.

– Как интересно! – живо воскликнула Надя и посмотрела на Вадима. Тот оставался безучастным, лишь поглядывал на часы. – Ты мне об этом никогда не рассказывала.

– Я совсем недавно читала о чае и церемониях, – пояснила Виктория. Её голубые глаза внимательно следили за Вадимом: на его лице промелькнула усмешка. Он не очень-то верил в то, что Корецкая читает. Таким девицам литература неинтересна, разве что глянцевого журналы да книжные новинки, которые в большинстве своем отличаются полной бездарностью или весьма сомнительными литературными достоинствами. Зато читать их модно и престижно.

– Мне пора, – Вадим поднялся со своего места, взял тарелку, чашку, направился к мойке.

– Я за всеми помою посуду, – сказала ему вслед Виктория.

– Благодарю, но за мной не стоит, – Вадим покинул кухню, даже не обернувшись.

– Боже мой! Да он меня просто не выносит! – вырвалось у Виктории, она посмотрела на дверь, которой хлопнул Вадим.

– Пожалуйста, не преувеличивай, – Надя впервые видела подругу в таком отчаянии. Она придвинулась к ней, погладила по руке, – просто Вадим тебя еще плохо знает. Мы же совсем недавно приехали.

– Да, а с тобой он ведет себя так, как будто вы знакомы тысячу лет, – Вика громко хлебнула чай. – Чтобы я ни говорила, ему это не нравится. Он даже не смотрит на меня, считает глупой и бесчувственной куклой.

– Вика, что за фантазии? – удивилась Надя.

– Я слышала, как они с Тошей говорили обо мне. Вадим считает, что я неспособна на настоящие чувства, что я использую Антона, лишь позволяю себя любить, – Вика всхлипнула.

– Неужели так и сказал? – Надя удивлялась все больше. Ну да, Вадим не проявлял особого интереса к Вике, мало замечал ее, не стремился общаться. Но это нормально, ведь она – девушка его друга, Вадим знает, как Антон ее любит. Однако говорить о ней такое, да еще обсуждать это с Антоном!?

– А ты ничего не перепутала?

Вика отставила чашку, решила достать из кармана платок. Почему-то ужасно захотелось плакать. Платка в кармане не было.

– Может, я и дурочка, но не глухая! Вадим меня не любит! – слезы все-таки потекли по ее щекам.

– Тебе так необходима его любовь, Викуся? Даже если это и так, в чем я сомневаюсь, не стоит лить слезы по мужчине, с которым ты не собираешься встречаться и строить отношения. Подожди, я сбегая за платком.

В прихожей Надя увидела Вадима, оказывается, он еще не ушел.

– Наденька, как хорошо, что Вы появились, – он коснулся ее плеча, – какие у Вас на сегодня планы? Приходите после полудня ко мне в магазин. Мне хочется Вам его показать.

Надя рассеянно кивнула, Вадим, действительно, был с ней по-настоящему ласков и нежен.

– Только приходите одна, – добавил он и легонько дернул ее за локон.

Совсем обескураженная, Надежда сходила за платком для безутешной подруги. Конечно, ничего не стала говорить о приглашении Вадима, это было бы равносильно тому, что подлить масла в огонь.

Корецкая насилу успокоилась, в ней плакали обида и жалость к себе. Она не привыкла получать отказ, не привыкла проигрывать. А с Вадимом словно потерпела фиаско, хотя Надя и отрицала это. Даже если мы и стараемся сдерживать себя, не показывать своих истинных чувств, часто как любовь, так и ненависть выдают нас. Глаза, мимика, жесты, эмоции, фразы, поступки – стоит лишь внимательно приглядеться. И ты понимаешь, о чем человек думает, чего боится, от чего бежит, к чему стремится, о чем мечтает.

Надя шла по дороге к магазину Вадима и думала обо всем этом. Сегодня ее подруга впервые страдала из-за мужчины, его неприязни к себе, его поверхностных и скоропалительных суждений. А ведь первое впечатление – самое сильное. Говорят, что изначальную информацию, даже если она неверная, труднее всего выбросить из памяти. Может быть,

в чем-то Вика и легкомысленна, и поверхностна, иногда ради своих прихотей забывает о чувствах других. Но она не использует людей, не преследует корыстных целей, она заботлива, умеет сочувствовать и всегда готова прийти на помощь. А ведь это была именно ее идея – уехать отдохнуть в деревню, и, прежде всего, ради подруги.

– Наденька? – она услышала свое имя и обернулась. Кто же мог ее звать?

У забора возле магазина стояла женщина. Андреева озадаченно взлохматила челку. Что-то знакомое было в облике окликнувшей ее дамы. Знакомое, но далекое, словно затянутое пеленой времени. Ну, конечно, Марья Ивановна! Та самая Марья Ивановна, которая в детстве была тем, кто лучше всех рассказывал сказки. Да, за этими сказками они ходили к ней с сестрой. Старшая сестра Нади дружила с дочерью Марьи Ивановны. Прошло много лет, прежде, чем Надюша опять увидела Марью Ивановну. Но она и предположить не могла, что встретится в Беяниново.

– Как поживаете? – Надя тепло пожала ей руку.

– Спасибо, хорошо! А как ты? Какими судьбами здесь, в Беяниново?

– Мы с подругой Викторией приехали в гости к знакомому ее друга. А как Ваши дочери?

– Спасибо, хорошо. У меня уже внуки, – сообщила женщина. Да, она постарела. Надя только сейчас заметила множество мелких морщинок на лице, шее, руках. Время летит

незаметно. – Старшая дочь купила в Беляниново дом, куда мы ездим теперь на все лето и часть осени, – пояснила она, опередив вопросы Нади, глянула на часы, – Надюша, а заходи-ка ко мне в гости в ближайшее время, дом в конце деревни, синий такой, пообщаемся, вспомним былое, у нас ведь есть чего вспомнить?

– Да, Марья Ивановна, – улыбнулась Надя, – конечно, есть. Я обязательно приду, с Викой.

– Буду ждать, – она махнула рукой и торопливо перешла на другую сторону улицы. – А ты, Наденька, выросла в красивую девушку! – крикнула уже издалека. – Надеюсь, что тот, кто рядом с тобой, это знает.

Надя покачала головой и почему-то подумала о Вадиме.

Через минуту она вошла в магазин под названием «Скобяная лавка», все-таки было интересно посмотреть на то, чем занимается Вадим. Мужчины, которые увлеченно занимались настоящим делом, стремились к независимости, знали цену труду и усилиям, всегда вызывали у нее восхищение и уважение. Ей казалось, что эти достоинства гораздо важнее прочих. Вадим принадлежал к числу таких людей. За те несколько дней, что Надя прожила в его доме, она поняла это. Более того, его изначальная неприветливость и недовольство приездом гостей исчезли, уступив место душевной теплоте, желанию общаться и обоюдному интересу, который возник. С Вадимом было уютно, возникало чувство защищенности. Словно он как-то незаметно, но умело брал тебя

под свое покровительство. И почему-то казалось, что именно этот человек сумеет разрешить все проблемы.

Глава 18

– Как хорошо, что ты пришла! – воскликнул Вадим, встретив ее уже у двери, – он перешел на «ты», но Надя даже не заметила этого. – Вот мое рабочее место, мое, так сказать, хозяйство, – добавил он, – со следующей недели у меня будет свой продавец, дело пойдет еще быстрее.

Надя прошла вдоль магазинчика, внимательно осмотрела витрину, с любопытством заглянула за прилавок.

– Здорово! Мне нравится, – сделала она вывод и улыбнулась, – здесь добросовестно поработали отличный дизайнер и талантливый строитель. Не ошибусь, если предположу, что эти два товарища соединились в твоём лице?

– Ты не только догадлива и умна, но и красива.

Услышав за последние двадцать минут этот комплимент дважды, Надя смутилась и отвернулась. Кажется, этой девушке давно не говорили, что у нее масса достоинств. Неужели глупых мужчин так много?! Вадим понял, что наворачивает упущенное.

– Надюшка, а давай-ка пройдемся до реки? – неожиданно предложил он. Так захотелось показать ей все, что ему было дорого, открыв мир настоящей природы, свой мир. Конечно же, она согласится, – я закрою на сегодня магазин.

Вадим и Надя вышли на большую дорогу, которая по всей вероятности, забыла, что такое асфальт: волнистые и гребешковые неровности, местами коварные ухабы, собирающиеся после дождя мутные лужи, напоминающие воды Ганга. Их приходилось обходить, петляя и перепрыгивая, а при сухой погоде дорога тонула в клубящейся пыли, которую поднимал пролетающий транспорт, будь то простая тележка или иномарка, спешащая в коттеджный поселок. Там дорога выглядела абсолютно по-другому, современная, ровная колея, по которой привыкли ездить автомобили, ее черный асфальт высокомерно блестел на солнце. Поговаривали, что скоро и в Беляниново отремонтируют дорогу, и останутся лишь воспоминания о том, что здесь когда-то после обильного дождя застряла с сеном телега, перевернулась телега с женихом и невестой, они угодили, аккуратно, прямо в лужу; ссорились две бабы, громко оповещая деревню о «достоинствах» друг друга.

Вадим помог Наде перебраться через большой ухаб, они свернули на узкую тропинку. Беспokoйно шумели травы на ветру, солнце то и дело пряталось за облаками, которые порой принимали весьма причудливые формы. Ветер пригонял все новые. Воздух казался густым, насыщенным медоносными запахами цветов, горечью высоких трав, спелостью сладких налитых плодов. Впереди показался лес.

– А где же река? – удивилась Надя.

– За лесом, – пояснил Вадим.

– Мы ходили к реке совсем по другой дороге.

– Да, – Вадим посмотрел на часы, – та дорога короче, но эта мне больше нравится. Она ведет через лес, который я очень люблю. Ты поймешь это, когда очутишься в нем, почувствуешь его дыхание, его жизнь.

Вадим остановился, запрокинув голову, посмотрел на деревья, на лице – умиротворение. Он прикрыл глаза и что-то прошептал, словно находился в полной гармонии с природой, Надежда это почувствовала. Она так внимательно смотрела на молодого человека, что прониклась его ощущением. Ощущением своего истинного места во Вселенной, взаимопониманием природы и своего «я», неожиданно иного взгляда на все, что происходило и происходит с тобой, мгновенной переоценки мыслей и слов, добра и зла, внутреннего чувства радости, счастья, которое появляется у тебя, накачивая короткой, но незабываемой волной. Она проходит от самых ступней через все тело до груди, затем поднимается выше, до макушки, где рассыпается в стороны разноцветными искрами, согревающим дождем. Это благодать.

Надя Андреева подумала о том, что уже много месяцев не испытывала ничего подобного. словно все это время она упорно играла чужую роль, произносила чужие реплики и совершала несвойственные ее настоящему «я» поступки. Она примерила к себе эту роль и почему-то решила, что должна ее играть. В связи с этим у нее исчезла возможность быть самой собой, слышать голос своей души, а ведь он и без

того тихий. Это шепот, который часто полностью растворяется в обстоятельствах и событиях, в чрезмерных проявлениях эмоций и ненужных страстях, в излишней привязанности и важности, от которой мы особо зависимы.

Прошло всего несколько секунд, пока Надежда думала обо всем этом, а ей показалось, что перед глазами пробежала жизнь. Но страшно не стало, напротив, возникло чувство, что появился еще один шанс, что можно исправить и найти равновесие, чтобы смело идти дальше. Это было как молитва, как покаяние. И здесь ты не убегаешь от себя, ты приходишь к себе с миром и согласием.

– Ты выглядишь такой счастливой, такой светлой, что я физически ощущаю тепло, которое от тебя исходит, – тихо сказал Вадим. Теперь он наблюдал за Надей. Очень приятное лицо: на щеках легкий естественный румянец, средней полноты губы, улыбка на них ласковая, но самое главное глаза! Крупные, выразительные, в них как в чистом озере отражаются эмоции и чувства. Если эти глаза – зеркало души, то душа прекрасна.

Надя засмеялась, побежала вперед по тропинке. Пушистые темные волосы развивались на ветру. Лесная нимфа...

– Вадим, догоняй!

Он быстро догнал девушку, хотел схватить за руку, но Надя ловко увернулась, побежала к дереву. Спрятавшись за него, перевела дыхание, потом осторожно выглянула – Вадима нигде не было. Надежда присела на корточки и пробра-

лась к ближайшим кустам, опять выглянула, Вадим словно испарился.

Надя позвала его по имени, сначала тихо, потом громче. В ответ лишь стук дятла да шелест листвы. Девушка выпрямилась, почувствовала близко чье-то дыхание.

– Надеюсь, что ты любишь лесные цветы, – услышала над самым ухом, медленно обернулась: улыбка и целый букет желтых, белых, сиреневых огоньков и звездочек.

Река ослепительно искрилась на солнце, в ее середине быстрое течение гнало и кружило поток. У берегов течения не было, кувшинки вальяжно лежали на воде. В ней отражались небо и облака, которые стали редкими, очистив небосвод цвета «индиго».

Вадим и Надя сидели возле берега на траве, давно высохшей после росы. Надежда сплела венок, надела его, улыбнулась Вадиму.

– В твоих волосах и венке запуталось солнце, – сказал он и поправил несколько бледно-лиловых цветков, которые закрывали Наде глаза. – Тысячу лет не видел, как девушка плетет венок. Есть в этом что-то мистическое, таинственное, еще с языческих времен, – Вадим сорвал зеленую травинку и пожевал ее кончик. В следующий момент отвернулся. «Наверное, о чем-то вспомнил, и, судя по всему, не очень приятном», – догадалась Надя. Вадим помрачнел.

Молчание стало гнетущим, Андреева смутилась, почув-

ствовав себя лишней. Очарование, возникшее в лесу, исчезло, растворилось в печальном взгляде Вадима, в его глазах с густыми ресницами. Такими густыми и черными, которым позавидовала бы любая женщина. Помедлив, Андреева поднялась с травы и решила оставить Вадима наедине с самим собой. Каждый из нас имеет право на уединение.

– Ты куда? – Вадим схватил ее за руку. – Опять надумала бежать? – Он улыбнулся. – И не пытайся, не удастся.

Андреева впервые ощутила его большую и теплую ладонь.

– Разве друзья так поступают?

Надя смущенно пожала плечами.

– Иди сюда, сядь рядом, – он потянул ее за руку, – мне с тобой так хорошо.

Антон зашел на кухню и глазам своим не поверил: Виктория чистила картошку! Она, подвязавшись смешным клетчатым фартуком, сидела за столом и неловко орудовала ножом. На лице ни капли недовольства или раздражения. А ведь раньше она заявляла, что терпеть не может готовить, и никто и ничто не заставит ее это делать. Есть тип женщин, которые не хотят и не способны к овладению искусством кулинарии, Виктория Корецкая принадлежала к их числу. Это было видно невооруженным глазом, Вика без особого успеха, но упорно боролась с корнеплодами.

– Ты – само очарование! – Антон чмокнул ее в щеку, взял второй нож, принялся помогать.

– Не все так думают, – ворчливо заметила она.

– Тот, кто считает иначе, будет вынужден сразиться со мной на дуэли, – Антон шутливо махнул ножом, – главное, что я тебя считаю совершенством.

– Ну да, – Корецкая вздохнула. Антон был по-настоящему влюблен в нее, он заботился, ухаживал, как истинный джентльмен, уступал ей во всем, старался угодить, исполнял все желания. Антон был трепетным и ласковым. Чего же еще надо? Что нужно этому глупому и безрассудному сердцу, которое молчит, когда должно бы отозваться?! Оно не реагирует на нежность слов, тепло рук, на восхищенные взгляды, да и поступки говорят сами за себя. Антон ради нее, Виктории Корецкой, готов на многое.

Вика на секунду закрыла глаза и представила другое лицо, губы, руки... Одно лишь воспоминание о нем заставило сердце биться чаще, тело отозвалось, будто на ласку.

– Смотри, Вадим и Надя идут домой вместе, – Антон выглянул в окно, – вот обрадуются, что мы стряпаем ужин.

Вика уронила нож, с пальца капала кровь.

Глава 19

Иван Сергеевич проводил Лизу до самой двери ее номера. Всю дорогу до гостиницы он заботливо осведомлялся о здоровье своей спутницы, давал рекомендации и даже журил Лизу за опрометчивость. Нельзя так долго находиться под

палящим солнцем да еще без головного убора.

Лизе было приятно, о ней давно так не заботился мужчина. Супруг на этом поприще конкуренции не выдерживал. Да, у Лизаветы был муж, не пил, не курил, интеллигентный, образованный, но иногда казалось, что его просто нет. Он мог проигнорировать тот факт, что жена сегодня вечером приезжает из санатория и хорошо бы (!) ее встретить. Он сладко спал всю ночь, когда у дочери был приступ гастрита, Лиза и Артем ждали скорую помощь, нервничали, плакали. Отец семейства лишь раздраженно отмахнулся от них и через секунду уснул. Боря, прежде всего, думал о себе, а остальные...

Остальные находились за пределами мира, который ему полностью принадлежал. Пересечение его границ вызывало плохо скрываемое раздражение и желание еще больше уединиться, залезть в свой вакуум.

– Лизонька, Вам, действительно, лучше? – Иван Сергеевич дотронулся до ее локтя. Они уже стояли возле двери. Прикосновение к локтю женщины можно считать наиболее безопасным.

– Да, спасибо, Иван Сергеевич!

– Мне бы хотелось, чтобы Вы обращались ко мне без отчества, – мягко сказал он. Голос стал вкрадчивым, манеры галантными. Настоящий кот в период подготовки к охоте. Лизу эта мысль позабавила. Как разумная и мудрая женщина она видела, к чему клонит ее знакомый, знала, чем все может

окончиться. Слышала о нем уже достаточно для того, чтобы опасаться этого коварного искусителя, догадывалась, что может стать очередной победой в огромном списке, в этой очереди тех, кого он искушал. Очереди...

Лиза всегда отличалась индивидуальностью, не шла за толпой, не повторяла чужого мнения, она не изменяла своим принципам и взглядам в угоду моде или чьему-то авторитету. Поэтому прекрасно понимала, что не станет очередной в списке Ивана Сергеевича. Она привыкла контролировать ситуацию и радовалась, что насквозь видит все приемы и уловки своего визави. Однако не могла ни признать, что ей нравится его внимание, его забота. Лиза еще не понимала, что именно это и есть ее Ахиллесова пята.

И Иван Сергеевич это уже обнаружил.

– Без отчества?– переспросила она.– Не думаю, что это хорошая идея. Мы недостаточно знакомы, чтобы в нашем возрасте так быстро отказываться от общепринятых обращений.

– В таком случае, мы должны, познакомится поближе,– резонно заметил Иван Сергеевич. – А относительно возраста,– он улыбнулся, чуть больше прищурился левый глаз. Он так всегда улыбался, ассиметрично, но Лизу это не смущало. В целом Иван Сергеевич обладал весьма привлекательной внешностью, причем привлекательность его основывалась на мягкости черт, искры восхищения в глазах, достойных манерах. Он всегда говорил именно то, что желала услы-

шать женщина. Практически безошибочно угадывая ее чаяния, желания и ожидания.

– Вы молоды и красивы, Лизонька, я считаю для себя счастьем находиться возле Вас.

– Как же мало Вам надо для счастья, Иван Сергеевич! – Лиза вставила ключ в замочную скважину, тем самым, давая понять, что разговор близится к концу. Хотелось побыть одной, полежать, поразмышлять.

– Я и в правду неприятязателен.

– Неприязательность иногда можно рассматривать как всеядность. А у мужчин это приводит к определенным проблемам. Впрочем, это касается и женщин, – Лиза открыла дверь, сделала шаг.

– Я с Вами полностью согласен, – сказал Иван Сергеевич. Лиза обернулась. Он все еще стоял у порога ее двери. На лице все та же благожелательная улыбка.

– Доброго вечера! – Лиза не понимала, почему он не уходит. Озадаченная, она потянулась к двери, чтобы захлопнуть ее. Неожиданно Иван Сергеевич перехватил ее руку, довольно резко притянул к себе и, не раздумывая, поцеловал. Ничего подобного Лиза ожидать не могла, опешив, она ответила на поцелуй. И к своему ужасу испытала удовольствие. Увы, супруг никогда не умел целоваться, в отличие от Ивана Сергеевича. Его умелый язык проник в ее рот, мягко, но настойчиво исследовал его. На секунду у Лизы перехватило дыхание. Какое-то безумие! Еще недавно она говорила себе,

что никогда не попадет в такую ловушку, это не ее удел, и не только из-за морально-нравственных принципов. Лиза считала себя сильной во всем, была уверена, что сможет контролировать все происходящее с ней. Конечно, имелись в виду чувства. Лиза с иронией и сарказмом смотрела на тех дамочек, которые страдали от любви, влюблялись так, что теряли голову. Да, у нее всегда были поклонники и предложения самого разного рода, даже непристойные. Однако Лиза справлялась с ситуацией, где шуткой, где иронией, где грубостью и откровенной прямоотой. Это не трогало и не тревожило душу. Лиза гордилась собой.

– Ты что, совсем с ума сошел? – запоздало возмутилась она и оттолкнула Ивана Сергеевича.

– Да, разве это незаметно? – как ни в чем не бывало ответил он, буравил ее взглядом и, судя по всему, останавливаться на достигнутом не собирался. Вел себя как дерзкий мальчишка. Да и пыл проявлял по-настоящему мальчишеский. Это не могло оставить равнодушным. Лиза представлялась горной вершиной, которую мечтает покорить истинный профессионал-альпинист.

– Помычал и в стойло! – Лиза вдруг вспомнила выражение дочери, та любила такие молодежно-сленговые фразочки. Девица уже стала взрослой, привлекательной, появились поклонники, разные. Яна училась их отшивать. Выпаленная Лизой фраза несколько обескуражила Ивана Сергеевича, он замер.

Этого было достаточно, чтобы успеть захлопнуть дверь. Лиза закрыла замок на все обороты, бросилась на кровать, ожидая, что искуститель начнет стучать в дверь.

Прошла минута, еще одна. Стояла тишина, лишь будильник радостно тикал, очень довольный тем, что он один в этой комнате издает звуки. Лиза села на кровати, прислушалась. Затем бесшумно, на цыпочках подошла к двери. Тишина. Ушел ли ее страстный поклонник или все еще стоит за дверью?

Лиза осторожно повернула ключ в замке, чуть-чуть открыла дверь. Коридор был пуст. Лизавета рассмеялась, поняв всю глупость ситуации, в которую она попала. Глупость и нелепость. Она словно на короткое время попала в юность, когда совершать такие поступки было свойственно. Пылкие юноши крали первые поцелуи у девушек, те краснели, даже убегали, но снова и снова мечтали испытать подобное.

С годами отношения претерпевали изменения, романтика исчезала бесследно, на смену ей приходили более глубокие и более сдержанные чувства.

«Надо выбросить из головы всю эту глупость!» – подумала Лиза, стало стыдно, она не справилась с ситуацией и вела себя так неосмотрительно. Елизавета даже покраснела, с силой захлопнула дверь, как будто подвела итог тому, что произошло. Больше подобного не повторится.

Иван Сергеевич вышел из гостиницы, настроение было

прекрасным, словно выиграл приз, нет, что-то даже еще большее. Он, весьма довольный собой, потер руки, лицо просто светилось. Азарт! Иван был рабом этого чувства. Верным рабом. В погоне за удовольствиями, он становился все более азартным и ненасытным. Он достигал таких вершин удовольствия, о которых раньше и мечтать не смел, вместе с тем, пресыщение приходило все быстрее. Это было похоже на лабиринт: он увлеченно шел дальше, искал все новые пути, вместе с тем, шанс, что ты выйдешь на свободу, уменьшался с каждым разом, с каждым поворотом.

Глава 20

Как обычно рано утром Надежда спустилась в кухню, но Вадима уже не было. На дверце холодильника, прижатая магнитом-матрешкой, висела записка: «Доброе утро! Я в город, потом в магазин. Буду поздно».

Это показалось Наде таким трогательным, таким милым. Нет, Вадим не отчитывался перед ней, он просто доверял, ставя в известность, информируя. Миша, напротив, считал, что таким образом держит отчет, Надя, по его мнению, все время пыталась его контролировать. Он имел странную привычку исчезать, ничего не объясняя, не сообщая. И вполне естественно, что Андреева нервничала, волновалась, переживала. А потом упрекала Михаила, который появлялся, как ни в чем не бывало. Создавалось впечатление, что ему абсо-

лютно безразлично, есть ли в его жизни девушка, волнуется ли она, какие мысли приходят в голову в этот момент. Нет ничего хуже равнодушия, Надя вкусила эту горечь в полной мере. Наверное, Миша все-таки еще слишком молод и он не понял главного.

Надя опять прочитала записку. У Вадима был размашистый крупный почерк, буквы почти печатные. Обычно люди с таким почерком решительные и прямолинейные. Это похоже на Вадима. Вчера за ужином он опять игнорировал Викторию, удосужился сказать лишь пару сухих фраз. Надя внимательно наблюдала, подруга опять расстроилась. Они с Антоном так старались, весь вечер провели на кухне. Похоже, Вадима это не трогало. Он терпел присутствие Виктории в своем доме лишь исключительно из-за Антона. Это было своего рода предубеждение, от которого Вадим не собирался отказываться. Похоже, раз он заочно решил, что Виктория ему не нравится, так оно должно и быть. Ее попытки заговорить с ним терпели фиаско, Вадим либо отмалчивался, либо отвечал однозначно, он старался по возможности избегать ее общества.

Виктория впервые столкнулась с подобным и была удручена. Неприязнь Вадима к Виктории особо выделялась на фоне его симпатии к Надежде. Он словно менял сюжет. В такие минуты Надя чувствовала себя неловко. Она привыкла быть в тени своей, безусловно, красивой и везучей подруги, привыкла, что из них двоих молодые люди всегда запа-

дают на Корецкую. Она вполне соответствовала сегодняшним канонам. Надин небольшой рост, довольно полные бедра, ширококостность не котировались, времена Рубенса и Кустодиева давно прошли. СМИ активно навязывают обществу определенные стандарты, канонизируют образы и фигуры, даже лица. Все остальное не кондиция, не стандарт. Что остается? Менять себя в жесткой погоне за канонами, теряя свою индивидуальность, иногда даже здоровье. Или жить дальше, пребывая в категории тех, кто не вписывается. Виктория вписывалась, еще как! И это было даже привычно, нормально. До сегодняшней поездки, до встречи с Вадимом.

Весь вечер она сидела подавленная, бледная, с заклеенным пластырем пальцем. Антон утешал, как мог, все напрасно. Кроме раздражения это ничего не вызывало.

Виктория первой поднялась из-за стола, извинилась и покинула кухню. Девушка за весь вечер не съела ни кусочка. Антон с набитым ртом удивленно смотрел ей вслед, быстро доел ужин и побежал за возлюбленной.

Когда Надя вошла в комнату, Виктория уже спала или делала вид, что спит? Надежда почувствовала себя виноватой, она понимала всю абсурдность ситуации: расположение Вадима и его неприязнь к её подруге были очевидными, но не значащими так глубоко ни для одной из сторон. У Виктории был Антон, она приехала сюда с ним, Вадим всего лишь его друг, завтра они уедут и, возможно, Викуся больше никогда не увидит Вадима. А если увидит, то так близко к серд-

цу не должна принимать его мнение. Главное, её любит Антон. Надежда догадывалась, что в своих рассуждениях она чего-то не понимает, где-то упускает некие обстоятельства, которые влияют на поведение подруги. Она стала слишком болезненно реагировать на холодность Вадима к себе и его приветливость к Наде. У Виктории было такое лицо, словно Андреева её предавала, но в чем? Конечно, надо бы поговорить и понять, необходимо убедить Вику в том, что нельзя огорчаться лишь из-за того, что кто-то не восторгается ею, не превозносит, не готов пасть к её ногам. Надя подумала, что она-то к этому уже привыкла, отдавала себе отчет в том, что не всем может нравиться. И это её устраивало. В том, что произошло с Викой, нет ничего противоестественного, Надя в такой ситуации могла бы позлорадствовать, но ей это было чуждо. Она лишь пожалела подругу.

Надя вышла из дому, улыбнулась солнечному утру, поправила на плече сумку с книгой. Чтобы привести мысли в порядок и заодно насладиться утром, решила совершить прогулку в лес. Со вчерашнего дня она полюбила лес, благодаря Вадиму и его познаниям. Ведь Русь всегда была страной лесной, а понятие «степь» в сознании человека связывалось скорее с враждебными кочевниками, которые тревожили своими набегами. Лес укрывал от врагов, одевал, кормил, давал материал для строительства жилья. Из дерева возводились храмы, дома, крепости и мосты, русский человек искусно обращался с деревом: домашняя утварь, орудия труда, посу-

да, украшения. Обо всем этом рассказывал Вадим и о своих ощущениях. Надя никогда не думала, что мужчина может чувствовать так глубоко, Вадим поражал её все больше и больше. Ей было приятно думать о нем.

С этими мыслями она нашла ту поляну, на которую когда-то пришла в самый первый день, откуда бежала, едва не застигнутая двумя мужчинами, с которыми впоследствии все-таки познакомилась. И даже один из них оказался братом Вадима. Мир тесен.

Надя ласково погладила пенек, на котором тогда сидела. Он был большим, разохшимся, особенно с одной стороны, но все еще крепко цеплялся корнями за землю. Словно цеплялся за жизнь, не желала умирать, покидая этот мир, превратившись в щепки.

Надежда устроилась на пне, поправила длинную юбку, подоткнув её под себя, открыла книгу и погрузилась в чтение. В такие моменты мир для нее переставал существовать. Она жила и дышала тем, что происходило на страницах книги, она всем своим существом воспринимала её реальность. Книги наполняли ее жизнь всем тем, чего в ней так не хватало.

Например, старая добрая Англия XVIII века. Здесь творила любимая сердцу Джейн Остин. Самый ее знаменитый роман Андреева читала еще в юности и, как все девочки ее возраста, грезилась о мистере Дарси. Потрясающий образ мужчины, который на протяжении всего романа просто завора-

живал. Его отличие и особенность от других романтических героев были как раз в том, что он не был романтичен. Однако не меньше привлекателен. Он покорял своей загадочной сдержанностью, граничащей с надменностью, своей холодностью, которая, в конце концов, сменялась страстью и трепетностью.

Опять этот тип мужчин! Надя только сейчас поняла, что совсем недавно восхищалась в фильме подобным героем. Она тогда не провела параллели, а сейчас...

Размышления Андреевой прервал треск сучьев. Она дернулась так резко, что часть подола юбки попала в расщелину пня и зацепилась там. Надя хотела встать, но не вышло: что-то держало её за юбку. Только этого не хватало! Она не сразу поняла, что попала в капкан пня, а когда поняла, испугалась. Опять затрещали ветки, кто-то приближался, причем весьма быстро. Проделав несколько бесполезных манипуляций бедрами, Андреева забыла, что в руках держит книгу. Книга выскочила из ее рук как живая, и отлетела на такое расстояние, что, пытаясь за ней дотянуться, Надя просто порвала бы юбку, это в лучшем случае, а в худшем... Кто-то явно приближался к ней.

– Что Вы здесь делаете? – прозвучал вопрос. Надя развернулась и злобно посмотрела на Фертовского. Ну, конечно же, это был он! Кто еще мог появиться в самый неподходящий момент?! И увидеть ее позор! Тот, кто и так относился к ней хуже всех, считал ее нелепой и нескладной. Жестокая иро-

ния! И именно он появился здесь и сейчас.

Фертовский в молчаливом ожидании наблюдал за Надей. Одет был в синий спортивный костюм, черные кольца волос прилипли к мокрому лбу, в темных глазах неподдельное любопытство, губы опять сжаты. Этот тип вообще не умеет улыбаться?

Андреева злилась и на себя, и на него. Почему-то именно в присутствии таких мужчин, как этот, она больше всего попадала впросак. Хотя, в конечном счете, не стоит брать в расчет то, что думает Николай Фертовский! Она не Виктория и не станет страдать из-за того, что не нравится высокомерному брату Вадима.

Надя вдруг вспомнила, что Николай задал ей вопрос, ответ на который он, судя по всему, ждал.

– Читаю книгу, – брякнула она, искренне надеясь, что его это удовлетворит, и он уйдет. Фертовский поднял книгу, прочитал её название, вернул Наде, на лице ничего не отразилось.

– Таким странным способом? – опять прозвучал вопрос.

– Каким? – Ну, когда же он соизволит уйти?

– На расстоянии.

– До того, как Вы появились, книга была у меня, – Надя громко вздохнула. Её раздражала необходимость объяснять очевидные факты. Фертовский кивнул, словно принял её объяснения.

– Вы любите романы Джейн Остин?

Ему что, больше не с кем разговаривать? По утрам бегают по лесу, наверняка делает зарядку и ведет здоровый образ жизни. Снимает кино, ездит к сыну в Америку, не волочитя за юбками, хотя имеет весьма привлекательную внешность, и если бы не его характер, мог бы вызывать всеобщее обожание и симпатию.

Надя удивилась, что уже столько знает о Фертовском, знает, потому что слышала его разговор с Антоном, слышала и запомнила, это получилось само собой. Она не хотела.

Глава 21

– Да, я люблю романы Джейн Остин, – Надя сидела на своем дурацком пне и вынуждена была смотреть на Николая снизу вверх, запрокинув голову. Положение более чем неудобное. Встать и уйти она тоже не могла. Угроза порвать юбку была слишком велика, рисковать нельзя. Конечно, когда-нибудь все-таки придется слезть с этого пня, но только не при Фертовском. Надо всего лишь дождаться его ухода. Не будет же он вечно тут околачиваться?!

Фертовский стал крутить перстень на левом мизинце. Надя всегда считала пижонством, когда мужчина носил перстень. В большинстве своем она видела не отличающиеся вкусом огромные «печатки». На мужской руке безупречно смотрится лишь обручальное кольцо. Но перстень на руке Николая Фертовского был весьма аккуратным и небольшим

и, похоже, дорогим.

– Я невысокого мнения об этой писательнице, – Николай даже не догадывался о том, что Надя сейчас больше всего на свете желает избавиться от его общества. Она беспокойно ерзала на пне, хаотично листала книгу и была абсолютно не готова дискутировать.

– Вот как? Полагаю, на свете найдется мало того, о чем или о ком Вы были бы высокого мнения, – ей вовсе не хотелось дерзить или задираться. Было не до этого. Однако по-другому разговаривать с Фертовским, похоже, не получалось. Конечно же, не последнюю роль играли его слова там, на вечеринке. Как он выразился? Никита любит опекать дурнушек?

– Вы так хорошо успели меня изучить? – Николай почти улыбался, по крайней мере, его взгляд потеплел.

– Я не ставила перед собой подобной задачи, – Андреева попыталась поменять положение на пне, но опять услышала треск юбки. Что за напасть?

– Но мне было бы интересно услышать Ваше мнение, Надежда, – ого! Он помнил её имя!

У Нади от удивления расширились глаза, на миг она даже забыла о юбке.

– Уверен, услышал бы много интересного еще и потому, что Вы достаточно прямолинейны, но Вы искренне верите в то, что говорите.

Удивление сменилось недоверием. Не может быть, чтобы

этот человек уделял столько внимания её персоне. Простой наблюдательности тут мало. А они виделись всего пару-тройку раз. Нет, он всего лишь хочет её уязвить, задеть. Вероятно, он получает удовлетворение, когда окружающие конфузятся от его слов и поступков.

– Даже когда дерзите, – добавил он.

– Я стараюсь быть вежливой, – Надя почему-то решила оправдаться, хотя, наверное, не стоило. Эта мысль пришла в голову после того, как Фертовский усмехнулся. Он стоял прямо перед Андреевой и словно погружал в неё свои темные и прохладные, как пещерная река, глаза. Только этого не хватало! Романтическое сравнение, пришедшее Андреевой на ум, разозлило её. Разозлило и раздосадовало. Фертовский вызывал странные чувства, очень непонятные, неопределенные, он озадачивал, обескураживал. Честно говоря, Наде это ничуть не нравилось. Как и смущали его взгляды, который он то и дело бросал на нее.

– Что ж, я, пожалуй, побегу дальше, – Фертовский, наконец, сказал то, чего Надя так долго ждала. – Доброго дня!

Как только он скрылся из виду, Надя в нетерпении принялась освобождать свою юбку из капкана. Это оказалось не так-то просто. Надежда сидела в неудобной позе, развернув корпус, пыхла и проклинала собственную неуклюжесть.

– Позвольте, я все-таки Вам помогу, – услышала над самым ухом. О, Боже! Опять! Только не это!

Надя подняла глаза, подула на взмокшие волосы, часть ко-

торых вылезла из хвоста и торчала в разные стороны. Фертовский сел перед ней на корточки и осторожно потянул за юбку.

Андреева впервые видела его лицо так близко. Поразительно, что, работая в кино, он не стал актером! Правильные черты, лицо аристократа, ровный цвет кожи, которую не портила щетина, свидетельствующая о том, что её обладатель не брился несколько дней. Фертовский мог бы играть красивых злодеев или коварных искусителей. Но он предпочел работу оператора, работу совсем по другую сторону камеры.

– Готово, – он, наконец, освободил Надину юбку. Выпрямился. Да, рост, наверное, около метра девяносто. Вадим немного ниже. Странно, что Андреева их сравнила. Они хоть и братья, пусть и двоюродные, но не имеют ничего общего. Лед и пламень, согревающее тепло и арктический замораживающий холод.

– Благодарю Вас! – Андреева оправила злосчастную юбку. На свободе почувствовала себя еще хуже. Было досадно и страшно неловко, что Фертовский оказал ей помощь. Можно себе представить, что он думал о Наде в тот момент. Мало того, что девица, по его мнению, не отличалась красотой, была абсолютно несовременна, говорила дерзости да еще застряла в пне! Все опять обернулось против нее.

Надежда вздохнула, она уже смирилась с тем, что часто попадала в нелепые ситуации. Однажды совершенно случайно в электричке по пути в столицу познакомилась с молодым

человеком. Тот удивительно приятный случай, когда они понравились друг другу сразу, долго разговаривали, будто знакомы тысячу лет. Договорились встретиться на завтра тоже в электричке, условились о времени, Павел должен был подсесть на своей станции. Телефонами и адресами не обменялись. На прощание Надежда крикнула: «Четвертый вагон!» Вот только она не уточнила: от головы или с конца поезда? Оба решили по-разному. Надя сидела в четвертом вагоне с конца, а Павел – от начала. Она проехала пару остановок и, с грустью решив, что молодой человек передумал, вышла из поезда. Павел слишком поздно догадался о том, что надо бы пройти по всем вагонам. К этому времени в четвертом вагоне с конца Надежды Андреевой уже не было...

Они встретились спустя три года, совершенно случайно. Павел гулял с коляской, в которой спала его очаровательная дочка.

«Хорошо это или плохо, что мы не знаем своего будущего?» – думала тогда Надя. Скольких же ошибок можно было избежать, предостеречься. С другой стороны, жить, зная и ожидая того, что неизбежно и неминуемо!? Это ли не самое тяжелое в судьбе? У тебя просто нет шансов, и ты знаешь об этом. Нет шансов и нет даже малейшей надежды на лучший исход...

Надя пошла по тропинке, Фертовский – сзади. После случившегося, девушка чувствовала себя все еще скверно, ей хотелось побыть одной и успокоиться. Но, по всей видимо-

сти, Николай решил добить её до конца своим благородством. Он провожал Надю молча, шел сзади. Наверное, рассматривал её фигуру, которая, конечно же, не вызывала восхищения.

Надя шла как арестованная, покорно и обреченно. Когда она споткнулась уже на выходе из леса, Николай быстро отреагировал и дотронулся до её руки. Ну, вот для полного счастья не хватало еще и упасть!

– Спасибо, я в порядке! – Андреева одернула руку.

– Я заметил, – неожиданно у Фертовского зазвонил телефон. Надежда обрадовалась появившейся возможности, наконец, избавиться от общества Николая и убыстрила шаг. Она почти бегом передвигалась по тропинке через поле, уже видна была деревня.

Надя, не оборачиваясь, добралась до дому, облегченно перевела дух. В этот момент Виктория вышла на крыльцо.

– Доброе утро! – она потянулась, стряхнула с себя остатки сна. Улыбнулась так светло, так приветливо, что Надя подумала: утром отдохнувшая женщина особенно хороша! – Где ты была? Опять носилась по лесу? – догадалась Корецкая.

– Да, то есть, нет. Я сидела на пне, – Надя все рассказала подруге. Обе вошли в дом. Антон еще спал. Солнце игриво заглядывало в окна, наполняя пространство светом и теплом. Солнечные лучи, словно зайчики, скакали по деревянным перилам лестницы. В доме Вадима было не просто комфортно, здесь существовала своя какая-то особенная ат-

мосфера, легкая, уютная, словно у дома была своя мелодия, душевная мелодия.

– В результате я убежала от Фертовского, – закончила рассказ Надя, обе уже сидели за столом на кухне.

– Да-а-а, – протянула Виктория и задумалась, – знаешь, Надюша, мне кажется, Фертовский равнодушен к тебе, – наконец, изрекла она. Это прозвучало настолько невероятно и абсурдно, что Надежда сразу и бесповоротно отмела подобную мысль.

– Ерунда! Этого не может быть, потому что не может быть никогда! – отрезала Андреева, она подошла к окну, вспомнила о своей неловкости и, покраснев, опять разозлилась.

– Почему? – Вика обняла ее за плечо.

– Викуся, если этот надменный тип соизволил вытащить мою юбку из расщелины, это вовсе не значит, что он может питать какие-то чувства ко мне, – она посмотрела на подругу. Вика покачала головой. – В любом случае, мне Фертовский абсолютно неинтересен и я бы от всей души желала его больше не видеть и не слышать.

Глава 22

– Надюша, – Виктория нашла подругу читающей на балконе. Мягко сменяя знойный день, потихоньку приближался томный вечер. Надя вышла на балкон совсем недавно. За весь день она так и не вернулась к книге, с которой была в ле-

су. Это единственный роман Остин, который Андреева пока не прочитала – «Мэнсфилд-парк». Главная героиня была кроткой, замкнутой, очень порядочной и цельной натурой. Она нравилась Наде.

– Мы с Антоном хотим навестить Вадима в магазине, а затем пойти всем на речку. Сейчас плавать – одно удовольствие. Ты пойдешь с нами?

– Нет, я останусь дома, – Надя решила, что на сегодня ей впечатлений достаточно. Кроме того, она еще не была готова рассекать в купальнике перед Вадимом. – Я хочу почитать, идите без меня.

Непонятно почему, но Виктория заметно обрадовалась решению подруги. В другой ситуации она непременно принялась бы её уговаривать, настаивать на необходимости и пользы прогулки и купания. Но не сегодня...

Корецкая облачилась в довольно смелого покроя бикини, покрутилась перед зеркалом, кажется, осталась довольна собой.

– Мы не будем задерживаться, – в порыве необъяснимой радости она чмокнула Надю.

– Да, – Надя оторвалась от книги и задумчиво посмотрела вдаль. Туда, где полоска горизонта соединяла небо и поля, сочно-зеленые, травы волновались на ветру, – будьте осторожны. Мне кажется, погода поменяется и будет дождь.

– Но на небе совсем невинные облака! – возразила Виктория. Она расчесывала свои «огненные» волосы и закалывала

в хвост, такой же, как у Надежды.

– Это сейчас, но ветер меняется, – Надя опять уткнулась в книгу.

– Все будет просто замечательно! – Виктория быстро спустилась по лестнице. Даже каблучки стучали задорно.

Антон стоял у дороги. Увидев Викторию, махнул рукой. Сейчас она была особенно хороша, будто вся светилась, взгляд лучезарен, щеки тронул естественный румянец, в походке особая легкость, даже порхание. Если бы Антону предложили написать на холсте любовь, он бы изобразил Викторию. И не только потому, что он был влюблен в неё, от Виктории исходили пленительные флюиды, которые иначе как любовь и не назвать.

– Надюша с нами не пойдет, – сообщила Вика, Антон взял ее за руку.

– Думаю, Вадим нам обрадуется.

– Было бы здорово! – глаза Виктории сверкнули. – Тоша, расскажи мне о нем...

Вадим, действительно, обрадовался. Сегодня выдался на редкость бестолковый и пустой день. Вадим не встретился с поставщиком, заказ задержали, покупатель из коттеджного поселка остался недоволен. Ко всему прочему Вадим понимал, что ему просто необходим постоянный продавец. Еще недавно он обходился помощью со стороны жителей Беляниново, но сегодня этого мало.

– Вадя, явились твои лучшие покупатели! – крикнул Антон, когда они с Викой зашли в магазин. Перед этим она восхищалась тем, что увидела снаружи. Вадим выглянул из подсобки, улыбнулся.

– Что-то вы не в полном составе, – заметил он.

– Надя пожелала остаться дома, – сообщила Виктория. Она ходила вдоль витрины и внимательно рассматривала её содержимое. – Вадим, у вас удивительная способность создавать вокруг себя атмосферу уюта. Магазин просто потрясающий!

Вадим вышел из подсобки, вытер руки о тряпку.

– Наденька того же мнения, что и Вы, Виктория, – сказал он, даже не догадываясь, что причиняет ей боль своими словами, – жаль, что она не пришла с вами.

– Так Надежда здесь уже была?!

– Вадим, мы решили взять тебя с собой на речку, – неожиданно, но вовремя вмешался Антон. Виктория от возмущения только хлопала ресницами, вот так Надюша! Скрыла, что была в магазине у Вадима! И когда успела?

До реки дошли быстро. Солнце уже не было палящим, ветер, действительно, поменял направление. Деревья и кусты взволнованно перешептывались.

Вадим разделся первым, забежал в воду, красиво нырнул. Несколько мгновений и его голова показалась на середине реки. Там, где течение было быстрым, почти таким же, как

у горной речки. Она бурно несла свои темные воды, захватывая по пути потерявшиеся листья камыша, стрелы травы и нежные лепестки кувшинок. Косяки мелких рыбешек двигались также быстро, они словно играли наперегонки с течением.

Виктория разделась, но в воду не торопилась. Стоя на берегу, она наблюдала за двумя мужчинами: один из них, худенький, с узкими плечиками боязливо входил в воду, он весь сжался в комок. Зашел почти по пояс и остановился, кожа покрыта мурашками.

– Антон, ныряй! – крикнул Вадим. Он уже переплыл реку и был на противоположном берегу. Опять вошел в воду. Виктория, щурясь, пыталась разглядеть его. Тщетно, плохое зрение превращало все дальние предметы в расплывчатую гамму красок и нечетких силуэтов. На самом деле, Корецкая давно приспособилась к тому, что плохо видит. У нее были свои ориентиры, которые, правда, иногда подводили. Как, например, то, что она могла пройти мимо знакомых и не поздороваться. Потом приходилось оправдываться. Но уж лучше это, чем носить злосчастные очки или линзы, которые и того хуже – надо вставлять в глаза.

Антон все-таки поплыл. Они встретились с Вадимом на середине реки и принялись тянуть друг друга на дно.

Виктория от всей души желала, чтобы Вадим первым вышел из воды. Так и произошло. Он нехотя покинул теплый водоем, смешно поскакал на одной ноге, пытаясь избавиться

от воды в ушах. Его черные плавки в виде шортиков довольно соблазнительно обтягивали упругие ягодицы. Торс был великолепен! Рельефные мускулы на груди, руках. Вика поняла, что сходит с ума. С Вадима можно было лепить греческого бога. Хотелось, нестерпимо хотелось к нему прикоснуться, провести пальцами по его загорелой коже.

Вадим посмотрел на Викторию и, сам того не осознавая, провел глазами по её фигуре. Ничем не выдал своей реакции, лишь на долю секунды глаза его расширились. Взмах густых ресниц, и Вадим отвернулся.

– Вода теплая? – девушка подошла сзади.

– Да, теплее, чем воздух, – через плечо ответил Вадим. Он чувствовал досаду на то, что едва не выдал себя. Нельзя давать этой девице ни единого шанса. С другой стороны, это же так естественно, когда мужчина с любопытством смотрит на женщину, впервые видя её без одежды, ну, или почти без одежды. Хотя Николая, например, считает, что в обнаженной женщине нет загадочности, а платье должно быть таким, чтобы оно позволяло лишь догадываться о том, каково её тело.

Виктория проскользнула мимо Вадима и грациозно вошла в воду. Она проплыла несколько метров, легла на спину. Все это время Вадим смотрел на неё. Корецкая его не видела, но чувствовала, интуитивно чувствовала, что он наблюдает. Там, еще на берегу, между ними прошел легкий разряд, он был мимолетным, подобен ветерку, который, на секунду задержавшись, передал эмоции от одного к другому, а потом

исчез.

Антон тихонько подплыл к Виктории, вынырнул прямо из-под нее.

– Дурачок! Ты же меня утопишь, – она засмеялась. Настроение было чудесным. Виктория еще сама до конца не понимала причину своей радости. Неужели из-за Вадима?! Неужели мужчина смог пробудить в ней богатейшую палитру чувств, нового восприятия мира?!

Облака совсем спрятали солнце, они набухли и сгустились прямо над рекой. Цветом напоминали талый снег в самый разгар весны. Дождь! Первые капли застали Викторию и Антона еще в воде. Гроыхнуло. Ветер стал порывистым.

– Скорее на берег! – крикнул Вадим. Он уже надел джинсы, рубашку держал в руках. Вика и Антон выскочили одновременно, едва успели одеться. Опять раздался раскат грома. Где-то даже сверкнуло.

– Бежим домой! – Вадим поднял свою рубашку над головой. Крупные капли падали на траву и песок, веселыми кругами расходились по водной глади реки.

Антон надел свою футболку, она стала быстро намочать. Вика почувствовала, как прохладные капли дождя попадают на её оголенные плечи и руки, это не вызывало приятных ощущений. В следующую минуту она увидела над головой рубашку Вадима. Рубашка была плотной, из джинсовой ткани и еще не промокла насквозь. Получилось что-то вроде зонта. Они все втроем спрятались под рубашку: Ан-

тон с одного края, Виктория в середине. Бежали и смеялись, а дождь хлестал немилосердно, земля стала жидкой, грязь летела во все стороны. Виктория чувствовала близкое дыхание Вадима, слышала его смех, несколько раз он случайно касался её плеча, задевал бедром. Корецкая искренне благодарила силы небесные за дождь, который дал ей неожиданную возможность побыть рядом с Вадимом, почувствовать его прикосновение.

Глава 23

Надя вышла на крыльцо. Ну и ливень! Он обрушился быстро, словно небо внезапно прохудилось. На нем, еще недавно таком лазоревом, совсем недолго собирались облака, затем ветер принес тучи. Было интересно наблюдать, как сначала вдали косые потоки дождя падали на землю, именно в тех местах собрались самые тяжелые и набрякшие тучи. Затем ветер погнал их дальше, заволакивая небо и здесь, в Беляниново.

Надя начала волноваться за друзей. Они ведь ушли на речку. Идеи Вики иногда ничем хорошим не заканчивались. С другой стороны, это ведь именно она придумала сюда приехать. Теперь Надя нисколько не жалела, что приехала сюда. Мало того, она поймала себя на мысли, что за все это время больше не вспоминала о Мише. Ну, может, раз или два, и то в самом начале. То, что с ней происходило раньше, сейчас

казалось таким далеким, даже нереальным. Словно это было и не с ней. Миша, и все, что связано с ним, представлялось другой, чуждой ей жизнью. Неужели можно было думать, что без него нет ничего, что мир замкнулся только на нем, земля вертится из-за него?! Смешно и абсурдно! Да, у любви тоже есть свои издержки.

Надежда, наконец, увидела троицу, бегущую и накрытую рубашкой, которая так намочла, что уже не имело значения под ней прятаться. Но они все равно прятались, бежали, смеялись, толкая друг друга.

– Скорее, скорее! – Надежда открыла им дверь. Вика вбежала первой, веселая, шумная, сарафан интимно облепил её тело, босые ноги грязные почти до колен, локоны волос от воды стали темно-каштановыми.

– Надюша, это здорово! Мы такие мокрые! – Виктория махнула босоножками и побежала по лестнице наверх принимать душ.

– Мы искупались два раза! Один раз в реке, второй – под дождем, – Антон, счастливый, побежал вслед за Корецкой.

– Все было прекрасно, за исключением одного, – Вадим хитро улыбался. Стоял у дверного косяка, сложив руки на груди, такой влажный, мужественно привлекательный, – там не было тебя.

Надя покраснела, подняла с пола его мокрую рубашку.

– Я заварю всем чай, горячий, крепкий, с медом.

– Это замечательная идея, – Вадим не сводил с неё глаз,

будто гипнотизировал, – я приму душ, – он, наконец, отвел взгляд, спрятал улыбку и направился в свою комнату. – Спасибо, Наденька! – на пороге все-таки обернулся.

– За что?

– За то, что ты такая чудесная, заботливая и очень, – Вадим сделал паузу, – очень красивая...

Виктория включила душ. Теплый поток воды коснулся прохладной кожи. Он трепетно омывал тело, скатывался, образуя неровные дорожки. Вода чувственно ласкала грудь, дотрагиваясь до сосков. Она доставляла удовольствие подобно опытному мужчине. Виктория помассировала свою грудь, провела ладонью по плоскому животу, погладила бедра. Она вдруг представила себе сильные руки Вадима, его выразительные глаза с густыми ресницами, его губы, которые, наверняка, умели целовать так, что захватывало дух. Представила так отчетливо, что заныло внизу живота. Это становилось каким-то наваждением, непроходимым безумием! Из-за чего? Вадим был не умнее и не красивее поклонников Виктории. Кое-кто из них обладал даже более солидным капиталом, умел зарабатывать и тратить в одночасье внушительные суммы. Что же Вику цепляло в Вадиме? Какова причина того, что в ней просыпались чувства, о которых она и не подозревала? Казалось, они спали вечным и непробудным сном. Виктория никогда так глубоко и всесторонне не анализировала того, что с ней происходит. Это больше свойствен-

но Надежде. Она всегда обожала копаться в себе и в обстоятельствах, вечно что-то анализировала, порой залезая в такие дебри, что голова шла кругом. Суть в том, что происходящее от этого не менялось, порой, чем больше понимаешь, тем больше запутываешься, горе от ума...

Легкий взгляд на жизнь значительно её облегчает, Виктория так всегда считала. Но все до поры до времени. И очень хотелось верить, что она вернется к той, прежней Виктории. Мужчина ни в коем случае не должен занимать все жизненное пространство, в противном случае, это может плохо кончиться.

– М-м-м, какая ты соблазнительная! – Антон, устав ждать, шагнул к Корецкой прямо под душ, обвил руками её тело, прильнул к губам...

Вадим вышел из душа, натянул джинсы, рубашку, подошел к зеркалу. На него смотрел молодой мужчина, на лице – легкая щетина, брови густые, широкие. Мокрые волосы ежиком торчат в разные стороны. Близко посажены зеленые глаза, в них исчезла тоска и безысходность, порождаемые неудачами и разочарованиями. Теперь можно было безболезненно вспоминать и о Насте. Именно с неё началось излечение. И совсем неважно, что отношения закончились. Вадим был уверен, что Настя испытывала к нему искренние чувства. В этот момент они были необходимы друг другу. Настя исчезла, уступив место другой девушке, и Вадиму вдруг захоте-

лось, чтобы она ответила взаимностью...

– Антон, я хотела всего лишь принять душ, – Виктория ответила на его поцелуй, но в следующий момент оттолкнула. Это ужасно, но он стал раздражать её, ласки, нежность, внимание – все стало казаться навязчивым, почему-то неприятным. Еще недавно этого не было, Антон – очень славный мальчик, заботливый, предупредительный, готовый на все ради Виктории, но почему теперь ей этого не надо?

– Мы примем душ вместе, – он все еще улыбался, даже не подозревая о том, что творилось в голове у Корецкой, в голове и в сердце. Опять протянул руки, – ты же это всегда любила.

– А теперь не люблю, – она прятала глаза, словно по ним Антон мог догадаться о её мыслях и о Вадиме, – со временем вкус меняется. Нас ждут к чаю, Тошенька, неудобно задерживаться.

Антон убрал руки, стал серьезным, брызги воды попадали на лицо и стекали словно слезы.

На миг сердце Виктории сжалось от накатившей жалости. Что же происходило? Ловушка, в которую попали трое? И каждый из них невиноват в том, что так складываются обстоятельства. А может, бросить все и уехать? Убежать, пока не случилось того, что может разрушить их жизнь. Ведь Корецкая понимала, что Вадим может и не ответить на её чувства. А вдруг ответит? Надежда умирает последней. Надежда! Виктория совсем забыла о ней. Вполне возможно,

что происходящие события могут сделать их соперницами. Только этого не хватало! Нельзя допустить подобное.

Антон взял мочалку и отвернулся, скорее всего, обиделся. Да, для мужчины он слишком чувствителен, не то, что Вадим. Вика поняла, что начала их сравнивать, плохой признак.

– Я буду ждать тебя внизу, на кухне, – сказала она, испытывая неловкость. От этого даже как-то неуклюже выбралась из душевой.

Корецкая спустилась в кухню, увидела Вадима и поняла: никуда она не убежит. Слишком хорош был этот мужчина, слишком притягателен. И чем крепче казались его бастионы, тем сильнее хотелось их покорить.

Виктория села напротив Вадима, он поднял на неё глаза и тут же отвел их, всем своим видом опять показывая безразличие. Словно и не было тех нескольких незабываемых минут под дождем, когда Вадим проявлял заботу и внимание.

– Наденька, чем ты занималась без меня? – Вадим отпил глоток чаю, в то время как Андреева раскладывала по розеткам янтарный пахучий мед. Фраза Вадима прозвучала настолько интимно, что Виктория вздрогнула. Кажется, опасения небеспочвенны. Вадим готов ухаживать за её подругой. В его взгляде столько нежности, когда он смотрит на Надю. Нежности и еще чего-то. Интерес! Неподдельный интерес и восхищение. Виктория хорошо знала взгляд влюбленного мужчины. А что же Надежда? Она улыбается, переста-

ла смущаться, подшучивает над Вадимом. Кажется, забыла о своем Мише. Его вытесняет из сердца другой?

Виктория сидела за столом и смотрела в свою чашку, из которой не сделала ни глотка. Антон все еще не спускался. Корецкая не слышала, как её окликнула Надя, в следующую секунду её лицо изменилось, на нем был страх. Вадим вскочил со своего места. Дальше Виктория ничего не помнила.

Очнулась в гостиной на диване, рядом склонившийся над ней Вадим, на лице тревога. Тут же был замотанный в полотенце Антон.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Вадим. Оказывается, когда Вика упала в обморок прямо за столом, молодой человек подхватил её на руки, отнес в гостиную. Надя звала скорую, нашла нашатырь, сейчас выглядывала в окно.

– Врач приехал, – Надя посмотрела на подругу, которая была такой бледной, что становилось страшно, – я встречу.

– Антон, оденься, – приказал Вадим, тот спохватился, убежал. – Не переживай, я останусь с Викой, – заверил его Вадим.

«Он здесь! Он рядом!» – пронеслось у нее в мозгу. Стоило хлопнуться в обморок, чтобы Вадим был рядом. Виктория слабо улыбнулась, краем глаза увидела руку Вадима, дотронулась до нее. Он удивленно приподнял брови, посмотрел на руку, но не убрал ее. Почувствовал ледяные пальцы, которые утонули в его большой ладони.

Елизавета шла по участку контрольной станции и радовалась. С самого утра было хорошее настроение. Иногда так происходит: просыпаешься утром и понимаешь, как чудесен окружающий мир, как вдохновляет то, что у тебя есть возможность радоваться, жить, работать, наслаждаться всем этим. Вчерашние проблемы теряют свою остроту и в какой-то момент перестают так волновать, как прежде, слабеет их хватка. Новый день приносит новые возможности и дает новые шансы...

И сегодня её вчерашние сомнения и некоторая неловкость, связанные с Иваном, рассеивались в этом замечательном утре. Лиза похвалила себя, что осталась и остается такой разумной.

– Елизавета Васильевна! – её встретил Федорович, он вытирал руки о тряпку. Лиза невольно перевела взгляд, у Павла Федоровича на правой руке у четырех пальцев были ампутированы фаланги – несчастный случай. Произошло это давно, горюй – не горюй, Федорович приспособился и стал левшой. Несмотря на этот недостаток, всегда слыл специалистом высокого уровня, был способен грамотно и толково доказать свою точку зрения любому технологу, конструктору. Можно и не делать за всю жизнь карьеру, поднимаясь по иерархической лестнице и не заняв высокий пост. Можно просто стать лучшим в том, что делаешь, вкладывая душу, познавая все

глубины и тайны своей профессии.

– Доброе утро, Павел Федорович! – Лиза остановилась. Сегодня на станции было особенно суетливо и многолюдно. – Ермаков подписал документы?

– Да, пришел еще до начала рабочего дня, похвалил нас, – Федорович довольно улыбнулся. Казалось, его лицо, испещренное глубокими морщинами, даже чуть-чуть помолодело. Это из-за глаз – голубых и лукавых. Наверное, много лет назад эти глаза были по-настоящему голубыми, а волосы совсем не седыми, как сейчас. Павел Федорович никогда не ссутулился, поэтому назвать его дедом не поворачивался язык.

– Старт послезавтра? – спросила Лиза.

– Так точно, и будем надеяться, что все пройдет благополучно.

Лиза кивнула и пошла по направлению к столу мастеров.

– Доброе утро, Елизавета Васильевна! – услышала сзади, еще не успела обернуться, как Иван Сергеевич предстал пред взором. Вкусно пахнувший, энергичный. Лицо словно озарено светом.

– Доброе утро!

– У меня сегодня будет удачный день.

– Почему? – удивилась Лиза.

– Я встретил Вас! – и все, он пошел дальше, то и дело здороваясь со встречными и пожимая им руку.

Лиза пожала плечами. Слова, слова... слова и комплимен-

ты. Что они значат?! Армия из миллиарда слов, разве она способна сокрушить монолит и неизбежность событий, судеб, эпох?

Слова стали мало значить, когда в твоей душе поселилась тихая и немного печальная осень. В ней слова похожи на листья, которые сиротливо летят под ноги. И хотя внутри тебя еще тепло, отголоски ушедшего сезона жизни напоминают о себе, ты понимаешь, что лето юности уже никогда не вернется. Хотя, конечно же, везде живет своя прелесть, и в прозрачной капели прожитых вёсен, и в серебре исчезающих в морозной дымке зим. А осень наполнена золотыми нитями накопленной мудрости, потихоньку, но неизбежно увядающим очарованием.

Елизавета вздохнула, мысли о возрасте для женщины – самые коварные и удручающие. Особенно, когда, оглядываясь на прошлое, о многом сожалеешь. Наверное, многое надо было делать не так, не о том думать, ценить и любить иначе. Хотя, с другой стороны, сетуя на прошлое и сожалея об упущенных возможностях, мы не знаем, каково будущее. И выпало бы на нашу долю хорошего, светлого, поменяй хотя бы один поворот.

Лиза увидела начальника конструкторского отдела Ермакова и приветливо улыбнулась. Через полчаса она так увлеклась работой, что напрочь забыла о своих грустных мыслях относительно возраста.

Время до обеда пролетело незаметно, Елизавета и дольше

стояла бы над чертежами, если бы не появился Павел Федорович. Он, постучав пальцем по часам, напомнил Лизе об обеде.

Она спустилась в столовую. Ох, сколько народу! Придется стоять долго, попала в самый час пик. Почти в начале очереди стоял Иван Сергеевич.

– Елизавета Васильевна, ну наконец-то! – крикнул он и махнул рукой. – Я уже думал, что не дождусь Вас. Опять задержал Александр Иванович?

Лиза спрятала улыбку и пробралась к Ивану через толпу.

– Ой, я не взяла поднос, – поздно вспомнила она.

– У меня их два, – Иван Сергеевич продемонстрировал Лизе подносы.

– Вы всегда берете два? Или это исключительный случай? – в её словах прозвучала насмешка.

– Исключительный, конечно! – он сделал вид, что не заметил насмешки, говорил серьезно и искренне. Так захотелось поверить. – Где-то в глубине души я надеялся, что Вы появитесь. Считайте, что я пригласил Вас, Елизавета Васильевна, на обед. И не думайте возражать, я плачù.

Они устроились возле окна, Иван Сергеевич помог Лизе сесть, отодвинул стул. Да, галантность этого мужчины подкупала.

– Приятного аппетита! – он взял в руку вилку и нож. Ел медленно, аккуратно, поглядывал на Лизу с явным удовольствием. В какой-то момент она опять почувствовала, что пе-

рестает контролировать ситуацию. В горло не лез ни один кусок. Это плохо, это значит, что она начала волноваться.

– Вы долго разговаривали с Ермаковым, – вдруг сказал Иван Сергеевич. Тем самым обнаружил, что видел их и не один раз. Лиза поймала себя на мысли, что ей приятно это слышать. Хотя, лучше бы безразлично.

– Он прекрасный и остроумный рассказчик, – ей захотелось немного поинтриговать. Интересно, Иван ревнив?

– И о чем же Вы говорили?

– Ну, мало ли любопытного мужчины может поведать женщине, тем более, такой, как Александр Иванович.

– Такой, как Александр Иванович? – переспросил Иван, в его глазах что-то промелькнуло. Лиза не успела заметить, но вывод сделала верный. – Возле Вас все время крутятся мужчины, Елизавета Васильевна, Вы остроумны, коммуникабельны и очень независимы.

Лиза усмехнулась, слышала бы дочь. Между ними в последнее время установилось что-то вроде соперничества. Яна всем и каждому пыталась доказать, что она лучше матери. Пыталась скинуть её с пьедестала. Об этом иронично как-то сказала младшая сестра Лизы – Надежда. Надя была в том возрасте, когда девушка уже в силу жизненного опыта поумнела, стала рассудительной, избавилась от максимализма. Но еще не успела забыть глупостей своей юности. Одним словом, Надя понимала и сестру, и племянницу.

Надюшка... Лиза вспомнила о сестре, и на душе стало хо-

рошо. Так иногда с ней бывало. Хотя нельзя утверждать, что отношения между ними отличались безоблачностью. Восприятие мира было слишком разным. Надя эмоционально и открыто выплескивала чувства, Лиза предпочитала все держать в себе. Она скупилась на похвалу, на ласку, полагая, что выказывать такого рода эмоции бессмысленно и безосновательно. Нет никакой необходимости подтверждать другим, что ты их любишь. Они и так об этом знают. Кроме того, сокращение эмоций и чувств делают тебя неуязвимой и независимой. Да, Иван в этом прав. Лиза гордилась своей независимостью, она делала её сильной. Слабой быть нельзя...

– Вы что-то вспомнили? – догадался Иван Сергеевич. Он внимательно наблюдал за Лизой. Эта женщина все больше и больше волновала его. И дело было не только в том, что она внешне очень привлекательна, она умная, это главное. Это придаст борьбе остроту и азарт. Иван был азартен.

– Подумала о дочери.

– У Вас есть дочь? У меня тоже! – радостно сообщил он, и глаза загорелись. – Она – самая моя большая удача в жизни.

Лизе стало интересно, мужчины не часто с таким воодушевлением рассказывают о своих детях, особенно, о дочерях. Но Иван в ней души не чаял. Оказывается, эта чудесная девочка блестяще окончила университет, работала в солидной компании, водила машину, ездила отдыхать на горнолыжный курорт. И при всем этом она нежно любила отца и боготворила бабушку, с которой они все вместе жили.

– Елизавета Васильевна, – Иван первым поднялся из-за стола, – предлагаю послезавтра посмотреть старт с одной из площадок. Вы ведь никогда не наблюдали, как космический корабль взмывает в небо?

Глава 25

– Виктория! – Надя уже в третий раз окликала подругу, та никак не реагировала, неподвижно сидела над остывшим чаем. Ушла в себя настолько, что даже напугала Надежду. Она тронула Вику за плечо. Корецкая встрепенулась, вскинула голубые глаза, секунду смотрела на Надю непонимающе, потом покраснела. Хорошо, что о её глупых грезах никто не догадался. Надо же, размечталась, как она на глазах у Вадима упадет в обморок, заставит его волноваться, переживать. А потом Вадим будет сидеть рядом, держать Викторию за руку. В его глазах она увидит...

Корецкая перевела взгляд на того, о ком еще минуту назад страстно мечтала. Нет, пока не о нем самом, а лишь о его внимании. Вадим обдавал таким равнодушием и холодом, что неминуемо нападала хандра. Сейчас, отвернувшись, он стоял возле мойки. Широкие плечи и спину обтягивала белая рубашка, заправленная в узкие джинсы. Виктория переглянулась с Надеждой. Она тоже рассматривала торс Вадима и даже, кажется, ниже. В другой ситуации Корецкая пошутила бы на эту тему, отпустила бы пару солененьких шуто-

чек. В другой ситуации, в той, когда её не интересовал мужчина. Не интересовал так, как сейчас. Но хуже всего, что он не был безразличен и Надежде. Интересно, о чем она думала в тот момент? Виктория поняла, что за время пребывания в доме Надя ни разу не высказала своего отношения к Вадиму. Обычно она делилась подобным. Например, ясно высказал свои впечатления о Фертовском. Фертовский! Виктория чуть не хлопнула себя по лбу. Если он действительно неравнодушен к подруге, то...

Зазвонил телефон, и Вадим, извинившись, ушел в гостиную.

– Что с тобой? – Надя села поближе к подруге. – В последнее время у тебя очень часто меняется настроение. У вас с Антоном все нормально?

Виктория внимательно посмотрела на Надю. Что-то между ними стало меняться, исчезала душевная близость, обсуждение проблем и трудностей.

– С Антоном – да! – Виктория поднесла чашку к губам. Почему-то именно в этот момент Надя поняла, что разговора не получится. Вика замкнулась в себе и не желала что-либо обсуждать, хотя явно мучилась.

Вошел Вадим, сияющий, счастливый. У него была такая замечательная улыбка! Надя улыбнулась в ответ.

– У меня хорошие новости! – он потер руки, смотрела то на Надю, то на Вику, – я заключил договор с очень выгодным заказчиком – это раз. Я получу солидный кредит – это два. О,

у меня грандиозные планы! – неожиданно Вадим взял чашку прямо из рук опешившей Виктории. – Как ты можешь пить остывший чай? Это неправильно.

Вадим включил чайник, почти протанцевал по кухне. Виктория вытаращила на него и без того большие глаза, Надя засмеялась.

– Милые леди, очень хочется чего-нибудь вкусенького на ужин, – признался Вадим, почесал подбородок, – я бы вовсе не желал вас эксплуатировать, можно, конечно, куда-нибудь съездить поужинать, но это долго. А мне бы хотелось еще кое-что просчитать на компьютере. Приготовите ужин?

Виктория чуть с ума не сошла от счастья, Вадим впервые к ней обратился на «ты» и просил, да, просил приготовить ужин. Вика посмотрела на подругу, Надя улыбалась. В дверях появился Антон.

– Тоша, мне необходимо с тобой кое-что обсудить, – Вадим взял его за плечо, – я пока посвящу тебя в свои планы, а девчонки приготовят ужин.

– Эксплуататор, – проворчал Антон, – всеми распорядился, тебе бы руководить огромным холдингом, а не магазинчиком.

– Все впереди, – уверенно заявил Вадим, – идем, финансовый гений.

Ужин прошел в атмосфере бурного обсуждения планов Вадима. Он был воодушевлен как никогда, теребил Антона, заражая его своим энтузиазмом. Сначала Антон, пребывая

в плохом настроении из-за Виктории, ворчал, спорил, перечислял риски, а затем загорелся. В конце концов, оба выскочили из-за стола и понеслись в гостиную делать предварительные расчеты.

– Ужин был просто великолепен! – через секунду в дверном проеме появилась голова Вадима, – да, кстати, забыл сказать: завтра вечером у нас будут гости – Николай и Никита. Я обещал им предоставить дом. Эти чудаки хотят снять в нем несколько эпизодов для своего «оскароносного» фильма. Надеюсь, вы обе не против? Вот и чудесно! Составите компанию на вечер четверем замечательным парням, – Вадим скрылся за дверью.

– Знаешь самый беспроегрешный критерий привлекательности мужчины? – Надя принялась мыть посуду. – Нет, не кошелек.

– А что же? – Виктория чувствовала, что они с подругой опять могут стать ближе. Неужели лишь из-за того, что за последний час Вадим был одинаково любезен с обеими?

– Когда он по-настоящему увлечен делом. Здесь проявляется и работоспособность, и ум, и ответственность, и даже страсть. Мужчина себя реализует как личность практически во всех аспектах. Для них главное – самореализация.

Надя вытерла стол, помыла руки.

– Поэтому тебе нравится Вадим? – спросила Корецкая в лоб. Это вырвалось само, необдуманно. Но Андреева отреагировала так, словно этот вопрос был самым заурядным и

естественным в данной ситуации.

– Да, по-моему, он – замечательный, – она пожала плечами, – деловой, умный, самостоятельный.

– Я не об этом, – Виктория вскочила со стула, подошла к окну, обернулась. Надя подошла к ней, положила голову на плечо.

– Я знаю, ты переживаешь, что у меня не клеится личная жизнь. Поэтому мы и здесь. Поэтому меня и познакомили с Вадимом. И я чувствую, что моя жизнь меняется. Я по-другому стала смотреть на свои прошлые неудачи и ошибки. Благодаря Вадиму, я увидела себя иной, ощутила, что могу вызывать симпатию и интерес. Кто знает, может быть именно здесь, в Беляниново, я обрету то, что долго искала.

– В лице Вадима? – Вика поняла, что от её ответа зависит очень многое.

– Мне бы не хотелось строить прогнозов, – неопределенно отозвалась Андреева, – я все время пыталась выкраивать жизнь по своему сценарию, форсировала события, гналась за иллюзиями и бесплодными мечтами. Все напрасно, ошибки, просчеты, неверные ходы. Теперь я хочу довериться течению жизни и буду просто плыть, искренне веря в удачу.

«Кажется, у меня есть шанс!» – подумала Корецкая, ей вдруг в голову неожиданно пришла одна очень важная мысль, Вика вслух сказала:

– Мне хочется, чтобы завтра вечером ты была неотразима.

– Завтра вечером? Почему именно завтра? – удивилась

Надя.

– Потому что, меняясь внутренне, ты должна измениться и внешне. А завтра самый подходящий момент.

Стемнело. Ливень закончился, перестав орошать почву. Еще немного покапал мелкий дождик, но вскоре огромные тучи уплыли вдаль. Воздух был наполнен испаряющейся теплой влагой. К самой ночи небо совсем расчистилось, выкатилась половинчатая луна, и заиграли ночным светом звезды. Они любовались своим отражением в озерцах луж, которые оставил после себя трудолюбивый ливень. Дорога исчезла во тьме, а лужи вдалеке казались кусочками разбитых зеркал.

Вадиму не спалось, он сидел на крыльце и смотрел на ночное небо. Еще долго после обсуждений и споров с Антоном Вадим прокручивал в голове свои замыслы. Это так здорово, когда ты занят делом, которое тебя вдохновляет, и, самое главное, получается. Ты чувствуешь свою силу, независимость. Ты получаешь настоящее удовлетворение, сравнимое разве что с сексуальным. Сексуальным? Вадим усмехнулся. Бывшая супруга неоднократно упрекала его в холодности и абсолютно ненужном пуританстве. Почему-то многие женщины полагают, что мужчины думают исключительно об одном, и они готовы наброситься на женщину при каждом удобном случае, да и неудобном тоже. Сдержанность и элементарная порядочность сегодня воспринимаются чуть ли ни как проблемы со здоровьем. Юлия всегда хотела острых

ощущений, Вадиму это было чуждо. Он только теперь понял, почему испытывал неприязнь к девушке Антона. Виктория напоминала бывшую жену. Та же капризность, вседозволенность, страстность, тесно граничащая с похотливостью. Она откровенно и недвусмысленно выставляла себя. Свои желания. В ней не было ни единой тайны. Не было того, что хотелось бы разгадать, медленно приподнимая завесу и, наслаждаясь, шаг за шагом, превращая каждое мгновение познания в сладкую вечность...

– Ой, и ты не спишь? – на пороге появилась Надежда, Вадим искренне обрадовался.

– Иди сюда, Наденька, – позвал он.

Глава 26

– Ночь-то какая! – вздохнула Надя, села на крыльцо рядом с Вадимом. Он посмотрел на небо, усеянное миллионами искрящихся точек. Понятно, почему поэтов всех времен так вдохновляли ночи. В эти часы действительно хочется петь серенады, читать стихи, восхищаясь той, кому принадлежит твое сердце. «Она украла твое сердце под покровом ночи...»

– Вадим, – Надежда прервала сонную тишину. Местечко под названием Беляниново погружалось в сон, только два человека сидели на крыльце, и ничто не мешало их уединению. Лишь шаловливый ветер слегка прикоснулся к волосам девушки, ласково провел крылом по ее щеке, исчез, не шелох-

нув ни один листочек. Ветер был безнаказанно свободен. Вадиму захотелось стать ветром. Он повернул голову, посмотрел на Надежду: глаза! Дна не достать!

– Вадим, я так рада за тебя, – Андреева поерзала, прикрывая ноги юбкой до самых мысков босоножек. От Вадима не ускользнуло это движение. Надя стеснялась себя, своей внешности, фигуры. Она одевалась так, словно пыталась спрятаться от всех, быть незамеченной. Напрасно! Надюша очень красива и женственна. Вадим отвел глаза, поняв, что его мысли вполне могли отразиться на лице. – Мне кажется, что у тебя все получится, – продолжила она и принялась рассуждать о его деловитости, самостоятельности, уме. Вдруг замолчала, заметив, что собеседник ее не слушает.

Тишина стала какой-то особенной, мягкой, она будто обволакивала, разливалась теплыми струями, каждая из которых приносила свои оттенки и запахи. И лишь несказанные слова кружились в вихре крыльев ночных бабочек и мотыльков.

Вадим, как замороженный, повернул голову к Наде. Ее глаза удивленно смотрели на него, рот был чуть приоткрыт, губы влажные. Вадим стал медленно приближаться к этим губам. Время будто остановилось. Казалось, именно в этот момент вся Вселенная принадлежала двоим. Только стук сердец и ход времени нарушали тишину. Такое новое и такое вечное – стремление познать любовь.

Вадим почти приник к губам Надежды. Она уже чувство-

вала близко его теплое дыхание...

Безмолвие нарушил странный звук, сначала гудение, затем трели «Тореадора». Вадим и Надя вздрогнули одновременно. В кармане Вадима шевелился телефон. Это невероятно, что кому-то потребовалось звонить в час ночи да еще в такой неподходящий момент! Телефон требовательно разрывался, Вадим все-таки вытащил его из кармана и чуть не взвыл. Он уже успел отвыкнуть от подобного рода выходов, казалось, Юлия осталась навсегда в прошлом. Тем более что недавно он поменял номер телефона. Неужели кошмар никогда не кончится?

Надя вскочила, что-то пробормотала и умчалась в дом. Волшебство ночи исчезло. Вадим слишком поздно догадался отключить телефон. Так иногда бывает, важен именно этот момент, эта секунда. Взгляд, губы, руки, слова, тишина, ощущения мелодии внутри тебя, ноты которой совпадают с каждой нотой внутри другого человека. Неповторимый унисон, неповторимый и хрупкий.

Надя взлетела по лестнице наверх, ворвалась в комнату. Хорошо, что не разбудила Викторию! Сердце билось вдвое сильнее, чем там, на крыльце.

– Вот пакость! – выругалась Надя. Она терпеть не могла это слово, но сейчас оно само выскакивало. А как по-другому выразить то, что произошло? Испугало не то, что Вадим хотел её поцеловать. Нет, Андреева была достаточно взрослой девочкой. Более того, относилась к Вадиму с большой

нежностью и искренней симпатией. Эти отношения завязались с самого начала, они крепили, теплели. Но Надя боялась перемен. Она успела узнать и полюбить Вадима-друга, Вадим-мужчина – это другое. Андреева была вынуждена признаться себе самой, что пока, на данном этапе, она не понимает, чего хочет. Где-то в глубине души отвратительный холодок сомнения и неверия в собственную удачу пробежал по телу, оставив тяжесть в груди, в сердце.

Вадим несколько минут постоял за дверью комнаты Надежды. Он казнил себя за непредусмотрительность, мог бы предположить, что бывшая супруга возьмется за старое – звонить в любое время дня и ночи. Хотя думать о Юлии, когда рядом находилась девушка – лучшая из всех, кого он встречал? Ее пушистые волосы, мягкая улыбка, её искренность, эмоциональность, её некоторая неуклюжесть и стеснение. Она умна, с чувством юмора. Вадим едва удержался, чтобы не постучать в дверь. Вовремя вспомнил, что в комнате есть еще и Виктория. Её-то точно не следовало впутывать в их отношения. Пришлось уйти восвояси.

Когда Надя проснулась, Вика прихорашивалась у зеркала. Жалюзи были подняты, солнце косыми лучами заглядывало в окна. Надежда перевела сонный взгляд на часы: почти десять! Она села, свесила босые ноги, с тонкими лямками рубашка задралась почти до пояса. Виктория повернулась.

– Ну, наконец-то! Доброе утро! – воскликнула она. Надя

кивнула, одернула рубашку. – Долго же ты спишь. Вставай, одевайся, умывайся. Спустимся к завтраку, а потом займемся делом.

Надя прошлепала к душевой, обернулась уже на пороге.

– Каким делом?

– Все узнаешь, – неопределенно отозвалась Виктория, она раздумывала: заколоть волосы или оставить их распущенными? Надя что-то буркнула и скрылась за дверью. Включила душ, почувствовав на теле прохладно-бодрящие струйки воды, проснулась окончательно. Вместе с этим проснулись и воспоминания о ночном событии, вспомнился Вадим, и стало ужасно неловко. Как теперь себя вести? Что говорить? Делать вид, что ничего не произошло? А если он захочет что-то объяснить? Боже, Надежда поняла, что не готова к этому!

Вадим... Что-то внутри защемило. Неужели, такой как он, мог увлечься ею – Надеждой Андреевой?! Девочкой, которую никогда не приглашали на танцах, которую дразнили в детстве дворовые мальчишки. Девочкой, которая всегда была нестандартной, неловкой, поэтому предпочитала оставаться незамеченной. Влюблялись в ее подруг. И воспоминания были невеселыми...

Это было в трудовом лагере, последний год в школе. Трудовой лагерь – поля, урожай, ночные гулянья, романы, дискотеки. Как-то поздним вечером Надя с компанией сидели в старом заброшенном парке, в одной из самых затемненных аллей. Все знали друг друга, общались, шутили, лузга-

ли семечки. Появился новичок, он перевелся из другой школы, приехал в лагерь позже всех. Сразу подошел к компании, быстро познакомился, освоился. Оказался таким общительным и очень обаятельным, сразу как-то расположил к себе Надю. Они наперебой шутили, смеялись, состязались в интеллекте. Так бывает, когда люди существуют на одной волне. Новичок попросился проводить Надю до корпуса, было так темно, что силуэты едва угадывались. Надя еще долго стояла со своим новым знакомым, расставаться не хотелось. На прощание он даже поцеловал ей руку и сказал, что будет с нетерпением ждать утра...

Утро наступило и все поставило на свои места. Вместо Нади на свидание пошла ее подруга. Когда Слава при свете дня увидел Андрееву, лицо его вытянулось от удивления и разочарования, он поспешно ретировался. Потом оправдывался перед ребятами, что Надя не в его вкусе, он предпочитает девушек несколько с иными формами. Слава считал себя достойным лучшего, поэтому тут же клюнул на Таню, подругу Нади. Таня была стройной и очень эффектной, по-современному эффектной.

Умом Надя понимала, что Вячеслав просто ограниченный и недалекий мальчик. Зачем о таком сокрушаться? Это ведь его проблемы! Но на душе все равно было досадно, хотя Таня и подтвердила, что Слава глуп как пробка. Она с легкостью его бросила, а на свидание пошла лишь для того, чтобы это сделать, отомстив за Надю.

Прошли годы, Андреева стала взрослой, устроилась на работу, поступила в ВУЗ. Мужчины на пути встречались разные и ситуации были разные, но там, в глубине души, все равно жила некрасивая и невезучая девочка. Ей о счастье даже мечтать запрещалось. Горечь от разочарований, казалось, вот-вот переполнит край. Нет, она не может нравиться.

Поэтому, Вадим – всего лишь приятный хозяин дома в Беляниново, который любезен и гостеприимен. А если он что-то и хотел, то быстро передумает, опять наступит утро, которое все поставит на свои места. Нет, надо быть реалисткой и даже не думать о том, что с Вадимом может что-то получиться. Он слишком хорош для нее.

Глава 27

– Что-то ты долго, – когда Надя вошла в кухню, Виктория уже допивала кофе. Подруга завтракала явно одна. – Ребята уехали рано утром, – Корецкой нравилась роль информатора. Именно ей Вадим сообщил, куда и зачем они едут с Антоном. Попросил кое-что купить для вечера.

Надя с облегчением кивнула, несказанно обрадовалась, что Вадима сейчас нет дома. Ну, не готова она к встрече с ним!

Корецкая выглянула в окно, сощурилась.

– Я в гараж за машиной, – сказала она и достала из сумки ключи и темные очки – единственные очки с диоптриями,

которые она надевала, когда садилась за руль.

Надя закашлялась.

– Может, ты все-таки объяснишь, что ты задумала? – спросила сквозь кашель.

– Охотно. Мы едем в столицу покупать тебе что-нибудь из одежды, затем заскочим в салон, – Виктория была уже на выходе, – возражений я не принимаю, деньги у нас есть, время – тоже. Хочу сделать тебя самой красивой, – с этими словами она надела очки. Мир сразу приобрел четкость линий, силуэтов и однозначность образов. Конечно, в этом было свое удобство, Виктория понимала. Понимала, но не принимала положение вещей, в котором привыкли жить многие люди. Многие, но не она.

– Тебе очень идут очки! – крикнула Надя. Непонятно, злиться или благодарить подругу.

Только в городе Андреева поняла, что уже успела забыть суету московских улиц, бесконечные пробки, шумную толпу, трехглазые светофоры и палящую жару. Город практически плавился, воздух был липким и горячим.

Виктория весело подпевала радио, рассуждала о современной моде, ругалась на тех «ослов-мужиков», которые по недоразумению сели за руль. Она-то легко управлялась с машиной, ловко перестраивалась из ряда в ряд, ориентировалась во множестве лабиринтов столичных улиц, даже иногда «подрезала», вызывая откровенное недовольство и весь-

ма неласковые эпитеты в свой адрес.

Также самоуверенно она вела себя и в магазине. Надя пыталась её вразумить, да куда там! Дело кончилось тем, что Корецкая во всеуслышанье заявила: мода рассчитана лишь на тощих и плоскогрудых вешалок, это возмутительно!

Надя ничему не удивлялась, она лишь устала за те полдня, что они провели в магазинах. И все-таки поиски увенчались успехом. Белое платье было великолепным, его словношили именно на Андрееву. Ткань изумительно облегалата тело, подчеркивая тонкую талию, пикантно открывало грудь. От бедер шел клеш таким образом, что недостатки фигуры удачно скрывались. Надя посмотрела на цену и чуть не грохнулась в обморок. Вику цена не остановила. Окрыленная успехом и ничуть не уставшая, она потащила подругу в салон.

– Можно подумать, ты готовишь меня к свадьбе, – по дороге заметила Надя. Она прижимала платье к себе, все еще не веря, что они его купили.

– Кто знает, что тебя ждет за следующим поворотом? Ты должна быть готова ко всему, – загадочно изрекла Вика, думая о своем.

– Но только не к свадьбе, – засмеялась Надя, – найти такого олуха будет крайне сложно.

– Не олуха, а принца! – возразила Виктория. – Только принц! И он скоро появится, я это знаю. И уже пришло время из Золушки стать принцессой.

Превращение было окончательным. В дверях уютного

холла, там, где Виктория сидела, ожидая и сторяя от нетерпения, появилась потрясающе красивая девушка. Ее с каштановым отливом волосы были сколоты высоко на затылке, отдельные пряди спускались на плечи крупными и очень изящными витками. Создавался романтический образ девушки пушкинских времен. Во взгляде появились мягкость и кротость, присущие этому образу.

– Я чувствую себя Пигмалионом! – Виктория подбежала и покружила Надю. – Ты – просто ослепительна!

– Спасибо! – не выходя из образа, с достоинством ответила Надя.

– Едем в Беляниново? – Виктория потерла руки, потом сунула в рот дужку очков. Он не устоит, у него просто не останется выбора.

Обратная дорога заняла времени больше, чем рассчитывали. На одной из полос произошла авария, огромную фуру развернуло поперек. Движение замерло на неопределенный период. Виктория начала терять терпение, как нарочно в ее мобильном телефоне сел аккумулятор, а Надя свой телефон забыла дома, в Беляниново.

– Ха-ха! – Вика высунулась в окно. – Вадим нас убьет, – резюмировала она.

– Вадим? – удивилась Надя. – По-моему, Антон будет больше волноваться.

– Ну да, конечно, – рассеянно согласилась Корецкая. Она

отжала сцепление, надавила на газ и немного продвинулась вперед. Затормозила возле самого бампера красного Жигуленка.

Антон в очередной раз набрал номер Виктории. Голос был все тот же, слова те же, то по-английски, то по-русски. Телефон Надежды весело подпрыгивал рядом на столе.

– Ну что? – Вадим появился из гостиной, где сервировал стол. Так, легкий фуршет.

– Все то же, – Антон поморщился. – Ты утром разговаривал с Викторией. Она сказала, куда конкретно они собираются?

– Нет, – Вадим пожал плечами. – Это должен знать ты, а не я. Ты ее парень.

Антон вздохнул, почесал бровь.

– Знаешь, – он помедлил, раздумывая, говорить или нет, – в последние дни я заметил, что Виктория изменилась. С ней что-то происходит. Я, было, обрадовался, надеясь, что это касается меня, что ее чувства ко мне становятся настоящими, глубокими, что у нас есть шанс. Мне хотелось доказать, что все-таки ты был неправ, когда говорил о ней, помнишь, в самом начале?

– Да, конечно, помню, – отозвался Вадим, он снял с плеча полотенце и машинально посмотрел на телефон. Может быть, они догадаются позвонить сами? Беспокойство Антона передалось и ему.

– Так вот, доказывать нечего, – Антону было неприятно

говорить, но раз уж начал, – Виктория ко мне равнодушна, я это вижу. У нас нет будущего. Напрасно мы затеяли эту поездку, – он опустил голову.

– Ничего не бывает напрасным, – возразил Вадим, – все имеет смысл, везде есть свои причины. Одни для того, чтобы понять: проект явно успешен; другие, чтобы убедиться: затея обречена и не стоит на нее тратить силы и время. Но самое удивительное, – Вадиму стало жаль друга, он положил руку на его плечо, – все может перемениться в одночасье. Гарантий нет ни на что, особенно в области чувств. Не переживай, Тошка, все у тебя сложится хорошо.

Вадим посмотрел в окно, к дому подходили Николай и Никита, с ними – девушка. Надежды и Виктории все еще не было.

– Разрешите представить нашу главную героиню, – сказал Никита, когда в прихожей в его сопровождении появилась хрупкая светловолосая девушка. Она приветливо улыбнулась Вадиму и Антону. Николай вошел в дом последним, – это Ксения – любимая актриса Никиты Бондарева и Николая Фертковского. Ксюша, хозяин чудесного особняка – Вадим и его друг Антон. Здесь мы снимем две сцены.

– Очень приятно! – Ксения протянула руку Вадиму, потом – Антону, легонько пожалала, – дом, действительно, чудесный, – девушка огляделась. В крупных серых глазах светилось настоящее любопытство. Она разительно отличалась от тех гламурных и ярких актрис, красующихся на облож-

ках глянцевых журналов. Хотя лицо ее определенно казалось знакомым. Антон даже вспомнил фамилию. У Никиты она уже снималась. Такая хрупкая, узкокостная, будто вся воздушная. Фигура маленькой и изящной статуэтки, просто ангел во плоти.

– Хотите осмотреть дом? – предложил Вадим. Она с готовностью кивнула. – Антон, полагаю, ты это сделаешь не хуже меня.

Антон бросил на друга взгляд, полный возмущения – нашел экскурсовода! Но Вадим уже увел Никиту и Николая в гостиную.

Бондарева сразу заинтересовал комод, который был сделан из ольхи и укомплектован выдвижными ящиками-корзинами. Никита, любитель подобных вещей, прикоснулся, погладил теплое гладкое дерево. Вся обстановка в помещении была выдержана в едином стиле. Корзины из ивовой лозы, невысокие элегантные полки с выдвижными ящиками-корзинами для мелких предметов. Даже двухсекционный плетеный шкаф прочно вписывался и создавал целевое единство. Плетеный стеллаж возле окна со шторами из органзы, которые колыхались от дуновения легкого ветерка. Два кресла и несколько плетеных стульев гостеприимно расположились вокруг стола.

– Вадим, гостиная – просто шедевр! – высказался Никита, он уже прикидывал, как будет снимать сцену. – Неугасающее стремление к естественной жизни. Истинная радость

общения с «живым» материалом, который придает жилищу сельский колорит. Не знал, что этот колорит может быть таким привлекательным. Нам для фильма он очень подойдет.

Вадим хлопнул друга по плечу. Никита все всегда рассматривал с практической точки зрения.

– Извините, мы опоздали! – выпалила Виктория. Они с Надей появились внезапно, никто и не слышал, как подъехала машина. – На трассе такие пробки. Всем добрый вечер!

Надя вошла следом, оказалась возле Фертовского. Он застыл от изумления. Надежда повернула голову.

Глава 28

У Виктории было такое чувство, будто это она, а не подруга, произвела фурор своим появлением. Надя, действительно, была хороша, даже осанка изменилась. Волосы немного выбились из прически, придав облику еще больше романтической и женственности. На щеках играл румянец, и было что-то еще неуловимое. Ее красота шла изнутри, гармонично сплетаясь с внешними данными, она просто приковывала к себе взгляд.

– Наденька, как я рад Вас видеть! – первым очнулся Никита. Он подошел к Андреевой, взял ее за руку. – Мы уже начали волноваться из-за Вашего отсутствия.

Фертовский все еще молча, смотрел на Надю. Виктория спрятала улыбку, подошла к Вадиму.

– Я купила все, что ты просил, – шепнула на самое ухо. Вадим машинально перевел на неё взгляд. – Идем на кухню?

Он рассеянно согласился и позволил себя увести. В этот момент в гостиной появились Ксения и Антон. Увидев Надежду, Антон отреагировал точно так же, как и все остальные. Просто наваждение! Надя в одночасье завладела вниманием присутствующих мужчин. Никита эмоционально принялся рассказывать о своих фильмах, Антон вставлял реплики. Николай сидел в кресле чуть поодаль и наблюдал. Если бы Надя была внимательнее, она бы заметила, что на его лице отражается целая гамма чувств, но он не проронил ни слова. Удивительный человек! Замкнут, скрытен, будто все время опасается подвоха со стороны окружающих. Будто каждое, произнесенное им, слово может обернуться против него. Сдержанность в духе настоящего англичанина, как у Джейн Остин, которую он так не любил.

Надежда, наконец, посмотрела на него. Теперь ее черед был изумляться: Фертовский смутился, покраснел, отвел глаза и что-то тихо сказал Ксении. Она улыбнулась и кивнула. «Хорошенькая! – подумала Надя, – лицо выразительное. И сама такая хрупкая, подходит ... Антону...»

Только на кухне Вадим оправился от шока. Он и раньше видел, что Надежда привлекательна, но сегодня... Она будто вся светилась, источала столько обаяния и женственности, что сводила с ума. Вадим решил: сегодня же объяснится с

ней.

– Что за вино? – Корецкая поднесла бутылку к глазам.

– Бургундское, красное. Николая его любит, – отозвался Вадим. Нельзя не признать, что Виктория сегодня ему помогла во всем.

– Хороший вкус у твоего брата, – она покачала головой. – Что он еще любит?

– Слушает Моцарта, коллекционирует книги, фильмы. Любит летать самолетом, обожает сына, свою профессию... Что еще? Послушай, Виктория, – Вадим внимательно посмотрел на нее, – зачем тебе это знать? Хочешь внести его в список своих побед?

Она перестала улыбаться, нервно заправила волосы на уши. Затем подошла к Вадиму так близко, что он впервые обратил внимание на ее слишком пухлые губы.

– У тебя сложилось превратное мнение обо мне. И теперь все мои слова и поступки ты расцениваешь именно с этой позиции. Но хуже всего то, что ты не даешь мне ни единого шанса оправдать себя, доказать, что ты заблуждаешься.

Вадим почувствовал напряжение. Виктория смотрела на него в упор. Выбрала роль жертвы? Несчастливая девочка, которую несправедливо обижает плохой мальчик Вадим? Тактика без проигрыша?

Виктория ждала и облизывала пересохшие губы. Этот мужик ее сводил с ума! Стоял так близко, смотрел, ничуть не смущаясь. Поджимал губы, словно боялся что-то не то ска-

зять. О чем он думал? Неужели не догадывался? Прищурил один глаз, ухмыльнулся.

– Почему ты смеешься? – не выдержала Корецкая. Пожалуй, впервые мужчина так открыто над ней надсмехался, не говоря уж о пренебрежении.

– Твои желания слишком прозрачны, – Вадим иногда мог быть резким.

Виктория неловко дернула головой. Дурной жест! Он выдает неуверенность в себе, ее слабость. Зачем она все это затеяла? Противник оказался намного сильнее. А ломиться в стену всегда больно.

– Мои желания? – переспросила Вика, ее лицо покрылось пятнами. – Ты ошибаешься. Я не успела вымыть фрукты, – сказала, будто оправдывалась, – и вообще, надо накрыть на стол, я займусь этим.

– Хорошо, – мягче произнес Вадим, он уже раскаивался за свое поведение. Может, он все-таки ошибается насчет Виктории?

Ксения увидела на стене портрет. Внимательно рассмотрела лицо, нигде не видела, чтобы так изображали Горького.

– Редкая вещь, – подошел Никита, он, наконец, дал Наде передышку, оставив ее у окна. За день дом накалился от жары, кондиционеры не работали, поэтому Вадим открыл все окна. Но жара начала спадать только сейчас, появился ветерок, нет, скорее, сквозняк. Надежда чувствовала, как он заигрывает с ее локонами. Ветер прилетел оттуда, из-за леса,

прошелестел над полями, набрав силу, ворвался в деревню. Он весело закружил возле Надежды и пообещал перемены в ее жизни.

Надя обернулась. Фертовский по-прежнему не сводил с нее глаз. Это, по крайней мере, странно. Что же ему надо? Она искренне недоумевала.

Появился Вадим, разлил вино. Надя подошла к столу. Сегодня она оказалась в стороне, Вадиму во всем помогала Вика. Красноречивый Никита произнес тост, все отметили превосходный вкус вина...

Наде никогда не было так хорошо. Чувствуя всеобщее внимание и восхищение, она словно в одночасье стала другим человеком. Ни Виктория, ни Ксения не претендовали сегодня на роль Королевы – ее роль. Кроме того, окружавшие мужчины были не только галантными и обходительными, каждый из них обладал умом, интеллектом, был самодостаточен.

– Вадим, насколько я помню, ты купил портрет Горького на Ванве – блошином рынке Парижа? – уточнил Никита, возвращаясь к портрету на стене.

– Да, – кивнул Вадим, с удовольствием вспоминая свой первый выезд в Европу. Тогда они были еще студентами, рванули на каникулы.

Портрет был выполнен при жизни Горького, продавец назвал картину «Русский старик с усами». Он и понятия не имел, кто на ней изображен.

А потом оказалось, что на этом же самом рынке, но гораздо раньше, Николай совершенно неожиданно приобрел вышитый серебряной нитью Герб Дома Романовых в рамке из карельской березы.

– Точно! – подтвердил Вадим. – Мы потом долго делились впечатлениями. Коля, ты мне что-то рассказывал об истории появления в Париже блошиных рынков, помнишь?

Фертовский несколько оживился, даже выдал улыбку, Надя стала внимательно слушать. Рассказчиком он оказался неплохим.

...Конец 19 века. Первый рынок только-только образовался за городской стеной и являл собой обычную барахолку с несколькими рядами старья. Оно было разложено прямо на земле. Какой-то гражданин, обозрев это зрелище с высоты обломка городской стены, воскликнул: «Что сказать? Люди копошатся в старье словно блохи. Блошиный рынок».

Тогда, в 1880г., парижские власти решили избавиться от немалой армии старьевщиков и тряпичников, бродивших ночами по городским помойкам. Копаясь в хламе, иногда они выуживали более-менее стоящие вещи, которые перепродавали на местных рынках. Считалось, что старьевщики не чураются и краденого. Власти выселили их за городскую стену, но те не разбрелись. Они по-прежнему занимались своим ремеслом и продавали находки уже на своем специальном рынке-развале. Постепенно стали превращаться в торговцев антиквариата. Датой рождения первого «блоши-

ного рынка» принято считать 1885 г., именно тогда парижские власти предприняли первые шаги по благоустройству этих рынков. Улицы замостили, построили тротуары...

Едва Николай закончил, словоохотливый Никита принял-ся рассказывать об интересных находках, потом в разговор включился Вадим. Он вытащил из корзины совершенно уникальные старинные ножницы стоимостью один евро.

Антон подошел к Виктории. После того, как она вернулась из города, ни словом не обмолвилась с Антоном. Она суетилась, активно помогала Вадиму. Антон с ужасом понял, что Виктория, действительно, равнодушна к нему. Она так быстро и легко отодвинула его, а еще буквально несколько дней назад лежала в его объятьях. Неужели он опять наступил на те же грабли?

– Тошенька, – Корецкая заметила его, но тут же отвернулась.

– Антон, – Ксения позвала молодого человека. Он замешкался, все еще стоял возле Виктории.

– Иди же! – через плечо бросила она. – Тебя зовет такая красивая девушка, не заставляй её ждать, это невежливо.

Глава 29

Никита подошел к стеллажу, увидел на нем гитару. Шестиструнка... Кажется, что это было совсем недавно, аккорды, дворовые песни, мечты о публике.

– Вадим, ты не разучился? – Никита снял инструмент со стеллажа, коснулся струн. – По крайней мере, пыли на ней нет.

Вадим засмеялся, тут же признался, что так и не овладел искусством и до сих пор тешит себя мыслью, что найдет время для занятий. Оказалось, что первым аккордам его научил Фертовский. Да, он тоже брэнчал на гитаре, даже носил длинные волосы и жуткие оранжевые брюки.

Надя с удивлением узнала об этом. Фертовский хипповал? Не может быть! Такой разумный, сдержанный. Разве в нем мог жить бунтарь? Андреева повернулась к Николаю и опять заметила его смущение. Длинные волосы, оранжевые брюки? Веселая картина.

– Никола, рискнешь? – спросил Никита.

– Нет, я поберегу Ваши уши, – он так быстро отказался, что стало ясно: упрашивать бесполезно.

Виктория лукаво посмотрела на подругу. Надя знаками показывала ей молчать, даже угрожала. Но все напрасно. Корецкая никогда не останавливалась, что касалось ее задумок и интриг. Надя сегодня должна одержать победу, на кону не битва – война!

– Я знаю одного прекрасного, но очень скромного гитариста, – Корецкая взяла инструмент из рук Никиты, струны издали торжественный звук, словно одобрили её слова. Гитара была старая, потертая, гриф темный. Сколько же мелодий она спела за свой век? Сколько раз ее касались пальцы? Уме-

лые, талантливые, бездарные, просто начинающие осваивать ремесло, создающее музыку. Гитара вздыхала, жаловалась, испытывала радость и нежность, она любила вместе со своим партнером, она была готова маршировать или пускаться в пляс испанских мелодий, она верила в волшебство ночных серенад и изо всех сил пыталась помочь несчастной любви. Она становилась ласковой и покорной в надежных руках.

Корецкая подошла к Надежде, протянула гитару.

– Пожалуйста, сыграй!

– Виктория, это нечестно, – попыталась возразить Андреева, обвела взглядом присутствующих. На их лицах изумление. Только Вадим улыбался, выглядел счастливым. Николай прикрыл рот рукой, интересно, о чем он думал в тот момент?

– Фертовский так смотрит на тебя сегодня, – шепнула Виктория, – докажи этому человеку, что он ошибался, сведи его с ума, вскружи голову.

Надя поняла, что Виктория будит в ней тщеславие, непреодолимое желание нравиться, покорять. Виктория, как змей, нашептывала соблазны. С другой стороны, нет ничего зазорного, если человек сыграет на гитаре вовсе не для того, чтобы вскружить кому-то голову, а просто для удовольствия.

– Хорошо, – наконец согласилась Надежда, взяла гитару, села на краешек стула. Погладила ладонью инструмент, словно приласкала. Пришлось немного подтянуть струны. Надя поставила гитару на одно колено, смахнула с лица непослуш-

*Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побежден?..
В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?...
И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?³*

Несколько мгновений стояла удивительная тишина. Казалось, в воздухе еще слышны последние аккорды гитары и голос. Замечательный голос! Безупречное звучание нот, каждая наполнена чувствами, теплые переливы мелодии, тревожащей женское сердце.

– Bravo, Наденька! – Никита отреагировал быстрее всех. Он прекрасно разобрался в том, что касалось настоящих дарований, профессия обязывала. Он подошел к Андреевой, поцеловал ей руку. Все остальные зааплодировали и попросили на «бис!». Надя улыбнулась, убрала гитару и отказалась

³ Романс на стихи М.Цветаевой

петь. На сегодня триумфа достаточно, голова может закружиться с непривычки.

Вадим разлил вино по бокалам.

– Я получил истинное удовольствие! – он подошел с двумя бокалами к Наде. За весь вечер никак не мог к ней пробиться. Протянул бокал. – Не знал, что у тебя такой чудесный голос, потрясающие вокальные данные. Наденька, мне кажется, чем больше я тебя узнаю, тем больше убеждаюсь в одном...

– Вадим, все хотят танцевать, – неожиданно появилась Виктория. – Организуем музыку?

Сегодня, во всем помогая Вадиму, она невольно выступала в роли хозяйки.

– Да, конечно, – Вадим посмотрел на Надю, коснулся ее бокала. – Мы еще поговорим. У нас есть время, у нас впереди целая жизнь.

Как только зазвучали первые ноты медленной мелодии, Надя горестно вздохнула. Ну, не любила она медленные композиции! Они всегда напоминали о безрадостной юности толстой девочки-неудачницы. Она поэтому и перестала ходить на танцевальные мероприятия, она поэтому так и не научилась танцевать. Это подтвердил и Миша, как-то раз он прямо и без околичностей заявил, что Надежде видимо не дано научиться красиво двигаться. Удивительно, как иногда правда бывает убийственна!

– Можно Вас пригласить? – Андреева глазам своим не поверила: перед ней стоял Фертовский. До этого она ни разу не видела, чтобы он с кем-то танцевал. Предпочитал лишь наблюдать. Она настолько опешила, что не придумала причины отказа, кивнула и в тот же миг почувствовала его руку на своей талии. Другой рукой он мягко коснулся ее ладони и уверенно повел в танце.

Сумерки уже сгущались, солнце отправилось за горизонт. Кто-то додумался погасить свет и зажечь свечи, гостиная погрузилась в романтическую атмосферу темноты, разбавляемую колышущимся пламенем свечей. Они играли робким светом, бросая меняющиеся от ветра тени.

Надя посмотрела в лицо Фертовскому. Его темные глаза лихорадочно блестели, будто в них отражались блики пламени свечей. Густые волосы казались влажными, они беспорядочными кудрями прикрывали высокий лоб.

– Вы хорошо танцуете, – наконец Фертовский нарушил молчание, Надя нахмурилась.

– Насмешка – не лучший способ завоевать расположение собеседника, – тихо сказала она. Опять начались словесные пикировки? Неужели иначе они общаться не могут? Похоже, что им, двоим, гарантировано полное непонимание.

Фертовский сдвинул брови, пару секунд обдумывал услышанное.

– Я и не пытался смеяться над Вами, Надежда, – он счел своим долгом оправдаться, – напротив, мне хотелось сделать

Вам приятное. Вы поете, танцуете, начитаны, умны...

– Да, неуклюжая, неловкая, абсолютно несовременная девица, которая, – она замолчала, не в силах что-либо говорить. Было просто обидно и все. А Фертовский не мог ею восхищаться, это абсурдно.

Вадим обернулся и увидел, что брат уже танцует с Надеждой. Не успел. Николая оказался проворнее. Они кружились в танце и почти не разговаривали. Вадим расстроился: сегодня Надежда была со всеми, но только не с ним. Антон тоже выглядел неважно, он старался держаться, но Вадим его слишком хорошо знал, поэтому и злился на Корецкую. Хотя после стычки на кухне Вадим чувствовал некоторую неловкость. Однако Виктория уже все забыла. Болтала без умолку, попросила у Вадима свечи, зажгла их, нашла целый диск с медленными мелодиями. Как нарочно поставила одну из любимых Вадимом композиций группы «WASP». У него с этой мелодией были связаны весьма приятные воспоминания. Мелодия их будила, волновала сердце, тревожила душу.

– Вадим, может, потанцуем? – Виктория подплыла к нему, улучшив момент. Антон назло ей уже пригласил Ксению, Никита вышел в коридор, разговаривал по телефону. Вадим нехотя согласился. Корецкая победоносно улыбнулась, когда он взял ее за руку и закружил в танце.

– Что за игру ты затеяла? – Вадим почувствовал, как на него опять накатывает раздражение. – Чего ты добиваешься? – продолжал наступать он. Такой резкий разгон не пред-

полагает быстрой остановки.

Он увидел, как дрогнули ее губы. Почему эта девица будила и обнажала в нем далеко не самые привлекательные черты: грубую прямолинейность, подозрительность в неискренности, болезненное недоверие, почему? Зазвучал припев, это место Вадим особенно любил. Он сильнее сжал руку Виктории, она поморщилась.

– Чтобы ты не придумала, у тебя все равно ничего не выйдет, Виктория Корецкая, – Вадим буравил ее взглядом. Этого мужчину вполне можно было сравнить с разъяренным быком на корриде: злобен, силен, красив и умопомрачительно страстен. Виктории оставалось поднять красную тряпку или бежать. На секунду она испугалась, но не в ее правилах было отступать. Битва еще не окончена.

– Посмотрим, – тихо сказала она.

Глава 30

Иван Сергеевич постучал в дверь. Лиза в последний раз перед уходом глянула в зеркало. Душ приняла совсем недавно, поэтому вспотеть еще не успела. А вообще, жара, конечно, выматывала. Потело, казалось, все, каждая часть тела, душ спасал ненадолго, но все-таки спасал. Одежду можно было носить исключительно из натуральных тканей, синтетика губительна. Лиза одернула белую батистовую кофточку, поправила легкие голубые «Капри». Ну вот, вроде бы все.

Иван терпеливо ждал за дверью.

– Привет! – он просиял так, словно появление Лизы стало для него самым большим счастьем.

Оказалось, что желающих увидеть старт немало, они заполнили целый автобус. Их повезли на одну из площадок, откуда разрешалось наблюдение. Все возбужденно переговаривались, среди них были и те, кто не видел еще ни одного старта. Лиза тоже чувствовала себя новичком. Информации было море, да начать хотя бы с загрузки корабля.

Это дело непростое, нужно правильно распределить вес, закрепить каждый предмет в грузовом отсеке. Тяжелые грузы – в специальной тяжелой раме. Каждый груз и большого, и малого объема упаковывается и маркируется. У космонавтов есть специальное устройство, которое считывает код груза и дает на экране компьютера информацию о нем. Очень важная операция – взвешивание. Ракетноситель может вывести на орбиту не более 7270 кг, поэтому загрузить можно лишь полторы-две тонны. Весы цифровые позволяют выполнять операцию быстро и точно.

Чего только не укладывали в грузовой отсек: партию из ста мышей, ящики с тараканами, клюшки для гольфа, гитару и даже тряпичную куклу-космонавта, сшитую детьми.

В этот раз грузовой корабль доставит на космическую станцию приборы для научных экспериментов, велотренажер, личные вещи космонавтов и книги.

Продукты питания – они уже не упаковываются в тубики

как раньше, а имеют довольно земной вид: соки в пакетах, специальные контейнеры, которые за несколько минут становятся горячим блюдом, помидоры, чеснок и любимые всеми космонавтами лимоны и грейпфруты. Погрузка идет десять дней. Поэтому скоропортящиеся продукты укладывают в самом конце.

Первый стартовый день – запуска нет. Следующий день – резервный. Это день ожидания или устранения неполадок, если они обнаружены, непосредственно на старте.

Второй стартовый день, то есть сегодня. Ракета заправлена, ракетно-космический комплекс готов к старту...

Иван Сергеевич помог Лизе выйти из автобуса. Их встретила бескрайняя степь – золотисто-песочная хозяйка, безраздельная владычица, она терпеливо сносила присутствие людей, но для того, чтобы не забывали о ее власти, позволяла шквалистому ветру поднимать и перегонять песок.

Лиза всмотрелась вдаль. Там, далеко впереди, в вертикальном положении ракета ждала своего часа. Она была готова взмыть в небо, подобно гигантской птице, преодолеть пространство, прорываясь к звездам.

Иван Сергеевич посмотрел на часы. Лиза почувствовала легкое волнение. Начался отчет времени до пуска. Пуск назначили в 21 час 17 минут. До старта 15 минут, 10, 5, 1 ...

Пуск! Ракета оторвалась от стартового стола. Земля вздрогнула, воздух поплыл, стал таким, словно его наполнили глицерином.

Иван Сергеевич глянул на Лизу, она с замиранием следила за происходящим. Несмотря на то, что наблюдающие за стартом в целях безопасности находились далеко от стартовой площадки, смотровая площадка в двух километрах, всем казалось, что они совсем близко, рядом. Грохот, содрогание земли, шла настоящая великая мистификация. Ночь становилась днем. Наконец, из дыма и огня появилась ракета – итог двухгодичной работы сотрудников практически всех подразделений.

Ракета с горящим круглым хвостом стала таять в небе.

– 530 секунд, – сказал Иван Сергеевич, он опять смотрел на циферблат часов, наконец, кивнул, – старт успешный.

Лиза вздохнула. Приятно осознавать, что ты хоть чуть-чуть причастна к такому чуду. Полет человеческой мысли, которая буквально за одно столетие воплотила многовековую мечту человечества – подняться в небо, преодолеть земное тяготение, проложив дорогу в космос. Чувствовать себя настоящим Икаром и не погибнуть, не опалить крылья.

– Вы скоро возвращаетесь в Москву? – спросил Иван Сергеевич, подавая Лизе руку, помог ей выйти из автобуса. Они подъехали к гостинице уже в полной темноте.

– Через три дня, – ответила Лиза и задумалась. Странно, но уезжать не хотелось. Несмотря на жару, плохого качества воду, отсутствие комфорта и еще кое-каких мелочей, Лизе нравилась командировка. Здесь как-то острее и ярче чувствовалась причастность к делу, которому служишь. Здесь

царила особая атмосфера, которая объединяла, наполняла гордостью сознание. Здесь все было проще и все сложнее. Особые правила, процедуры и контроль, но ради сегодняшнего зрелища к этому можно относиться вполне с известной долей понимания и терпения.

– Елизавета Васильевна, – Иван проводил ее до самой двери. Сегодня в холле почему-то не горел свет. Нет, горела одна лампочка вдалеке. В темноте лицо Ивана скорее угадывалось, белая рубашка будто светилась, – пригласите меня на чай? – попросил он. – Очень хочется пить, – Иван оближал губы. Лизе сосредоточиться мешала темнота. Сосредоточиться и понять...

В сущности, Иван напрашивался всего лишь на чай. В последние встречи он вел себя вполне пристойно, был максимально галантен и подчеркнуто сдержан. Не мальчик уже и понимает, что в этой жизни есть моменты, когда нельзя идти на поводу всех своих желаний.

– Ну, хорошо, – Лиза открыла дверь, но свет включить не успела...

Сколько же он ждал! Эта ситуация стала затягиваться и не вписываться в стандартные рамки тщательно отлаженного механизма оболъщения. Здесь, в командировке, были свои, ускоренные сроки, но, пожалуй, главным преимуществом являлась обстановка. Вдали от семьи, друзей, быта, которые препятствовали адюльтерам. Здесь было ограниченное про-

странство, минимум развлечений и благодатная почва для того, чтобы расслабиться, дав волю своим инстинктам. Охотничий азарт Ивана, развиваясь и набирая силу, достиг своего апогея. Он начал ходить «налево» еще при супруге. Она знала об этом, но ничего поделать не могла, терпела. Тянулось это годами, и Иван все больше входил во вкус. А, может, наоборот, терял его. С каждым разом хотелось большего, необычного, он зависел от этого и даже испытывал «ломку»...

Губы были мягкими и очень вкусными. У безупречной женщины безупречная помада. Иван почувствовал под пальцами ее влажную батистовую кофточку.

– Ты ведешь себя как дикарь, – прошептала Лиза. Она в темноте все еще пыталась разглядеть его лицо. Она больше не возмущалась, это уже хорошо, – уходи, – голос был спокойным, несмотря на то, что сердце билось громко и взволнованно.

– Ты ведь этого не хочешь, – Иван понимал, что теперь он точно не остановится. А если сейчас уйдет, то проиграет. Проигрывать не привык. Тем более, с такой женщиной, как Лиза. Он желал ее безумно, желал с той самой минуты, как увидел. Она еще чего-то там острила про гусар.

– Ты поразительно самоуверен!

– Это мой единственный недостаток, – Иван все еще крепко держал ее в своих объятьях. Батистовая кофточка, густые

короткие волосы, взволнованное дыхание.

Иван опять коснулся губ Лизы, поцеловал нежно, едва касаясь.

– Это плохо кончится, – почти неслышно произнесла она.

– Все будет просто замечательно, – уверенно пообещал он, – доверься мне. Наслаждайся своими чувствами. Я хочу доставить тебе настоящее удовольствие, – голос Ивана завораживал. Лиза ощутила, как искуситель расстегивает пуговицы на ее блузе, но останавливать его уже не хотелось.

Глава 31

До самого конца танца Фертовский не проронил ни слова. Надя ожидала, что он все-таки объяснится, проявит проницательность, но он упорно молчал. Был хмур, холоден более чем обычно. Это шло в разрез с тем настроением, которое создавала звучащая мелодия. Она была романтично-волнующей и навевала желание не танцевать с едва знакомым мужчиной, а оказаться в объятиях близкого и любимого человека. Любимого? У Андреевой что-то защемило в груди. Она подняла глаза на Николая. В голове пронеслась совершенно абсурдная мысль: чтобы она сделала, если б вдруг сейчас прямо здесь Фертовский ее поцеловал?

Словно подслушав мысли своей партнерши, Николай устался на ее губы. Надя даже тряхнула головой и отругала себя за глупости, которые иногда так некстати приходят в

голову. Это все мелодия и медленный танец, в котором мужчине дается законное и неоспоримое право обнимать женщину, обнимать свою партнершу. И за этим кроется гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Здесь то же тепло прикосновения, яркие эмоции, близкое дыхание, здесь дуэт, пара, здесь взаимное удовольствие.

Надя лишь на секунду повернула голову и заметила, что Виктория танцует с Вадимом. Неужели они, наконец, нашли общий язык? Судя по всему, да. Виктория сегодня в роли хозяйки и помогает Вадиму во всем. Кажется, он не выказывает неудовольствия.

– Благодарю Вас за танец, – прервав мысли Андреевой, холодно-учтиво произнес Фертовский. Она встрепенулась, не глядя на него, кивнула, тут же вздрогнула, почувствовав, что он целует ей руку. Вот уж этого она никак не ожидала. Нет, все-таки было в Фертовском что-то из другого столетия! Аристократизм, который передавался лишь по наследственной линии и сопровождался, в известной мере, особыми манерами и чертами характера. Да, галантность, воспитание, изысканность. Но были и недостатки, такие, как, высокомерие, заносчивость. Его уникальная сдержанность и молчаливость свидетельствовали о том, что ему безразлично, как на него реагируют окружающие. Думайте, что хотите. Я такой, каков есть. Хотите – принимайте, хотите – нет. Доказывать, оправдываться, опускаться до объяснений? Нет, этим утомлять он себя не станет. Все это Надю озадачивало, заставляло

теряться, вести себя не так, как ей хотелось. Получалось, что она все время выставляла себя в самом невыгодном свете.

– Надюша, нам надо поговорить, – Вадим подошел к ней, вырвав из потока лихорадочных мыслей о Фертовском. Не многовато ли она о нем думала? Никогда еще мужчина, который ей не нравился, не занимал ее мысли столько времени. И при этом он ни разу не вызвал положительных эмоций. Однако мысли о нем, как только он появлялся, упорно лезли в голову. – Выйдем на крыльцо? – Вадим взял Надю за руку, ту самую, которую Фертовский целовал еще несколько секунд назад, – там нам никто не помешает, – тише добавил Вадим и подмигнул ей. Она рассеянно согласилась, вопреки женскому чутью, даже не догадывалась о том, что хочет ей сказать Вадим. Слишком была занята мыслями о Фертовском.

– Надюшка, ты мне нужна буквально на несколько секунд, – в этот же момент вездесущая Виктория потащила ее за собой. Надя обернулась на Вадима. Он знаком показал ей, что будет ждать на крыльце.

Ночь уже вступила в свои права, стало прохладнее, кажется, менялась погода. На небе не обозначилось ни одной звезды. Густые ночные облака стелились до самого горизонта. Вадим потянулся, шумно выдохнул. Из открытого окна гостиной доносилась музыка, опять душещипательно-медленная. Он прислушался, чьи-то шаги. Неожиданно на крыльце появился Николай. Он прикурил, выпустил колечко дыма.

– Меньше всего ожидал увидеть здесь тебя, – сказал Вадим, начиная нервничать. Присутствие брата ему сейчас ни к чему.

Фертовский обернулся, посмотрел на не затворенную дверь. Было тихо, из коридора не доносилось ни звука.

– Ты кого-то ждешь, – констатировал Николай, собрался гасить сигарету и уходить.

– Да, жду, – признался Вадим, он взял сигарету из рук брата, сделал пару затяжек и вернул, – ладно, пока можешь остаться, – разрешил он.

Николай удивленно посмотрел на дымящуюся сигарету, стряхнул пепел. Вадим давно бросил курить, увещевал его сделать то же самое, твердил о вреде никотина и вредных привычках. Что же его заставило изменить своим принципам?

– Я волнуюсь, – признался Вадим. Чем дольше Надя не появлялась, тем он больше нервничал.

– Кто она? – Николай затаился, равнодушно посмотрел вдаль.

– Надежда, Наденька, – ласково протянул Вадим. Произносить ее имя доставляло ему особое удовольствие. – Я намерен с ней объясниться, надеюсь на взаимность. Коль, как ты думаешь, у меня есть шанс?

Фертовский спокойно закурил вторую сигарету, промолчал.

Вадим стал упоительно говорить о своих чувствах к Ан-

дреевой, он искренне верил в то, что, наконец, нашел ту единственную и неповторимую. Нашел само совершенство, истинную женщину, в ней сочеталось все, что его так покоряло в представительницах прекрасной половины человечества.

– Что ж, – Николай хлопнул его по плечу, – желаю счастья! – Казалось, его глаза стали еще темнее, будто и не было зрачков. Темные и всегда печальные. Даже скорбные. Фертовский услышал шаги в холле. – Не стану тебе мешать, пожалуй, пойду прогуляюсь, – ему не хотелось сейчас видеть Надежду. – Завтра мы начнем съемки в доме, часов в восемь утра, хорошо?

На крыльцо выскочил Антон. Был он взъерошен, лицо испуганное, в руке – трубка телефона.

– Вадим, звонит твоя мама, – взволнованно выпалил Антон, – что-то случилось с отцом, – протянул трубку. Вмиг побледневший Вадим сказал в телефон «Да!». Все замерли. Вадим несколько раз произнес «понятно», затем сорвался с места и помчался в дом.

Стало тихо, первыми в холле возле комнаты Вадима появились Надя и Вика, затем из гостиной вышли Никита и Ксения. Вадим выскочил из комнаты, на ходу накинул пиджак, проверил ключи от машины, документы, похлопал себя по карманам. Лицо было растерянным и все еще бледным. Вадим глянул на Надежду, досадливо махнул рукой. Она виновато заморгала.

– Отцу плохо с сердцем, – наконец что-то выдавил из себя Вадим, – я еду в Москву прямо сейчас.

– Я поеду с тобой, – сказал Николай.

– Нет, у тебя съемки, – напомнил Вадим, он стоял в холле, знал, что время не терпит, но почему-то тянул. Было страшно. Ему всегда казалось, что отец никогда не заболит, он отличался завидным здоровьем, даже насморк обходил его стороной. Поэтому сейчас мама была в панике. Эта паника передалась и Вадиму.

– Я поеду с тобой и сяду за руль, – решил Антон, – я не пил вино. Кроме того, ты слишком взволнован, чтобы вести машину. Идем, дай мне ключи.

Вадим кивнул, с Антоном не будет так страшно.

– Позвони, пожалуйста, – попросил Николай.

– Позвоню, – пообещал Вадим. – Извините, что все так вышло.

Он быстрым шагом направился к выходу.

Антон осторожно выехал из гаража, включил дальний свет фар. Часы пробили полночь.

Надя, почувствовав ночную прохладу, поежилась. Они впятером стояли на крыльце и смотрели вслед отъезжающей машине. Смотрели до тех пор, пока огоньки габаритных фар не растворились в ночном мраке. Начал накрапывать мелкий и нудный дождик. Менялась погода, менялись обстоятельства. Вадим так ничего и не сказал Наде. Её задержала Виктория, задержала всего на несколько минут, которые из-

менили течение. Начался другой ход времени, однако никто из них не знал этого. А может быть, все было предопределено раньше? Каждое сказанное и несказанное слово, каждое действие или бездействие – все это составляло звенья неразделимой цепи, называемой жизнью?

– Мы, пожалуй, пойдем, – сказал Никита, Ксения кивнула. Он набросил свой пиджак ей на плечи.

– Подождите, я дам вам зонтик, – Виктория исчезла за дверью дома.

– Николая, ты идешь? – Никита спустился со ступенек, обернулся. Фертовский как-то странно глянул на Надю. Она с задумчивым видом все еще смотрела на прячущуюся во тьме дорогу.

– Вам помочь убрать со стола? – спросил Фертовский. Надежда перевела на него удивленный взгляд.

– Спасибо, но не стоит утруждаться. Мы...

– Мы будем рады, Николай, если Вы поможете, – вмешалась Виктория. Она принесла зонтик, отдала его Ксении. Никита понимающе согласился.

– Идемте в дом, – неожиданно заботливо произнес Фертовский, – Вы можете простудиться, – он заметил мурашки на голых плечах Надежды. Плавная линия декольте – плечи и грудь..., – он с трудом отвел взгляд.

– Может быть, мне сначала избавиться от этого платья и переодеться? – спросила Надя больше у себя, чем у окружающих. Всё кругом как-то сразу померкло. Словно беда семьи Вадима окутала дом, проникла в каждый его угол, наполнила печалью и тревогами. А еще недавно здесь царило оживление, шутки, звучала музыка, воспоминания веселой юности.

– Не стоит, – вскользь заметила Виктория, она суетилась возле стола, собирала посуду на поднос, которую Фертовский относил в мойку. Оказывается, он был очень хозяйственным, сам убрал оставшиеся продукты в холодильник, расставил стулья, затем остался на кухне мыть посуду.

– Иди, помоги Коле, – решительно сказала Вика Наде и даже подтолкнула её, – и хватит киснуть! Все обойдется. Вадим завтра позвонит и успокоит нас, я это чувствую.

Андреева вздохнула.

– Он хотел о чем-то поговорить со мной, – призналась она, – но не успел. И, кажется, огорчился из-за этого еще больше. Я не знаю, – у нее даже перехватило в горле, – я все время все делаю не так. Там, где надо торопиться, я медлю, где надо ждать, я бегу, сломя голову. Где надо молчать, я говорю. Я все время ошибаюсь, какое-то патологическое неумение ориентироваться, неумение правильно выбирать, неспособность чувствовать ситуацию.

– Глупости! – отрезала Виктория. Она только сейчас осознала, что хотел сказать Вадим Надежде. В тот момент, когда она отвлекла подругу, не дав ей выйти на крыльцо, но сдела-

ла это скорее спонтанно, ни о чем не догадываясь. В результате все получилось в ее пользу. А пока Вадим отсутствует в Беляниново, у Виктории все еще есть шанс воплотить в реальность то, что она задумала. – Ты сама себя накручиваешь, мелкие неурядицы превращаешь в снежный ком, потому что циклишься на них, нянчишься с ними и изо всех сил жалеешь себя. Вместо того, чтобы просто быть счастливой, не боясь ошибиться, сделать что-то не так. Будь сама собой и все! Иди к Фертовскому. Все-таки в этом доме он гость, а мы здесь с тобой прохлаждаемся.

– Где у Вас полотенца для посуды? – завидев Надю, спросил Николай. Она вошла, волосы выбились из прически, а пучок устало съехал на бок. Грустная и утомленная Королева после бала. Бал был первым в её жизни. Несмотря на финал, само действие оказалось триумфальным. Надя протянула Фертовскому полотенце, спохватилась и сама занялась посудой. Под пристальным взглядом Николая она вытерла насухо все бокалы, до того момента, как они заиграли на свету алмазными гранями, затем принялась за остальную посуду. Фертовский повесил перевернутые бокалы над столешницей. В какой-то момент он случайно коснулся плеча Нади. Она удивленно подняла на него глаза.

– Простите! – Фертовский прикусил губу. Смотрел все так же строго и невозмутимо. Надя стушеввалась: опять, наверное, что-то не так. Она провела рукой по волосам и обомлела: воронье гнездо! Жесткие, хотя и густые, волосы часто

подводили ее. Миша любил подтрунивать над этим. Миша? Как некстати он вспомнился! Глупый и неопытный мальчишка. Он еще ничего не понял в этой жизни.

– Я пойду, – сказал Фертовский, он пробежал глазами по кухне. Надя отметила, что он охотно и без намека на лень помог им с Викторией. Даже не пришлось им руководить и направлять. Вероятно, он и в жизни был таким – самостоятельным и решительным. Эта его черта Наде была незнакома.

– Спасибо за помощь! – с чувством произнесла Андреева. Николай направился к выходу.

– Не стоит, – он обернулся на пороге. – То, что скрыто внутри человека, вызывает гораздо больший интерес, чем то, что лежит на поверхности. Важно оставаться таким, какой ты есть. В этом неповторимость человека, в этом его гармония с собой и окружающим миром, в этом его удача и шанс стать счастливым.

Надежда застыла на месте.

– Спокойной ночи! – бросил уже через плечо и ушел.

– Где Николая? – на кухне появилась Виктория.

– Ушел, – Надя все еще пребывала в состоянии шока. Фертовский словно знал о ней так много, что становилось страшно. Он не просто читал ее мысли, он знал ее страхи, сомнения, ведал о ее ошибках. Нет, этого просто не может быть!

– И ты его отпустила? – возмутилась Вика.

– Я сказала ему спасибо. По-моему этого достаточно. И

вообще, – она распустила волосы, – я устала и хочу спать. Слишком много впечатлений за один вечер. И не приставай больше ко мне.

Вика улыбнулась и потерла руки: Фертовский ведет себя именно так, как ей необходимо.

Антон вернулся в Беяниново ранним утром. Усталость практически бессонной ночи сковывала тело, болела голова. Антон оставил автомобиль перед самым домом, не хотелось загонять его в гараж лишь по причине утомления. Сейчас Антон понимал, что его роскошная тачка не поможет удержать Викторию. Что-то вмешалось в их, казалось бы, восстанавливающиеся отношения. А счастье было так близко. Было да прошло.

Антон вошел в дом. Слишком глубоко погруженный в свои мысли, он не заметил ту, о которой сейчас думал. Не заметил, прошел мимо. Услышав ее голос, вздрогнул, обернулся.

– Тоша, привет! – Виктория вся светилась. Минуту назад спустилась вниз, хорошенькая, выпавшаяся, полная надежд и планов. Планов, в которых Антону уже не было места. Он подошел к ней, хотел поцеловать, но Виктория так резко отшатнулась, что у Антона больше не осталось сомнений.

– Как дела у Вадима? Что с отцом? Когда Вадим вернётся? – выпалила она. Это было сейчас самым важным для Виктории.

Антон внимательно посмотрел на нее. Все сложилось как в мозаике, одно к другому, совпало все, до единого фрагмента.

– Я устал и хочу спать. Я ехал всю ночь, стоял в «пробке». Георгий Анатольевич дома, ему лучше, – с этими словами он направился к лестнице, давая понять, что разговор закончен. На первой ступеньке все же остановился. Виктория ринулась к нему, не осознавая, что делает.

– Когда вернется Вадим? – она схватила Антона за рукав. Антон аккуратно освободился и ждал.

– А Вадим? – Виктории захотелось задушить Антона.

– Что Вадим? – почти искренне удивился он.

– Когда он вернется в Беляниново? Скоро? Что он сказал?

Когда его ждать?

Антон спустился с лестницы, подошел к Виктории, у него было странное выражение лица. Она еще не понимала.

– Почему тебя это так волнует? – спросил, чеканя каждое слово. – Скоро, не скоро, вернется, задержится. Мы приехали сюда отдыхать, Вадим любезно предоставил нам дом, – последние два слова он произнес громче, мы приехали не ради Вадима...

Антон взял Викторию за подбородок, приблизился к ее губам.

– Или у тебя опять поменялись планы?

Антон схватил ее неожиданно, поцеловал насильно, не скрывая злобы. Виктория вырвалась, но Антон опять схва-

тил ее, прижал к себе. Удивительно, откуда в таком щуплом молодом человеке столько исполинской силы? Он держал Викторию в объятьях, словно сжимал металлическими прутьями.

– Отпусти! – она испугалась, стараясь не показывать этого. Ярость Антона была намного опасней, чем это могло показаться. В глазах милого и уступчивого Тошеньки клокотало по-настоящему безумное желание разорвать Викторию. Оно готово было вырваться с минуты на минуту.

– Ты нацелилась на Вадима? – прошипел Антон.

В целях собственной безопасности Виктория промолчала.

– Ты решила заполучить его? – железная хватка Антона не ослабевала. – Ты играешь чувствами других, словно держашь марионетками. Виктория – ты дрянь! Дрянь, каких я еще не встречал. Эгоистичная, бесчувственная, не способная любить и жалеть...

– Неправда! – воскликнула она. Стало так обидно, что перехватывало дыхание. И дело было не в том, что Антон бесился и пугал ее своей яростью. Нет! Обижало то, что он повторял слова Вадима, более того, сбывались его предсказания. Но в одном он ошибся. Вика не играет ничьими чувствами, она влюблена. По-настоящему, искренне и ей не все равно, что теперь скажет Вадим.

– Ты никогда не получишь Зорина! – только эта мысль и утешала Антона.

– Почему?

– Он любит Надежду – твою подругу, – Антон решил поставить все точки над «и», – он сам мне сказал об этом, сегодня ночью. Более того, Вадим думает о женитьбе. Он написал это письмо и попросил передать его Наде. Сказал, что по телефону объясняться не станет, а письмо – лишь первый шаг.

Антон вытащил из кармана листок бумаги, сложенный вчетверо, и замахал им. На лице торжество, смешанное со злостью.

– Если Вадим любит женщину, он никогда не посмотрит на другую. У тебя нет ни единого шанса. И все твои уловки ничего не стоят, они для дураков.

– Значит, ты – дурак!

– Может быть, – согласился Антон. – Но меня утешает, что Вадим им никогда не был. Поэтому и выбрал Надю.

– Отдай мне письмо! – потребовала Виктория. Надежда не должна прочесть его.

– Что?! Отдать письмо? – Антон не поверил своим ушам.

– Отдай мне письмо! – повторила Корецкая. – Ты должен отдать его мне, – с этими словами она кинулась на Антона. Едва не вырвала из его рук письмо. Стала похожа на одержимую. Ну и пусть Антон знает о ее чувствах к другу! Пусть оскорбляет, унижает, считает эгоисткой. Главное, не допустить объяснения между Вадимом и Надей! Подруга еще ни о чем не догадывается...

– Виктория, остановись! – Антон не ожидал такой реак-

ции. – Ты сошла с ума! Это письмо все равно тебе не поможет. Вадим не любит тебя.

– Я люблю его! Я хочу быть с ним и сделаю все для этого.

– А как же я? – у Антона задрожала губа.

– Я не люблю тебя, Антон, я люблю Вадима!

Она подскочила и вырвала из его рук письмо. В следующий момент почувствовала удар в лицо, затем по голове, лишилась сознания...

Николай оттащил бесчувственного Антона к стене, Никита отнес Викторию наверх. Надя ничего не могла понять. Она спустилась вниз уже, когда все произошло.

Глава 33

Виктория пришла в себя.

– Как самочувствие? – Надя сидела у кровати подруги и все еще не могла оправиться от испытанного шока. Такой безобидный на вид, худенький Антон еще полчаса назад буйствовал как настоящий неврастеник-психопат. Он поднял руку на Викторию, хорошо, что съемочная группа подошла вовремя. Они-то и вмешались. Фертовский отшвырнул Антона как котенка, отчего тот потерял сознание. Антон сошел с ума, иначе как объяснить его поведение?

– Нормально, – Виктория осторожно потрогала свой глаз. Больно, будет синяк и не маленький. Антон надолго испор-

тил фасад.

В дверь постучали, получив разрешение, Фертовский вошел.

– Виктория, я принес лед, необходимо приложить к глазу, – сказал он и протянул ей маленький пакет.

– Спасибо, Коленька, за заботу! – она улыбнулась и тут же поморщилась от боли.

– Вам надо успокоиться. Антон внизу, его сюда не пустят.

– Это хорошо, – Виктории не хотелось ничего объяснять. Она была рада, что ее никто не спрашивает о случившемся. По части деликатности Фертовскому не было равных.

– Может, мы отложим сегодняшние съемки? – чуть помедлив, спросил он. – В другой раз...

– Нет, нет! – запротестовала Корецкая. – Именно сегодня и начинайте. Надеюсь, наша с Надей комната вам не нужна? Вот и ладно. Возьмите, пожалуйста, на съемки Надюшу, пусть посмотрит.

– Но я должна быть рядом с тобой, – заметила Надя.

– Ничего ты не должна! – возразила Виктория. – И вообще, я хочу побыть одна. Идите! Коля, поручаю Вам свою подругу, приглядите за ней. Идите, я сказала! – она отвернулась.

Надя пожала плечами и вышла вслед за Фертовским.

На первом этаже уже вовсю суетились участники съемочной группы, устанавливали аппаратуру, свет, камеры, измеряли холл, гостиную. Никита покрикивал, возмущался, что

не хватает света. За окном было пасмурно, дождь прекратился лишь к утру, но тучи все еще тяжело висели на тусклом небе.

– Николай! – гаркнул Никита. – Где тебя носит? Нам не хватает света. С какого плана начнем?

Фертовский снял с себя темно-синий пиджак, небрежно бросил его на стул. По мнению Нади, он был не очень похож на оператора: джинсы слишком стильные, рубашка явно дорогая, осанка аристократа. Скорее, он подходил на роль главного героя. Такой капризный красавчик, которого любит камера, женщины и Фортуна. Надя наблюдала с лестницы.

– Привет! – Андреева повернулась, увидела рядом Виталика – помощника режиссера. Приятный молодой человек, который на вечеринке в коттеджном поселке был с ней больше всех дружелюбен и искренен.

– Привет! – Надежда улыбнулась. – У вас всегда столько суеты?

– Да, бывает и еще нервознее, – проинформировал Виталик, он немного заикался, – Никита Алексеевич требовательный и строгий, но справедливый.

В этот момент справедливый Никита что-то возбужденно доказывал Ксении, которая возражала мягко и едва слышно. В конце концов, Никита махнул рукой и вспомнил про существование Виталика. Помощник режиссера поспешно покинул Надежду, однако вернулся довольно быстро, Никита забыл, зачем его звал.

С самым большим интересом Андреева наблюдала за Фертовским. Он несколько раз прорепетировал траекторию и скорость предполагаемого движения камеры, Никите все еще не нравилось освещение.

– Смотри, сейчас Никита Алексеевич скажет, что Ксения похожа на дону Корлеоне, так как ее глаза почти не видны из-за тени, образованной верхним светом – это накамерный свет, – насмешливо пояснил Виталик. Надя хихикнула, когда Никита точь-в-точь повторил фразу про дону Корлеоне.

– Неужели свет так важен? – спросила она.

– Ну да! Любая камера дает качественное изображение только при хорошем освещении. Свет позволяет наиболее плотно передать эмоциональный характер сцены, выражение лиц, обстановку. Освещение бывает естественным (солнце, огонь) и искусственным (лампы). Как, например, свет может быть заполняющим рассеянным световым потоком, не образующим теней на объектах съемки. Обычно такое освещение используют в облачную погоду, как сегодня, или в затемненных пространствах. Этот свет определяет светотональное решение кадра, от него зависит контрастность изображения. Создается осветительными приборами рассеянного света для того, чтобы высветить затемненные участки и обеспечить достаточную проработку деталей объекта. Вот о чем говорил Никита Алексеевич – наличие определенным образом верхнего света скрывает глаза в тени глазных впадин. В снимаемой сцене в этом нет необходимости. Напро-

тив, камера в определенный момент должна показать глаза главной героини.

Виталик, опять услышав свое имя, стремглав умчался к режиссеру. Фертовский оторвался от камеры, обернувшись, глянул на Надежду. Она перехватила этот взгляд, но опять не поняла, что он означал. То ли Фертовскому было приятно ее присутствие, то ли наоборот, смущало или даже мешало. По сути дела, на съемочной площадке находилось много людей, каждый делал свое дело и не обращал особого внимания на посторонних. Надя была вне зоны съемок, поэтому оставалась абсолютно незамеченной. Губы Фертовского тронула легкая улыбка, через секунду он опять уставился в видоискатель камеры.

– Ваш оператор, действительно, настолько профессионален, как о нем говорят? – небрежно спросила Андреева после того, как Виталик опять очутился возле нее.

– Да он просто гений! – эмоционально воскликнул помощник режиссера. – Я не устаю им восхищаться, у него почерк Рерберга.

– Рерберг? – переспросила Надя.

– Да, это был самый талантливый оператор в истории отечественного кинематографа. Он вместе с Тарковским снимал «Зеркало», «Сталкер». Потрясающие картины! Николай Владимирович даже специально изучал манеру Рерберга, много рассказывал о нем. Да, он к тому же прекрасный рассказчик! В общем, Николай Владимирович представля-

ет собой сочетание замечательного человека и отличного художника.

– Неужели? – покачала головой Надя. Ей показалось, что Виталик говорит о ком-то другом. Нет, может быть как профессионал Фертковский и хорош, но замечательный человек? Разве может такая мрачная и заносчивая личность заслуживать подобного эпитета? Хотя, надо отдать ему должное, он вчера помогал им на кухне, сегодня вступился за Викторию и оттащил взбешенного Антона, оглушил его. Кстати, а где же Антон?

Надя поискала его глазами, но не нашла. Что же все-таки произошло между ним и ее подругой? Что заставило интеллигентного и физически слабого молодого человека так разъяриться, опустившись до рукоприкладства?

Антон намочил волосы прямо под умывальником, закрыл лицо руками, начал отчаянно тереть глаза и щеки. Тер до тех пор, пока все не стало багровым. Он смотрел на себя в зеркало, тер кожу, словно хотел снять маску, таким образом избавиться от того, что недавно испытал. Антон не узнавал себя, что-то внутри сломалось. Неужели так рушатся простые надежды и мечты? Неужели Виктории удалось так глубоко наполнить собой его жизнь? Что он любил в ней? Ее красоту, ум, доброту, нежность? Нет, Антон любил в ней, прежде всего, свою любовь, упивался своими чувствами. Но разве не это самое главное? Разве настоящее счастье не в том, чтобы

отдавать любовь, а не принимать её? Он и отдавал, отдавал со страстью, искренностью, с той самой силой, на какую был способен. Весь парадокс в том, что его пылкие чувства вызвали обратную реакцию. Хуже того, Виктория влюбилась в его друга!

Как она кричала об этом! Глаза горели в незнакомом Антону безумстве. Да, он такой её никогда не видел, наверное, поэтому и «сошел с катушек».

Виктория подошла к окну. Она слышала шум с первого этажа. Громкий голос Никиты. Там, внизу, бурлила жизнь, самая настоящая. Даже та, которую придумывали киношники. А что же теперь будет с ней – Викой Корецкой? Куда её утащат безрассудные обстоятельства и так беспокойной жизни? Вика почувствовала себя бумажным корабликом, который волею судьбы переменчивого ветра движется навстречу неизвестному. Безобидный ручей за каждым поворотом способен превратиться в бурлящий, непредсказуемо-опасный поток, готовый перевернуть кораблик. И вскоре от него останется лишь размокший лист бумаги...

Бумага! Корецкая поспешно достала из кармана скомканный трофей, добытый в бою с бывшим возлюбленным. Именно из-за этого листка бумаги все и закрутилось. Антон сказал, что там признание. Вика принялась нетерпеливо расправлять бумагу.

– Этот психопат блефовал, – в следующую секунду Корец-

кая со злостью бросила бумагу в угол. Не существовало никакого признания, лист был девственно чистым.

В этот момент Антон толкнул дверь. Виктория обернулась. Молодой человек стоял на пороге и молчал. Лицо красное, волосы всклокочены. Неужели он опять повторит попытку ударить её?! В доме куча народу, но все они внизу. Эти мысли лихорадочно пронеслись в голове Корецкой, на лице отразился лишь страх. Страх и ненависть.

– Убирайся! – крикнула Виктория, чувствуя, что паникует. Она еще никогда не попадала в подобные ситуации. И это притом, что милый Тошенька казался самым безобидным.

Минуту назад Антон ощущал в себе жгучую ненависть, такую, что трясло все тело, казалось, выворачивало всю душу. Но как только увидел эти глаза, эти губы, он обмяк, сдулся, словно проколотый шарик. Женщина стала чужой? Так быстро, в одночасье? И ничего не изменить?

– Прости меня! – он унизительно бросился на колени.

Глава 34

Фертовский опять обернулся. Все-таки он странный, Надя поймала себя на мысли, что за последние сутки Николай часто оказывался рядом с ней, более того, она думала о нем, пыталась понять. Андреевой стало казаться, что он не совсем такой, каким ей показался вначале. Те, кто его знали, отзывались очень тепло и сердечно. А его взгляд? Выра-

зительные, словно бархатные глаза. Он тщательно скрывал мысли, а язвил, потому что уязвим? Прикрывался своим высокомерием как щитом, не желая никому показывать своих истинных чувств.

Надя, улучшив момент, покинула свой пост наблюдения и переместилась из-за спины Фертовского немного правее. Получалось, что Виталик закрыл её от глаз оператора. Прозвучала команда «Мотор!», чуть погодя Ксения открыла дверь.

– Каков сюжет? – тихо спросила Надя. Виталик наклонился к её уху.

– Героиня Ксении получает известие, что в этом доме муж ей изменяет, – стал пояснять Виталик, – она приезжает сюда и застаёт их в гостиной в весьма недвусмысленной ситуации. Муж Ксении – настоящий негодяй, я имею в виду, её героини. Ксения поспешно покидает дом.

Надя кивнула. Тем временем камера начала двигаться навстречу озирающейся Ксении.

– Это называется наезд, – Виталику нравилось объяснять Наде все подробности. Она так внимательно и активно слушала, это подкупало. – Сначала сняли общий план, дверь, холл, передвижение героини. Затем следует крупный план – лицо Ксении, её эмоции, чувства, переживания. Сейчас в камере будут лишь глаза. Да, Ксения открывает дверь гостиной и видит ужасающую сцену. Вот здесь самое важное – детальный план. Это у Николая Владимировича удастся безупреч-

но. Он умеет увидеть в женщине то, что не видят другие.

– Да уж, – вздохнула Андреева, но Виталик так увлёкся, что тараторил безумолку.

– ...Затем камера берет средний план, показывая то, что происходит в гостиной. То есть то, что видит Ксюша. Здесь отъезд камеры. После него общий план и дальний – дом снаружи, – Виталик словно читал лекцию, – одну сцену снимают с нескольких точек, делаются несколько дублей одного кадра. При отъезде глубина пространства усиливается, при наезде ощущение глубины уменьшается. Об этом много говорит Николай Владимирович. Он очень опытный оператор. Никита Алексеевич и он – тандем двух гениев, – Виталик услышал команду «Стоп! Снято!» и опять покинул Надю.

Объявили перерыв, кое-кто отправился на улицу, Никита на кухне пил чай. Фертовский поискал глазами Андрееву, решительно подошел к ней.

– Полагаю, что Виталий рассказал все так подробно, что Вам можно теперь снимать фильмы, – было непонятно: шутит он или нет. Оказывается, во время съемочного процесса он гораздо внимательней наблюдал за ними. Надя смущенно пожалала плечами.

– Думаю, Рербергу понравилась бы Ваша работа.

– Откуда такая осведомленность? – удивился Фертовский, но тут же догадался. – Разумеется, наш друг Виталий.

– Он искренне восхищался Вашим мастерством, – она и сама не знала, зачем это сказала. Фертовский в похвале не

нуждался, для этого он был слишком уверен в себе. И совершенно необязательно давать ему лишний повод проявлять свой снобизм. Николай никак не отреагировал на комплимент, молча покинул растерянную Надю. Она тяжело вздохнула и решила больше никогда не разговаривать с Фертовским. Заглянула на кухню, где Никита, размахивая чашкой, рассказывал байки участникам съемочной группы, отчего те громко хохотали. Все-таки они были одной командой, делали свое дело увлеченно, эмоционально, даже страстно. Порой они спорили, ссорились, сталкивались с проблемами и трудностями, совершенно неожиданными и порой весьма неприятными. Но они искренне верили, что у них все получится. И это было здорово!

– Надежда, – Андреева услышала голос над самым ухом, резко обернулась, – пожалуйста, разрешите мне сделать несколько Ваших снимков, – Николай держал в руках профессиональную фотокамеру, даже штатив приготовил. – Мне бы хотелось показать Вам истинный профессионализм. Поверьте, Вы не пожалеете, что согласились на эту маленькую фотосессию. В любом случае, фотографии останутся у Вас, – он впервые просил. Мягко, обходительно, во взгляде ни тени насмешки, лишь теплота и что-то еще. Надя никак не могла понять, что?

– Мне кажется, я не из тех, кого любит камера, – Надежде опять стало неловко. Так или иначе, Фертовский её все время смущал: когда критиковал или расточал комплименты.

– Я докажу Вам обратное, – он был так серьезен, что хотелось в это верить.

Досадно, но Надя поняла, что не может отказать Фертовскому. Она всегда плохо получалась на снимках, не умела позировать, знала об этом. И вот теперь... впрочем, даже если в очередной раз ничего не получится, Фертовский просто окажется посредственным фотографом, каких тысячи. Скорее всего, так и будет. Следовательно, ей нечего терять.

– Игорь, окажи мне любезность, – обратился Николай к одному из своих помощников, – помоги со светом.

– Охотно, Николай Владимирович, – отозвался тот.

Они втроем прошли на террасу. Здесь никого не было. Николай на всякий случай установил штатив, поправил камеру, попросил Надю распустить волосы. Она смущенно улыбнулась, совсем не представляя себе, что Фертовский задумал. Он несколько секунд, молча, взирал на Надю.

– Встаньте ко мне в профиль, – наконец сказал он, – поверните голову сюда, чуть наклоните, хорошо. Теперь медленно поворачивайте корпус, не смотрите в камеру, её просто нет. Сделайте движение вперед, нет, не так, мягче. Руки тоже должны двигаться. А глаза? Надя, не смотрите в камеру да еще так испуганно.

Андреева разочарованно поморщилась: что-то подобное она ожидала. Ну, не умеет она красиво двигаться и к камере не приучена! Не всем дано.

– Я, пожалуй, пойду, – Надежда махнула рукой.

– Вы всегда так быстро сдаетесь? – остановил ее вопросом Фертовский.

– А что прикажете делать? Забавлять Вас тем, что я бесполовая и неуклюжая? Покорнейше благодарю, подобным я не раз забавляла других, так забавляла, что перестала верить в себя. Когда ты чему-то не можешь научиться, лучший вариант – смириться и признать, что не всем в этой жизни тебе дано овладеть. В конце концов, есть тысячи других занятий и интересов, кроме того, как вертеться перед камерой или фотоаппаратом.

– Вы боитесь камеры, – догадался Фертовский, – но почему?

«В ней отчетливо видны все мои недостатки», – подумала Надя, но вслух этого не произнесла. Ему совсем необязательно знать ее слабости, он и так невысокого мнения.

– Хорошо, – сказал Николай, что-то надумав, – дайте мне еще несколько минут, я попробую сделать все по-другому. Игорь, принеси, пожалуйста, вентилятор, белый шелковый шарф и широкую атласную ленту, – попросил он и подошел к Наде. – Обещайте мне одно: будете слушаться меня беспрекословно. Я не стану Вас заставлять двигаться как модель или танцовщицу, я не буду требовать профессиональных движений.

– Я не очень понимаю, – призналась Надя.

Фертовский протянул ей полупрозрачный шарф. Попросил накинуть его на плечи, затем внимательно посмотрел на

Надю.

– У Вас очень выразительные глаза, но боюсь, мне придется их закрыть, – произнес эту странную фразу, Надежда даже испугалась. Но не успела ничего возразить, как Николай повязал ей на глаза атласную ленту, – таким образом, камера Вас больше не испугает, Вы ее просто не видите. А теперь, Надя, расслабьтесь, думайте о чем-то хорошем, приятном, можете прикоснуться к своему шарфу, это очень мягкий шелк...

По знаку оператора Игорь включил вентилятор. Почувствовав ветер, в первую секунду Надя задохнулась, поток был неожиданным и быстрым.

– Спокойно, все хорошо, – сказал Фертовский и включил камеру, – Надя, представьте, что Вы на берегу огромного океана, шум его волн улаживает слух. Они, подвластные ветру, накатываются на влажный и теплый песок. Да, здесь хозяин – ветер. А Вы наслаждайтесь его игрой, его властью над Вами. Дайте волю воображению, окунитесь в мир своих фантазий, почувствуйте наслаждение могучим океаном, соленым ветром и своими мечтами...

Ветер казался самым настоящим, он смело забавлялся её локонами, касался легким шелком, заставляя его трепетать и интимно обвивать плечи. Полупрозрачная ткань и лента на глазах создавали некую тайну, служили волнующей завесой, которую хотелось приподнять, хотелось погрузиться в чарующий мир женской красоты и гармонии. Гармонии ветра, с

которым Надя слилась и стала единым целым.

В какой-то момент Надя внутри себя услышала эту мелодию ветра, удивительную, нежную. Повинуясь сладкому со звуцию аккордов, она напрочь забыла обо всех своих страхах, недоверии. Телом и душой овладела безудержная легкость. Она закружилась, затанцевала, двигалась легко и бесшумно, ориентировалась, словно и не было повязки на глазах, она дарила свое ощущение счастья...

Оно передавалось и всем окружающим. Надя просто наслаждалась тем, что делала. Но те, кто ее созерцал, наслаждались ни меньше. У Игоря глаза горели, он, вдохновленный успехом, виртуозно менял свет, переходил от одного плана к другому. Надя представлялась ему богиней Фемидой, ведь глаза ее были завязаны, которая вдруг забыла о своем предназначении, она избавилась от чаши весов, она больше не желала олицетворять правосудие, она превратилась в ветер, в облака, в синеву неба, в утреннюю росу на сонных цветах, в песню океана.

Да, снимки получились необыкновенными. Вот что значит настоящий мастер! Надя себя такой еще не видела. Весь ее облик источал свет, теплый и ласковый, искрящийся и пленительный. А завязанные атласной лентой глаза околдовывали неразгаданной тайной...

– Нравится? – спросил Николай и улыбнулся. И только сейчас Андреева заметила, что у него не совсем ровные зубы. Белые, но не ровные. Это как-то не вписывалось в его без-

упречную внешность. Однако не производило неприятного впечатления. Напротив, недостаток словно разрушал эту самую холодную безупречность. Кроме того, при более открытой улыбке обнаруживались две очаровательные ямочки на щеках – поцелуи ангела.

– Это потрясающе! Вы сотворили чудо...

Виктория поморщилась. На смену страху пришло чувство отвращения. Антон валялся у ее ног и молил о прощении. Сейчас он был жалок. Виктория не могла понять, почему когда-то решила встречаться с Антоном. Ничего общего, никаких интересов, он всегда был не в ее вкусе. А теперь еще и последние события. Хотя, наверное, только в этом он и проявил себя как мужчина.

– Я не хочу тебя видеть, – сквозь зубы процедила Корецкая. Она посмотрела на Антона и увидела слезы на его глазах. Любовь этого человека смахивала на безумие.

– Я не смогу без тебя! – всхлипывал Антон. – Я не представляю себе жизни, если тебя там не будет.

– Ты прекрасно жил последние полгода. Однажды мы уже расстались, – язвительным тоном напомнила Корецкая, отвернувшись к окну.

– Да, но я верил, что мы еще встретимся. И ты позвонила, первая! Ты захотела меня видеть.

– Это была моя роковая ошибка. За нее я заплатила синяками на лице и на руках.

– Но я люблю тебя! – Антон полз к ее ногам. Он уже начал выть. Бесконечно повторял, что любит Викторию, что умрет без нее. Просил прощения и умолял дать еще один шанс.

Подобные ситуации случаются. И обе стороны в незавидном положении. Тот, кого отвергают, готов на все, чтобы вернуть былое. Ему невозможно понять и принять тот факт, что отношения изменились, что чувства стали другими. Как же так? Ведь он по-прежнему испытывает любовь и желание быть рядом. Другая сторона испытывает неловкость и непреодолимое желание избавиться от груза, который называется «бывшая любовь». Его унижения заставляют чувствовать досаду и неприязнь, необходимо как можно скорее покончить с объяснениями и безоглядно вычеркнуть человека из своей жизни. Надо идти дальше, нельзя оглядываться на прошлые неудачи. Они, напоминая о себе, влияют на настоящее и ничего хорошего не сулят.

– Прекрати истерику! – Виктория крикнула так, что Антон оторопело замолчал. Он поднял голову и увидел в ее глазах отвращение. Самое настоящее! И больше ничего. Ни единого шанса, что Виктория изменит свое решение. Антон поднялся с коленей, ладонью вытер слезы.

– Как же я тебя ненавижу! – сказал тихо, но твердо. Ушел, хлопнув дверью.

Ксения выскочила за Антоном из дома. Она видела, как он спускался по лестнице, догнала его уже возле машины.

– Антон, может, Вам не стоит сейчас ехать? – обеспокоено

спросила девушка. Она понимала, в каком он состоянии.

– Оставьте меня в покое! – рявкнул Антон и нажал на газ.

Глава 35

Три дня до отъезда Лизы были насыщенными и самыми удивительными. Она давно не ощущала такого эмоционального подъема и желания нравиться. Несомненно, что Иван был искусным любовником, незнающим никаких запретов, моральных барьеров, он не имел понятия о сдержанности. Его страсть после долгого ожидания, наконец, вырвалась наружу и поволокла Лизу в бурлящий водоворот потаённых желаний, которые стали осуществляться. Порочность Ивана была очевидной, Лиза понимала это, но устоять не смогла. Слишком сладким оказалось искушение. Кроме того, обходительность Ивана тоже не могла оставить ее равнодушной. «Я готов целовать песок, по которому ты ходила!» Примерно так. Иван на работе звонил Лизе каждый час, ждал ее в обед в столовой, вечером – на выходе из здания.

Он был неутомим, активен, задорно смеялся над остротами и колкостями Лизы, прищуривая один глаз больше, чем другой. Лизе это нравилось. Хотя она и убеждала себя в том, что такого рода отношения – лишь временная интрижка. Все закончится, когда закончится командировка. Они оба вернутся каждый в свой мир, забудут о безумствах и не станут оглядываться.

В последний день перед отъездом Иван договорился с местными жителями по поводу верблюдов. Да, эти замечательные «корабли пустыни» тоже здесь жили. И за определенную плату на них разрешали прокатиться. Как в Египте.

Лиза посмотрела на жуящую морду животного, глаза с философской поволокой и ... наотрез отказалась от удовольствия кататься на верблюде. Такой экстрим не для нее. У Лизы было сильно развито чувство самосохранения. Но Иван стал настаивать, описывая в ярких красках все то удовольствие, что она сможет получить.

Пожилой узкоглазый казах с беззубой улыбкой наблюдал за ними. Лицо круглое как луна, кожа желто-коричневая, обветренная. Верблюд перестал жевать и тоже стал наблюдать за происходящим с интересом.

Лиза упиралась, как могла, но Иван, благодаря своей настойчивости, всегда получал то, чего хотел, почти всегда.

– Никогда не отказывайся от того, чего не испытывала, – назидательно сказал он. – Многие в этом мире приобретает ценность и значимость лишь после практического применения.

– И в чем же ценность поездки на верблюде? – Лизе стало неуютно. Она поняла, что почти уступила. Такое было с ней впервые. Что крылось за этой уступчивостью и все более ослабевающим сопротивлением? Обычно у женщин подобное связано с состоянием влюбленности. Только не это! Самое худшее, что можно сделать – влюбиться в Казанову!

– Ценность в новизне ощущений. Это главное. Все, что происходит в нашей жизни, мотивы большинства поступков – желание познать неизведанное. Это ускоряет даже научно-техническое развитие.

– Следовательно, для меня катание на верблюде – движение прогресса?

– Практически – да, – серьезно подтвердил Иван и подошел к животному – верблюд опустился на колени. Иван сел между горбами и позвал Лизу. Она взобралась впереди своего спутника, почувствовала, как он крепко обнял ее за талию. Верблюд поднялся двумя рывками. Лиза охнула, посмотрела вниз, высоко!

Верблюд тряхнул головой и пошел, важно переваливаясь. Трясло ощутимо, и Лиза подумала, что верблюд ей нравится только тогда, когда она не сидит у него на горбу. Зато младшая сестра Надя оценила бы эту поездку. Она любила необычное, поэтому и попадала во всякие переплеты и нелепицы. Словно нарочно их искала на свою голову. Лизе иногда было ее очень жалко, она много раз пыталась вразумить сестру, объясняла, авторитетно указывала на ошибки. Но толку никакого. Надя обижалась, сложно воспринимала критику. Впрочем, себя она критиковала нещадно, может, этого и вполне достаточно.

– Нравится? – над самым ухом прозвучал голос Ивана. – Не торопись с ответом, пока сполна не вкусишь всю прелесть. Есть еще и послевкусие, как у хорошего вина. Иногда

именно ради него... – верблюд увеличил скорость, степной ветер унес конец фразы. Лиза попыталась не обращать внимания на неудобство, тряску, она смотрела далеко в степь, пыталась ощутить послевкусие.

На следующий день почему-то болели мышцы ног. Лиза вспомнила подобные ощущения после своей первой и последней поездки на лошади. Впрочем, сегодня было некогда думать об этом. День отлета. Утром самолет прилетел из Москвы, вечером – обратно. Его помыли, стали проверять все системы, готовить к обратной дороге.

Лиза торопливо собирала вещи. Вчера, конечно же, было не до этого. После прогулки на верблюде вернулись в гостиницу поздно, Иван, ни слова не говоря, зашел в комнату Лизаветы, выдержал отговорки и ссылки на усталость и завтрашний отлет. Полез целоваться и остался до глубокой ночи. Казалось, он обладал настоящим юношеским пылом. Даже помолодел внешне. Наверное, находясь на пике чувств, он получал дополнительную энергию, мощный поток адреналина, который его омолаживал. Кроме того, женщина для него была как увлекательная книга для книгочея.

– Как только прилетишь, позвони мне, – потребовал Иван. Он явился сразу после обеда. Сияющий, начищенный, вкусный.

Лиза осматривала полочки в ванной.

– Еще чего! – сказала из вредности и нежелания зависеть

от кого-либо. Она терпеть не могла отчитываться, врать не любила. И вообще, сейчас плохо себе представляла, как вернется домой и посмотрит в глаза мужу. Наверное, он обо всем догадается.

– Между прочим, я буду беспокоиться.

– Это хорошо, – Лиза взяла тюбик с шампунем, зачем-то понюхала его, вышла из душевой.

– Что хорошо?

– Мне приятно, когда обо мне беспокоятся.

– Поэтому ты и позвонишь мне, – уверенно сказал Иван, приподнял чемодан – не очень тяжелый.

Вскоре к гостинице подали автобус. Ивану было жаль отпускать Лизу. Все только началось. Но ничего, в Москве они опять встретятся. Ему не помешают никакие обстоятельства. Ведь он всегда получал то, что хотел. Кроме Людмилы, конечно. Она исключение. Такой женщины в его жизни никогда не было. Своенравная, капризная, она не шла на компромиссы, полностью подавляя его волю. При удобном случае она легко и безжалостно заявляла Ивану, что не держит его, что он совсем ей не нужен. Иван иногда уходил, не выдерживая ее прессинга, чувствуя себя униженным и оскорбленным. Уходил, но всегда возвращался, вымаливая прощение. Пытаясь компенсировать свое унижение перед Людмилой, он крутил романы на стороне. В конце концов, он – свободный мужчина! Хотя Иван тысячу раз делал предложение Людмиле. Она неизменно отказывала, из-за удобства поло-

жения: имела мужа, который хорошо зарабатывал, пропадая в бесконечных командировках. Людмила была слишком расчетлива и умна, чтобы не видеть преимуществ подобной ситуации. Она «доила» сразу двух мужчин, извлекая максимум выгоды, и не собиралась что-либо менять. Кроме того, Иван был практически на двадцать лет ее старше, на пятнадцать – ее мужа. Так стоило ли разводиться?

Людмила знала, что она не только умна, но и красива. На нее всегда заглядывались мужчины. Высокая, статная, без единого намека на лишний вес, она шла по стеклянным переходам здания, где работала, шла и любовалась собой в отражении. Светлые волосы в короткой стрижке были идеально уложены. На их фоне особенно выделялись крупные глаза цвета горячего шоколада. Кончик носа немного заострен и ноздри вырезаны так, что в иные моменты придавали лицу хищное выражение. Хищно-соблазнительное. Она очень сдержанно пользовалась макияжем, отчего красота ее казалась естественной. Иван сходил с ума по этой женщине. И чем холоднее был ее взгляд, тем больше он терял голову. Он был в плену. Этот плен длился до тех пор, пока Милочка не влюбилась бы в Ивана. Она слышала о его многочисленных интрижках, но не ревновала. Потому что не любила и не собиралась влюбляться. К счастью или нет, но Людмиле не дано было испытывать подобные чувства...

Иван поцеловал Лизу на прощанье, помог ей подняться в автобус. Подумал о том, что роман с ней, может быть, нако-

нец, вылечит его от болезни, называемой «Милочка»?

Лиза стала подниматься по трапу самолета, почти на самом верху зацепилась за ступеньку, потеряла босоножку, которая тут же кувыркком поскакала вниз. Босоножка остановилась на одной из нижних ступенек. Лиза растерялась и беспомощно смотрела на свою обувь. Ну что за беда? Спускаться вниз, расталкивая всех да еще в обуви лишь на половину?! Высокий, крепкого телосложения американец, который в составе группы иностранцев должен был лететь одним с Лизой рейсом, схватил ее босоножку, быстро поднялся и помог ей обуться. Он что-то сказал Лизе по-английски. Почувствовав себя Золушкой, Лиза покраснела, поблагодарила его и подумала о том, что ее босоножка была потной, ведь на летном поле жара ощущалась еще сильнее. Лучше бы Лизавета спустилась сама. Оказывается, галантность мужчины не всегда уместна.

Глава 36

После обеда выглянуло солнце, но облака были еще довольно густыми и занимали пространство неба до самого горизонта. Лучи с трудом пробивались через плотную белую завесу.

Сняли еще несколько дублей в доме, затем перебрались на улицу. Необходим был дальний план дома. Как пояснил Виталик – съемки дальним планом хороши для введения но-

вых видеорядов и служат прекрасным фоном для титров.

Надя теперь с большим интересом следила за работой Фертовского. Он был спокоен, несуетлив, ни с кем не спорил, ничего не доказывал, четко и профессионально делал то, что считал необходимым и терпеливо объяснял это помощникам. Полной противоположностью был Никита, но, похоже, в группе знали его темперамент и давно привыкли.

Надя была все еще под впечатлением от фотосессии. Происходящее там свидетельствовало в пользу Фертовского, как специалиста и как человека. Ему удалось раскрепостить Надежду, заставить забыть о своих страхах, вдохновить, ей понравился его глубокий мягкий голос, на который она впервые обратила внимание. Он направлял ее, пробуждал фантазии, самые неожиданные, волнующие, трепетные. Неужели это он несколько дней назад говорил о том, что Надя – дурнушка?

Наконец, съемки закончились, все стали собирать аппаратуру.

– Надя, – Николай подошел к ней, немного потоптался на месте. Казалось, он на что-то решался. Надя вдруг ощутила еще большую неловкость, чем раньше. – Я мог бы зайти вечером и занести Вам фотографии, – наконец выдавил он, – я не оставляю себе негативов, как и обещал.

– Хорошо, приходите, – согласилась Надя, пряча взгляд. Что-то менялось в ее отношении к этому человеку.

– В таком случае, до встречи! – Фертовский улыбнулся. Опять эта улыбка, эти ямочки!

– Он к тебе неравнодушен, – рядом оказалась Виктория. Они обе стояли и смотрели вслед Николаю, который обернулся, махнул рукой. – Уверена, последние 24 часа мысли Фертовского занимает девушка по имени Надежда, – добавила Корецкая.

– Глупости! – отмахнулась Надя, хотя слова подруги отозвались приятным волнением в груди. Нет, этого просто не может быть! – подумала Надя, а вслух произнесла, – тебе уже лучше? Не хочешь поговорить о том, что произошло с Антоном?

Виктория вышла за калитку, сорвала травинку. Потом подняла глаза на подругу. Что говорить? Она влюблена в Вадима, поэтому оттолкнула Антона. Необходимо ли знать об этом Наде? Как она отреагирует? Еще пока ничего не ясно. Вадим и Надя еще не сделали своего выбора. Сейчас рядом с ней Фертовский, Вадим уехал. Все это на руку Виктории. И чем меньше Надя будет знать о ее планах, тем лучше.

– Мы поссорились, вот и все, – неопределенно отозвалась Корецкая. Нервно жевала травинку.

– Ничего себе ссора, – Надя тоже вышла за калитку, – Антон бил тебя!

– Не бил, а ударил, – поправила Вика. Ей не хотелось даже вспоминать об этом. – Давай, погуляем по деревне? – предложила она.

Надя посмотрела на небо. Кучевые облака потихоньку рассеивались, солнце все больше проглядывало через них, летними лучами касаясь земли. Воздух был густым и влажным, лужи источали пар, дорога извилисто бежала по деревне.

– Ну, хорошо, – согласилась Надя. Члены съемочной группы уже уехали, оставив после себя тишину и умиротворение.

Когда-то Беляниново была немаленькой деревней, почти два километра в длину, и насчитывала около ста двадцати домов. Теперь их число составляло меньше пятидесяти. Многие уныло доживали свой век, оставшись в одиночестве – самое страшное для дома. Это сродни его гибели. В стенах должна быть жизнь. Но были и такие дома, которые принимали в объятия своих уютных стен людей, решивших сбежать из душного мегаполиса. Многим из них дома достались по наследству, кто-то приобрел за бесценок. Эти люди называли себя дачниками. Их жизнь делилась на полгода в городе, полгода в Беляниново. Стариков осталось совсем мало. Рядом разрастался коттеджный поселок, который на фоне деревни выглядел высокомерно и чопорно.

Там обитало уже другое поколение. Там не топили печи, и не пахло сырым деревом в сених. Там в бане запах хвои, мха, березы и дуба никогда не смешивался с паром. Этот запах много лет пропитывал стены и пол. Он тоже был частью истории. Там не было чердаков с заброшенными и затянутыми кружевной паутиной углами, где обязательно существо-

вали привидения и духи, где прятались сокровища, по разным причинам потерявшие своих владельцев. Дома еще долго хранили память обо всем этом. Но время безжалостно разрушало то, чем они жили, чему радовались, в чем находили смысл своего существования. Уходили люди, умирали дома, стиралась память.

– Вика, у меня появилась идея, – воскликнула Надя, завидев окраину деревни. Она вспомнила о своем обещании Марье Ивановне нанести визит, но за все это время так и не удосужилась. Наверное, сейчас самое время. Отвлечься будет полезно всем: ей, чтобы понять свое отношение к Фертовскому, а Вике, чтобы, наконец, разобраться в своих чувствах к Антону. – Давай зайдем в гости к одному очень хорошему человеку? – предложила Андреева. – Оказывается, здесь, в Беляниново живет знакомая моей сестры, Марья Ивановна – замечательная женщина.

– А как ты объяснишь ей мой синяк под глазом? – усмехнулась Виктория.

– Упал, потерял сознание, очнулся, синяк, – пошутила Надя, она порадовалась, что подруга больше не выглядит расстроенной и нервной.

– Хорошо, – согласилась та, – только, боюсь, нам не поверят.

Надя увидела Марию Ивановну первой. Та стояла возле калитки и поглядывала на часы, которые то и дело достава-

ла из кармана передника. Цветастый платок обнимал полные плечи. Жидкие седые волосы закручены в пучок, а выбившиеся пряди привлекательно кудрявились на лбу и висках.

– Добрый вечер, Марья Ивановна! – тепло поздоровалась Андреева. Женщина дернула головой, растянула сухие губы в улыбке. Через секунду, распахнув калитку, суетливо выскочила на дорогу. – Это Виктория, я упоминала о ней.

– Да, конечно, доброго здоровья, девочки! Зайдете ко мне в гости? – она всплеснула пухлыми руками и подмигнула. – Напою вас чудесным молоком. Вот только дождемся моих сорванцов-внуков? Обещали вернуться с речки еще час назад, я беспокоюсь. Насилу утерпели, когда кончится дождь, и тут же убежали купаться. А вот и они, – действительно, два подростка спешили домой, сверкая разбитыми асфальтной болезнью коленками, мокрые волосы ежиком. Один был немного постарше и более долговязый, на его лице уже обозначились прыщи. Лицо второго густо усеяли веснушки, на шее повязана черная бандана. Парни вежливо поздоровались, получили нагоняй от бабушки и убежали на грядки есть клубнику.

– Девочки, проходите в дом, – гостеприимно предложила хозяйка.

Дом был самым настоящим, деревенским. Большая веранда, залитая солнцем, здесь, на высокой тумбочке стояло ведро с крыничной водой и лежали стебли укропа для засолки огурцов. В углу старый сервант, возле двери – самодельная

обувница с полным ассортиментом: резиновые сапоги, галоши, старые выцветшие тапочки, две пары кроссовок, шлепанцы и одни туфли, вполне приличные.

Переступив высокий порог веранды, девушки оказались в столовой – довольно просторной, отделенной от кухни тростниковой занавеской. Между окнами вдоль стены диван, необычный такой, с высокой спинкой. И хотя выглядел он еще сносно, наверное, насчитывал лет сто. Надя почувствовала это, когда села, пружины громко заявили о себе. Хорошо, что они все-таки не выскакивали наружу.

Марья Ивановна разлила молоко в две белые кружки, Виктория поморщилась, она не любила молоко, но отказаться было неудобно, хозяйка проявляла такое радушие, что пришлось сделать несколько глотков. К своему удивлению Вика поняла, что молоко даже очень вкусное.

– Виктория, я дам тебе чудесную мазь, – сказала хозяйка дома после того, как молоко было выпито с видимым удовольствием. Двигалась она, несмотря на полноту, быстро и бесшумно. – Назавтра синяк под глазом исчезнет, будто его и не было.

Корецкая смутилась, она уже успела забыть о том, что Антон так украсил ее лицо. Марья Ивановна исчезла за дверью, ведущей в зал. Любопытная Виктория заглянула на кухню.

– Надь, здесь есть все: и плита, и холодильник, и даже печь – настоящая! – воскликнула она. Надежда улыбнулась.

– На ней не готовят, лишь подтапливают.

– Насилу нашла мазь, – появилась хозяйка и протянула Вике маленькую пластмассовую баночку. – Внуки все перевернули. И вот что еще: проснитесь завтра пораньше и умойтесь утренней росой, Аграфена Купальница даст вам красоту, – сказала Марья Ивановна, – а вечером приходите к реке, будет Ивана Купала. Ночью милости прошу в мою баньку, я завтра натоплю ее как следует. Наверное, и не вспомните, когда парились в настоящей деревенской бане?

Надя и Вика переглянулись. Вот здорово! Баня, Иван Купала! Просто сказка!

– Ишь, как глаза у обеих загорелись, – насмешливо заметила хозяйка.

Вбежали внуки, чумазые, шумные, схватили по сдобной булке и принялись уплетать. Как большинство подростков, ели они много и часто, требовал растущий организм. Его жернова перемалывали все и не давали жиру ни единой возможности отложиться.

– Ба, мы завтра будем прыгать через костер? – спросил веснушчатый. Его брат презрительно фыркнул.

– Лучше пойдем искать папоротник, – сказал он, – я уверен, мы его найдем.

– Ох, уж мне этот папоротник, – вздохнула бабушка, – рассказала им на свою голову, теперь третьи сутки бредят. Мечтают найти цветок папоротника. Глупенькие, это просто красивая легенда.

– Меня тоже в детстве волновала эта легенда, – вспомнила

Надя. Она слышала ее в летнем лагере, от девчонок. Они еще тогда собрались ночью убежать за территорию и отправиться в лес искать цветов. Но вожатые пресекли на корню попытку побега, кто-то донес.

– А я ничего не слышала об этой легенде, – призналась Виктория. Она заметила, что старший подросток с любопытством поглядывает на ее синяк, одернула юбку и показала парню язык.

– О, это замечательная легенда! Виктория, неужели ты ничего о ней не знаешь? Расскажу-ка я с самого начала. Может, еще по кружке молочка?

Глава 37

Марья Ивановна начала рассказ, Виктория и Надя заслушались.

«Кто не выйдет на Купальню, тот будет пень-колода, а кто пойдет на Купальню, тот будет бел-береза».

Купала – бог земных плодов, ему жертвовали перед сбором хлеба. Это день летнего солнцестояния. В половине июня полуденное солнце достигает высочайшей точки на небе и в таком положении остается некоторое время, которое и называется летним солнцестоянием. Затем, достигнув полного проявления своих творческих сил, оно поворачивается на зимний путь, потеряв свою царственную власть над природой, свою живоносную силу, и начинает все ниже и

ниже медленно спускаться по небесной горе; дни начинают убывать.

Вся природа, как бы предчувствуя свою близкую старость, спешит жить полной жизнью. Последний месяц кукует кукушка, последнюю чудную песнь поет своим звонким голосом соловей, и скоро, скоро и другие певчие птички притихнут. Купальская ночь – самая короткая – этой ночью никто не должен спать. Купалу праздновали на Украине, в Белоруссии, в Латвии – называется «Лиго» – самый древний праздник. В Москве издревле праздновали на трех горах, в Петербурге на Петровском острове на «Куллерберге». В десяти верстах от Петербурга, по рижской дороге, старая липа сплетала свои ветви с ветвями других деревьев, образуя как бы природную беседку, здесь не раз отдыхал Петр Великий. Разводили костры, где сжигали белого петуха. Однако все по порядку.

Разжигание огня – в ночь под Ивана Купала разводился большой костер из сучьев и соломы. Это главная особенность Купальской ночи, огонь считался очищающим. Вокруг него плясали и прыгали. «Огонь очищает от всякия скверны плоти и духа, – писал один из этнографов XIX века, – и на Ивана Купалу прыгает через него всякая русская деревенщина». Прыганье через огонь напоминает идею очищения, которую можно найти у греков и римлян в разных видах. Очищение водой и огнем употреблялось у татар при Батые. Еще раньше – у индусов. В некоторых местах через купальский

огонь прогоняли домашнюю скотину для защиты ее от мора. В Купальских кострах матери сжигали снятые с хворых детей сорочки, чтобы вместе с этим бельем сгорели и сами болезни. Молодежь, подростки, дети, напрыгавшись через костры, устраивали шумные веселые игры, потасовки, бег наперегонки. Обязательно играли в горелки. Удачный прыжок через огонь, если пламя не коснется прыгающего, и не будет искр, обозначал выход замуж или удачу.

Затем скатывали колесо – культ огня, молили о дожде – Русалии. Но самое интересное – купание, обливание. Да, Иванов день заполнен обрядами, связанными и с водой...

Надя с Викой переглянулись, а мальчишки поерзали, устроились удобнее, поджав ноги. Бабушку слушать – одно удовольствие, словно в сказку попадаешь. Конечно, они городские мальчишки, которые не могут без компьютеров, плееров и прочей современной техники. Интернет – это весь мир в его многообразии, это мгновенная связь, поиск любой информации, это электронная планета. Но пока ничего не заменит прикосновение теплых рук, ласковый взгляд, любимый с пеленок голос, который утешал в трудные моменты и сказки. Да, именно бабушкины сказки. Она такая мастерица. Недаром всю жизнь была историком. Она знает обо всем на свете...

Марья Ивановна, словно подслушав мысли внуков, лукаво улыбнулась:

– В Иванов день купаться – обычай всенародный, и толь-

ко в некоторых областях крестьяне считали такое купание опасным, так как в Иванов день именинником числится сам водяной, который терпеть не может, когда в его царство лезут люди, и мстит им тем, что топит всякого неосторожного. Ранним утром бабы «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «бурак», с которыми и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы «прогнать всякую болезнь, и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей». Роса служит не только для здоровья, но и для чистоты в доме; Купальской росой кропят кровати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы, – мальчишки при этих словах захихикали. Бабушка налила им еще молока в кружки. Продолжила рассказ:

– Один из довольно распространенных купальских обрядов – обливание водой всякого встречного и поперечного. «Деревенские парни, – писал орловский корреспондент в середине прошлого века, – одеваются в старое, грязное белье и отправляются с ведрами и кувшинами на речку, где наполняют их самую грязную, мутную водой, а то и просто жидкой грязью, и идут по деревне, обливая всех и каждого и делая исключение только для малолетних и стариков. Но всего охотнее обливают девушек: парни врываются даже в дома, вытаскивают и выносят девушек на улицу силой и здесь с ног до головы окатывают водой и грязью. В свою очередь девушки стараются отомстить парням и тоже бегут на реку

за водой. Кончается дело тем, что молодежь, перепачканная, мокрая, в прилипшей к телу одежде, гурьбой устремляется на речку и здесь, выбрав укромное местечко, подальше от строгих глаз старших, купается вместе, причем, разумеется, парни и девушки остаются в одеждах».

В обрядах и играх весенне-летнего цикла венки служили обязательным головным украшением девушек. Так, в восточнославянском обряде «проводов русалки» для ряженой «русалки» плели специальный венок с добавлением крапивы или делали много венков, надевая их ряженой на голову, шею, руки, всю увешивая венками. Последующее уничтожение этих венков (в воду, костер или даже кладбище) символизировало акт изгнания «русалки», – Марья Ивановна сделала паузу, затем посмотрела на Надю, перевела взгляд на Вику.

– В этот день проходил массовый сбор трав. В зачарованную Купальскую ночь деревья переходят с места на место и разговаривают друг с другом посредством шелеста листьев; беседуют между собой животные и травы, которые наполняются особой чудодейственной силой. Все земное зелиё-былиё получает сверхъестественную мощь: и злую, и добрую. Ночные травы цветут Огнем: черная папороть, царе-царь, лев, голубь и другие. Иной пылает неподвижным, сильным пламенем, иной, как молния, летучий, призрачный огонь. «Трава-лев, – сказано об одной из них в древнейшем из «Залейников», – растет невелика, а видом как лев кажется. В

день ее и не заметишь, сияет она по ночам. На ней два цвета, один желтый, а другой ночью как свеча горит. Около нее поблизости травы нет, а которая и есть, и та преклонилась перед ней». А вот что говорится о дивной траве киноворот: «Хотя какая буря, она кланяется на восток всеми стволами, то же, если и ветру нет». Собранные травы и цветы кладут под Иванову росу. Высушивают и сберегают. Ими окуривают больных, борются с нечистью, бросают в затопленную печь во время грозы, употребляют их для «отсушки» или разжигания любви...

При этих словах Марья Ивановна с серванта достала большую потрепанную книгу, ласково погладила ее по корешку.

– Вот, досталось мне от бабушки-травницы. Уникальная книга, должна вам сказать, здесь описаны все травы, их свойства, а главное, рецепты к ним. Просто сказочные, скажу, сборы. Есть и приворотные, уж не знаю, насколько они и правда помогают, только шутки с этим плохи. Но я изучаю это как историк. А вот попади книга к несведущему человеку – может натворить такого! – она полистала книгу, страницы переворачивались тяжело, неохотно, словно сопротивлялись. – Туда, где особо интересные сведения о травах, я вложила закладки. Приворотные, к примеру, у меня заложены красным, так как уж больно они опасны.

Виктория почувствовала, как при этих словах гулко забилось ее сердце. Ох, не зря они с Надей зашли в дом к Марье Ивановне, не зря заговорили про Купальскую ночь...

– Девушки завивают венки из трав: Иван-да-марья, лопух, Богородицкая трава, медвежье ухо. Вечером пускают венки на воду, если потонет – суженый разлюбил. Из чудесных трав стоит назвать еще и «плакун-траву», особенная сила которой, по мнению крестьян, заключена в ее корне, имеющем свойство прогонять злого духа, владелец корня будет внушать к себе страх. «Терлич-траву» употребляют для очарования парней: девушки носят ее у себя за пазухой и приговаривают: «Терлич, терлич, хлопцев покличь!» Трава чернобыльник, по народному поверью, противна ведьмам и охраняет от них дома и двор. Ее же заплетают в плети и кладут под Иванову росу с приговором: «Мать-земля, отец-небо, дайте рабам вашим от этой травы здоровья!» Трава «зяблица» помогает от ребячьего крика и от бессонницы; высушенным «расперстыицем» присыпают больные места на теле – порезы, нарывы, опухоли. «Пастушью сумку» издавна заготавливали как хорошее кровоостанавливающее средство; страдающие ревматизмом собирали жгучую крапиву. Для лечения ран и ожогов запасались заячьей капустой; простуда и кашель – мать-и-мачеха, душица, багульник.

Одиноким девушкам тоже есть чем заняться. Несчастливым в любви, дабы приворожить избранника, рекомендуется в полночь трижды обежать вокруг ржаного поля. Желательно обнаженной. Пока голая красавица носится кругами, возлюбленный будет видеть ее во сне, а на утро поймет, что она и есть та единственная и неповторимая, которую он искал

всю жизнь.

Виктория и Надежда опять переглянулись.

– Ну, Вике это точно не понадобится, – улыбнулась Надя, – в нее влюбляются и без приворотов. Она у нас везучая.

Марья Ивановна внимательно посмотрела на Корецкую, посмотрела так, что та смутилась. Словно мысли ее прочитала, словно коснулась сердца, которое страдало, мучилось и не находило утешения.

– Везение переменчиво, – наконец сказала Марья Ивановна, – вольная птица, не знающая преград, зыбкий песок, убегающий сквозь пальцы, глаза с пушистыми ресницами, которые смотрят на другую...

Корецкая покраснела, отвернулась, Надя озадаченно почесала в затылке. Марья Ивановна иногда любила говорить загадками, Надежда помнила это еще с детства. Да, тогда старшая сестра брала ее с собой в гости. Маленькая застенчивая Надя тихо сидела на стульчике, однозначно отвечала на вопросы, но очень хотела принимать участие в играх взрослых. Но ее не брали. Лиза и Таня готовили себя в невесты. Младшая сестра Тани Сима, возложенные на нее обязанности присматривать за Надей, не исполняла. Ей хотелось гулять во дворе, лазить по садам, воевать с мальчишками. Марья Ивановна часто была в разъездах, но уж если Наде везло, и она заставала ее дома, с упоением слушала истории – длинные, порой непонятные, но удивительно яркие, выразительные, будящие детское воображение, которое у Нади

было и так богатым.

Глава 38

Николай подошел к дому: калитка настежь, а дверь заперта. Фертовский принялся мерить двор шагами. Когда надоело, сел на крыльцо, стал рассматривать фотографии, которые принес с собой.

Да, они были, пожалуй, лучшими из всего, что он сделал за последнее время. И дело, конечно, не только в его профессиональном умении увидеть всю прелесть, все своеобразие, самобытность и красоту предметов, явлений, людей. У Нади было необычное лицо, нестандартное. Николай догадывался, что за фасадом ее робости скрывается живость, эмоциональность, способность испытывать настоящие чувства. Многим женщинам, которых он встречал, не хватало естественности, искренности, он ненавидел фальшь, как человек и как профессионал. Ненавидел и порой прямо и жестко заявлял об этом, и ему было безразлично, что думают о нем другие. Разве что-то должно было измениться с появлением Нади? Ни в коем случае! Такие как Антон или Никита способны изменить себе ради женщины, и они при этом считают себя счастливыми...

Николай опять вернулся к снимкам. Вот здесь Надя в профиль. Фертовский понял, что ему хочется смотреть на этот профиль, который безупречным и не назовешь. Не назовешь

и не надо. Совершенство в несовершенстве. Да, она абсолютно не тянет на безупречных и складных современных девиц, с которыми ему приходилось сталкиваться, выполняя свои профессиональные обязанности. Они, в первую очередь, старались понравиться, заученно улыбались, отрепетировано двигались. Наверное, этого требовали условия отбора для кастингов, ролей, съемок. Но, оказалось, что и за камерой они продолжали в том же духе. Словно заигрались и уже не могли остановиться. Надя была другой, он заметил это сразу.

Встреча в лесу только подтвердила его предположения. Николай видел ее неловкость, смущение, попав в капкан пня, она явно жаждала остаться одна, но Фертовский не мог уйти, не хотел. Проявив благородство, он помог Наде освободиться, тем самым ввел ее в еще большее смущение. Все это ему показалось забавным и даже трогательным, и совсем разве селило ее бегство. Он долго смотрел на удаляющуюся спину и волосы, которые развевались на ветру.

Потом дом Вадима, спор, где Надя одержала победу. Первая женщина, которая одержала над ним победу. И это его задело не на шутку, сам того не ожидая, он разозлился и наговорил Вадиму Бог весть что о Надежде. Услышав мнение брата, он понял, что Вадим тоже равнодушен к Наде. Да, брат подтвердил догадку на вечеринке в своем доме, признавшись, что ему нравится Надя, очень нравится. Николаю в этот момент показалось, что земля загорелась под ногами.

Вадим мог стать соперником? Фертовского захлестнула настоящая ревность, но он и виду не подал. Решил, что все-таки убедит себя и забудет девушку по имени Надежда.

Николай опять закурил. Часы показывали без четверти десять. Сколько он готов ждать?

Через секунду услышал, как в доме звонит телефон, громко, требовательно. Пять, десять звонков, человек решил, во что бы то ни стало дозвониться. А если это срочно?

Фертовский вышел на дорогу – ни души, где-то вдалеке слышался шум автомобиля, потом затих. Как и затих телефон в доме Вадима. Где же Надежда и Виктория?

Николай в нерешительности еще покрутился возле калитки, потом все-таки закрыл ее. Из кустов выскочил рыжий кот, остановился на середине дороги, беззвучно мяукнул и принялся лизаться, высоко задрав заднюю лапу. Услышав громкий сигнал мобильного телефона, который находился в кармане джинсов Фертовского, кот на секунду оторвался от своего занятия, возмущенно глянул на человека и отвернулся, занявшись чисткой манишки.

– Ба, так что же там про папоротник? – младший внук от нетерпения раскачивался на стуле, рискуя опрокинуть его вместе с собой.

– Да, конечно, главным героем растительного мира становится папоротник, с которым повсеместно связывались предания о кладах. С цветком папоротника, раскрывающимся

всего на несколько мгновений в полночь, можно видеть все клады, как бы глубоко в земле они не находились. Правда, достать такой цветок едва ли не труднее, чем сам клад. По рассказам, около полуночи из широких листьев папоротника «внезапно появляется почка, которая, поднимаясь все выше и выше, то заколышется, то остановится – и вдруг зашатается, перевернется и запрыгает. Ровно в двенадцать часов ночи созревшая почка разрывается с треском, и взорам представляется ярко-огненный цветок, столь яркий, что на него невозможно смотреть; невидимая рука срывает его, а человеку никогда почти не удается сделать это. Во время цветения папоротника слышно будто бы голос и щебетание нечистой силы, не желающей допустить человека до чудного, редкого цветка, имеющего драгоценные свойства». Кто отыщет расцветший папоротник и сумеет овладеть им, тот «приобретает власть повелевать всем. Пред ним бессильны будут мощные правители, и нечистые духи будут в его полном распоряжении; он может знать, где скрыты клады; во всякую сокровищницу, какими бы замками она ни была заперта, он войдет как хозяин, ибо двери сами растворяются перед ним – стоит только приложить к замку чудесный цветок. Невидимкою обладатель его пробирается к любой красавице – и нет ничего, что было бы невозможно для него. Но, сорвав цветок, надо бежать домой без оглядки, чтобы ни кричали сзади бесы. Такова сила и власть этого цветка». И помните: земные богатства, которые он открывает, еще никого до добра не

доводили. Ведь здесь замешана нечистая сила. Да, да, в эту ночь ведьмы тоже справляют свой праздник. Они собираются на Лысой горе в Киеве и празднуют там свою ночь. У них хранится вода, вскипяченная с пеплом Купальского костра, и на Иванову ночь, обрызгав себя этой водой, ведьма может лететь, куда ей вздумается. Колдуны отбирают у коров молоко, портят хлеба, водяные стремятся утащить человека под воду, леший пугает вошедших в лес, заводит их в чащобу. В этот день слепая змея медянка получает зрение на целые сутки и потому в это время делается очень опасною: бросаясь на человека, как стрела, может пробить его насквозь.

Младший внук Марьи Ивановны все-таки упал со стула, в воздухе мелькнули голые худощавые ноги. Послышалось распространенное «блин!», которое бабушка терпеть не могла. Парень самостоятельно поднялся с пола, потер ушибленный бок.

– На тебя уже начала действовать нечистая сила, – серьезно заметил брат.

– Может быть, – Марья Ивановна спрятала улыбку, – надеюсь, после этого и после всех моих рассказов вы раздумаете идти в лес за папоротником, – сказала она.

Мальчишки переглянулись.

– Мы будем с краю, далеко не пойдем, – старшему, напротив, еще больше захотелось отправиться в лес искать Иванов цвет. Рассказы бабушки только раззадорили его, кроме того, он считал себя уже взрослым, и не верил ни в какую нечи-

стую силу, летающих ведьм, леших и водяных. Сказки все это, не более.

– Там будет много народу, будут костры, песни, – добавил он, – мы же не одни.

Бабушка покачала головой.

– Пойдете на праздник, если пообещаете мне не ходить в лес, – сказала она, оба заметно приуныли, – вместо этого у вас будет возможность загадать любое желание, если сумеете перелезть через двенадцать огородов. Вполне безобидное занятие, учитывая, что все деревенские будут на празднике.

Глава 39

Надя и Вика вернулись домой поздно вечером, они решили еще пройтись до реки. Долго стояли на берегу, слушали говорливый поток воды, проворно исчезающий за поворотом, неустанный стрекот и щелканье в высокой траве. Возле дороги кто-то высадил несколько молоденьких ёлочек, их нежно-зеленые иголки были по-детски мягкими. Здесь же притаились стебли низкорослой травы с фиолетовыми цветками, Надя сорвала цветок, растерла его в руках. Запах был замечательный.

– Что это? – удивилась Виктория. В лесных растениях она ровным счетом ничего не смыслила.

– Чабрец, – пояснила Надя, – очень полезная трава, можно сказать, чудодейственная без всякого Иванова дня.

– Да, кстати, – глаза Вики загорелись, – мы обязательно должны пойти на Купалу.

– Искать папоротник? – засмеялась Надя. – Бегать в неглиже по ржаному полю?

– Но ты же хочешь быть счастливой в любви?

Надежда промолчала, посмотрела вдаль. Солнце потихоньку уходило за горизонт, огромный оранжево-розовый диск плыл в томном вечернем воздухе. Ветра совсем не было, у тропинки, пересекающей поле, желтел зверобой. О нем много рассказывал Вадим.

– Ты хочешь найти того единственного, о котором мечтала всю свою жизнь? – не отставала Вика.

– Кажется, я его нашла, – наконец тихо сказала Надя. Понимание этого пришло неожиданно, будто озарило её. Много сразу стало ясным, и в душе разлился благодатный елей, он проник в сознание, коснулся сердца. Оно отозвалось первым. Надя скучала по Вадиму.

– Неужели ты все еще думаешь о Мишеньке? – фыркнула Виктория, она не заметила рядом с собой притаившегося маленького лягушонка, двинула ногой. Лягушонок ошарашено отпрыгнул в сторону, напугав ее до полусмерти.

– Миша? – переспросила Надя и весело побежала за лягушонком, обнаружила в траве огромную улитку. Та флегматично сидела на пыльном листе, коричневый с продольными серыми полосами серпантинный домик съехал на бок, улитка медленно двигала рожками, словно настраивала антенны.

– Так Миша или нет? – крикнула Виктория, она нюхала чабрец и наслаждалась. На душе было спокойно и умиротворенно, так происходило, когда она находила единственно верное решение. Виктория теперь точно знала, как ей поступить, что предпринять, добиваясь своего. Она одержит победу, почему-то сейчас была в этом уверена как никогда. Есть несколько «но», однако при безупречной стратегии они не помеха. А Купальская ночь станет орудием.

– Я думаю, ты скоро узнаешь, – загадочно отозвалась Надя. Она вышла на большую дорогу – пора возвращаться домой, темнеет.

– Ты – тоже, – Виктория догнала подругу. Надя рассеянно кивнула.

К дому подошли, когда совсем стемнело. В окнах свет не горел, значит, Вадим не вернулся, Виктория облегченно вздохнула, еще не время.

– Надюша, мы забыли о Фертовском! – воскликнула Вика, заметив на крыльце несколько окурков. Вероятно, он ждал, нервничал, ведь обещал принести снимки.

– А что? – Андреева удивилась, она только сейчас вспомнила, что согласилась на его вечерний визит.

– Твои фотографии! – возмутилась Вика. – Он должен занести их. Видишь, приходил, ждал, наверняка переживал.

– Переживал? – усмехнулась Надя. – Если это так, я искренне рада, – она выглядела довольной, глаза блестели,

улыбка лукавая.

– Ты хочешь сказать, что тебе нравится заставлять страдать Николая? Как ты жестока, оказывается! – Виктория включила свет на кухне, где-то здесь был сыр и булочки, есть хотелось нестерпимо, умственные затраты требовали компенсации. Впереди главная битва. – Он так старался, вложил все свое мастерство. Ты безусловно красива.

– Ерунда! – отмахнулась Надя. – Я никогда не была безупречной, и тем более, безупречно красивой, и, слава Богу! Это слишком тяжелый груз и мне совершенно не хочется его носить. А снимки всего лишь снимки, да, было забавно и весело, любопытно, что получится из этого эксперимента. Получилось, но не более. Не стоит обольщаться.

– Неужели? – Виктория высунулась из-за холодильника. – Прости, но мне не верится, что ты равнодушна к своей славе. А влюбить в себя, такого как Николай – просто высший пилотаж!

Надя засмеялась, Виктория всегда отличалась неумемной фантазией.

– Мне кажется, ты была бы с ним счастлива, – добавила где-то из холодильника. Надежда перестала смеяться, если подруга не шутит, то... Нет, этого просто не может быть! Только не Фертовский!

– Ты так и не сказала мне, кто же тот принц, о котором ты мечтаешь?

– Я пошла в душ, – крикнула Надя уже с лестницы. Поче-

му-то больше не хотелось обсуждать эту тему.

Насытившись, Виктория покинула кухню, в нерешительности остановилась в холле перед дверью комнаты Вадима. Да, за прошедшие сутки без него дом будто осиротел, неслышно его низкого, чуть с хрипотцой, голоса, быстрых шагов, походки тяжелой, мужской. У него привычка взъерошивать свои короткие волосы, смотреть, не мигая, словно рентгеном просвечивая. В следующий момент изумлять собеседника улыбкой, которая кардинально меняет лицо. Вадим сдержан и серьезен, не так как Николай, но общее у них, несомненно, есть. Оба опасаются быть уязвимыми и ранимыми, боятся обнажить свое внутреннее смятение, прикрываясь маской холодности, дерзости и резких выпадов. Однако, как правило, такие мужчины способны на самую безумную страсть, скрывая внутри настоящий огонь. Виктория жаждала этого огня. Готова была броситься в него как в омут с головой, ни о чем не думая, не сомневаясь и ни секунды не сожалея.

Она толкнула дверь, бесшумно вошла в комнату Вадима, где никогда не была. Вот она – обитель того, о ком Вика мечтала последние дни, кого видела в своих снах и грезях.

Комната Вадима очаровывала мягкими цветами и плавными линиями в стиле модерн, на любой мелочи с удовольствием останавливался глаз. Кровать на своеобразном подиуме, неподалеку от нее шкаф, дополненный угловыми сек-

циями и торцевыми элементами в виде плетеных стеллажей. Одним из торцов он вплотную примыкал к кровати тумбочке: так не терялся ни сантиметр площади, под рукой всегда открытые полки. Свет от лампочек, расположенных на козырьке шкафа, наполнял комнату уютом и таинственностью. Мягкий свет светильника лился на книгу, которая лежала открытой, Вадим забыл о ней. Напротив кровати находился замечательный комод, ламинированный под светлый бук, верхний ящик украшен вставками из матового стекла. Да, Виктория знала, что комоды нынче опять вошли в моду. Она покрутилась по комнате, взяв книгу в руки. Уильям Фолкнер «Шум и ярость» – совершенно незнакомый автор. Что ж, придется осваивать, повышать интеллект, расти до Вадима. Он ни в коем случае не должен считать ее глупой и поверхностной.

Корецкая услышала телефонный звонок и пулей выскочила в холл, нервно рванула в гостиную. Нет, это звонок мобильного! Вика опять побежала в холл и заметила сумку Нади. Подруга все еще была в душе, это надолго. Вика схватила трубку.

– Да! – она буквально задохнулась от нахлынувших чувств.

– Наденька, душа моя! Наконец-то я дозвонился! – у Корецкой подкосились ноги. – Я больше не мог ждать, – голос был взволнованным, периодически отдалялся, вероятно, терялась связь. – Мне так много надо тебе сказать, – продол-

жил он после некоторой паузы, нисколько не смущаясь, что на том конце провода молчат. Это и к лучшему, он не собьется.

– Я жалею, что не смог с тобой поговорить, виной всему моя нерешительность. Я обжегся и поэтому стал слишком осторожным. Но с тобой все иначе, я знаю, я уверен в своих чувствах. И подтверждением тому является то, что я ощутил в разлуке. Да, мы не виделись сутки, но, Боже мой! Я пережил целую вечность, вечность без тебя, Наденька!

Виктория закрыла рукой трубку, боясь, что ее выдаст неровное дыхание.

– Я понимаю, что по телефону не объясняются. Но как, скажи, как мне набраться терпения, когда чувства так охватили меня?! Я хотел сказать тебе, что...

Глава 40

Лиза перешагнула порог дома, облегченно вздохнула. Нет, все-таки возвращаться домой милое дело. Даже если здесь опять будут толпиться друзья детей, шумные компании, будет невероятно быстро опустошаться холодильник. Заняты все комнаты, в том числе и уборная. Дом есть дом, очаг, созданный своими руками, вложены не только средства, но и душа.

Лизу встретил сын, подъехал на новенькой «девятке», важный такой, стал заводить авто – два раза заглох. Ничего,

научится, будет ездить не хуже других.

Лиза вошла в гостиную. Ну, конечно, супруг лежал на диване и раскатисто храпел. Встречать ее не поехал, сослался на усталость. Вот и говори о мужском внимании.

– Боря, – громко позвала Лиза, – хватит храпеть, сделай паузу.

Он резко проснулся, сел, вытаращив глаза.

– А, Лизутка! – он так всегда ее называл. Еще с молодости. Познакомились они на работе, молодые, задорные, жадные до жизни, чувств, приключений. Боря был симпатичным: стройный, волосы вьющиеся, лицо круглое, гладкое, улыбка – зубы ровные. Умел нравиться, манеры галантные, говорил умно, на все имел свое мнение и мог его отстоять. Не пил, не курил, увлекался модным тогда настольным теннисом, что еще надо? Лиза практично рассудила, что он подходит ей в мужья. Встречались они недолго, к Боре приехала его бывшая любовь Ада. Яркая, высокая блондинка, капризная, своенравная. Сама она была студенткой престижного вуза, жила в столице на съемной квартире. Выросла в весьма обеспеченной семье в небольшом городке. Боря никак не вписывался в ее круг, мальчик-лимитчик из Ставрополя, без богатых родителей, без квартиры. Перспективы на будущее, конечно, были, но родители Адочки для любимого чада хотели все и сразу. Путем искусного плетения интриг они разлучили Аду и Борю. Через пару месяцев Ада поняла, что влюбилась по самые уши. И не может жить без Бори. Она

поссорилась с маменькой, уехала из дому и явилась пред ясные очи своего бывшего возлюбленного. Боря был польщен, он, молча, исчез из жизни Елизаветы, которая посчитала ниже своего достоинства выяснять отношения и уж, тем более, вынуждать оправдываться.

Боря некоторое время пожил с Адочкой в съемной квартире и понял, что совершил ужасную ошибку. Он скучал по Лизе, все больше думал о ней и жаждал вернуться.

Лиза отказала, ушла на свидание с другим, несколько раз проигнорировала извинения, не принимала огромные букеты цветов и заверения в вечной любви. И все-таки сдалась.

Свадьба была скромной, отец Лизы умер несколько лет назад, мать она потеряла еще подростком, у мачехи на руках росла маленькая Надюшка, зарплаты хватало лишь на еду, ни о чем другом и помыслить нельзя. И все-таки Лиза достала роскошное белое платье из гипюра и счастливо улыбалась на черно-белых фотографиях.

Потом начались будни: одни из них были незатейливые и скучные, другие – проблемные и полные отчаянья. День за днем, год за годом, что-то менялось, а что-то оставалось прежним.

Лиза посмотрела на мужа: догадается ли он о том, что с ней произошло в командировке? Почувствует ли перемены?

– Как ты съездила? – Боря прошел на кухню, налил себе кефиру, громко хлебнул, оставив белые усы над верхней губой.

– Все нормально, – Лиза не знала, как себя вести. Вот сейчас Боря посмотрит на нее внимательно и догадается.

Она никогда не изменяла мужу, никогда! И теперь мучилась угрызениями совести, которая была готова вопить и осуждать свою хозяйку.

– Лизутка, ты есть хочешь? – рассеянно спросил супруг, он сел за кухонный стол и включил телевизор. Теперь будет сидеть до упора и смотреть все подряд. Лиза впервые обрадовалась тому, что Боря намертво прилип к «ящику». Все как обычно, все как всегда, по крайней мере, внешне. И лицо у нее такое же, как до поездки. А в душе? Душу-то не видно!

– Я привезла фрукты, орехи, мед и бальзам, – сказала Лиза, когда сын Артем принес из машины ее сумки. Боря заметно оживился, даже забыл про свой телевизор. Поесть супруг любил, став настоящим рабом поглощаемой еды.

Лиза расслабилась, можно забыть о своих страхах, можно жить дальше, глупый и пустой адюльтер позади, надо закрыть эту дверь.

Боря разрезал маленькую сочную дыню, сладкую, словно нектар, и принялся нахваливать жену. Какая же она у него все-таки умница! Она всегда умеет выбрать лучшее.

Лиза с приятным чувством вошла в свой кабинет, еще в коридоре заманчиво пахло кофе, подруга Тосечка знала, что Елизавета сегодня выходит на работу. Она открыла кабинет ключом, оставленным за косяком, заварила кофе и жда-

ла Лизу. На окне буйно цвели всевозможных оттенков фиалки: чернильные, нежно-розовые, белые с фиолетовой каймой, розовые. Лиза любила фиалки, разводила всю жизнь их и тепло заботилась.

– Доброе утро, Тося! – она поздоровалась, поблагодарила, сев с чашкой кофе к окну, за которым по влажной от полива дороге неслись грузовики, вслед за ними привычно громыхали автокары. Через полчаса Лиза спустилась в лабораторию и решительно взялась за дело, накопилось множество вопросов, которые она должна решить, взять на себя ответственность. Ну, уж это она умела! Старалась выйти с достоинством и минимальными потерями из сложных и щекотливых ситуаций. Тонко чувствовала случаи, когда необходимо промолчать или кокетливо признаться в недоработке, но твердом обещании все исправить.

Так будет и с Иваном, Лиза уехала и поставила точку в этих странных отношениях, нелепом и коротком романе. Она просто проявила слабость, уступила, но здесь, в Москве, все иначе. И Иван это осознает, Лиза дала ему понять, что никаких глубоких чувств у нее нет, не возникло привязанности и желания развивать что-то дальше. Хотя, нельзя ни признать, что Иван в любви искусен. Это для Лизы оказалось новым и вызывало далеко неоднозначные эмоции. Кроме того, он умел целоваться, пожалуй, лучше всех. Овладел этим искусством практически в совершенстве, доводил Лизу поцелуями до изнеможения, целовал и раздевал. Сначала

Лиза страшно стеснялась своей фигуры, не девочка же! Да и лишний вес проглядывал на животе и ногах. Правда, без целлюлита и выступающих вен. Лиза осознавала, что даже красивое белье не сделает из нее фотомоделю. И она сказала об этом Ивану, он лишь улыбнулся. Ему было все равно, он умел получать удовольствие с самыми разными типами женщин. Более того, ему это нравилось, вносило разнообразие в ощущения, усиливало азарт.

Спустя несколько дней после приезда Лизе уже стало казаться, что происшедшее с ней в командировке – далекий сон, который все больше растворяется в ее настоящей жизни, и вот-вот исчезнет даже из памяти. Она искренне порадовалась, что сумела выбраться из всего этого, сумела не потерять голову, хотя в какой-то момент была близка к этому. Ее поразила, брошенная Иваном в горячке фраза: «Давно я не встречал такого сопротивления!» Он был бушующим вулканом, который распался все больше и больше, пока его лава не находила выход.

Хорошо, что память обладает свойством притуплять даже самые сильные чувства, стирать эмоции и забывать. В некоторых случаях это единственное средство спасения.

Лиза подписала документ, задумчиво посмотрела в окно, утром поссорилась с мужем из-за крана. Вода на кухне текла уже больше двух месяцев, еще до командировки, а Боря лишь обещал. Сегодня он обиделся на очередное упоминание и справедливый упрек, сказал, что никто его не лю-

бит в этом доме, и продолжал завтракать. Кран по-прежнему громко капал, отбивая ритм о нержавеющую мойку. Как там: «Лодка любви разбилась о берег быта?»»

– Елизавета Васильевна, Вас по телефону разыскивает какой-то мужчина, – диспетчер Ирина догнала ее в коридоре, бежала, даже запыхалась. – Он звонил и к Вам в кабинет и к экономисту, и к начальнику.

– Кто это? Он не представился? – Лиза не на шутку испугалась. Наверное, что-то дома случилось. Но кто мог настойчиво разыскивать? На Борю это совсем не похоже. Может, Артем? Сын тоже не имел привычки ей звонить на работу, да еще по внутреннему телефону!

Лиза торопливо вошла в свой кабинет, услышала телефонный звонок.

– Алло! – сердце защемило в тревожном предчувствии.

– Я думал, что никогда не найду тебя, – ответил взволнованный голос. – Почему ты не позвонила? Я ждал, очень, очень беспокоился о том, как ты доехала.

Лиза в изумлении опустилась на стул. Молчала, не в силах что-либо сказать.

– Я завтра возвращаюсь в Москву! – сообщил он, ожидая услышать в ее голосе радость. – Я так соскучился, Лизонька! Мы обязательно должны встретиться.

– Надюша, алло! Я тебя не слышу! – Вадим кричал в трубку, ходил по коридору огромной квартиры, отец недавно уснул. – Леший возьми эту связь!

Корецкая молчала. В голове пронеслись тысячи мыслей, будто шквал прошел. Худшие опасения сбылись, Вадим влюблен и признался. Что же делать? Бороться до конца? Прости, подруга, но в любви как на войне – все средства хороши. Я, в отличие от тебя, точно знаю, что не могу жить без этого мужчины!

– Надя...

– Это не Надя, – Виктория на секунду закрыла глаза, сделала глубокий вдох, откинула назад огненные волосы.

Вадим растерялся, сглотнул комок в горле, почему-то стало страшно, он совсем не ожидал, что трубку возьмет Вика. Получается, что все это время он распинался именно перед ней.

– Э...Виктория, я... мне бы хотелось поговорить с Надей, – наконец, он подобрал нужные слова. Не надо было звонить, не стоило торопиться, приехал бы и все сказал, наедине, глядя в глаза.

Корецкая оглянулась, посмотрела на лестницу. Тишина и безмолвие. Надежда принимала душ и, по всей видимости, не торопилась, звонка не слышала. На всякий случай Вика прошла в комнату Вадима, плотно закрыв за собой дверь. Корецкая вдруг поняла, что судьба дает ей шанс, все будет

зависеть от того, что она скажет Вадиму. Вика сбросила бо-
соножки, картинно легла на его кровать.

– А Нади нет дома, – с сочувствием сообщила интриганка.

– Нет дома? – упавшим голосом переспросил Вадим. – А где она?

– Ты, действительно, хочешь знать, где она? – Вика перевернулась на спину.

– Да, хочу, выкладывай! С Надей все в порядке? Где она?

– Она в полном порядке, – уверенно выдала Виктория и погладила мягкое покрывало, – более того, она счастлива, как никогда.

– Счастлива? – опять переспросил Вадим, он то и дело переспрашивал, словно был глухим.

– Надюша ушла на свидание с Николаем Фертовским – твоим братом, – Вика улыбнулась. А поскольку Вадим молчал, она продолжала, – кажется, между ними произошло объяснение. Сегодня весь день в доме были съемки, Николай много времени уделял Наде, даже фотографировал её. Между прочим, снимки получились великолепными, так может снимать только влюбленный мужчина.

– Виктория, ты лжешь! – повысил голос Вадим. Было чувство, что земля уходит из-под ног. Брат Николай с девушкой, которая ему – Вадиму – дорогà! Вадим ведь именно ему признался, что испытывает к Наде чувства, и намерен встретиться с ней.

– Я лгу? – возмутилась Корецкая, даже встала с кровати. –

Надя сама мне сказала, что нашла того, о ком мечтала всю жизнь. А вечером появился Фертовский, они долго шептались у калитки, может, целовались, я не следила. Потом Надюша сказала, что пойдет с Николая, вернется поздно. Знаешь, она выглядела счастливой.

Чувство Виктории, что она все больше владеет ситуацией, росло и укреплялось. Вадим впервые был растерян, смущен, взволнован, в таком положении человека гораздо легче убедить даже во всякой нелепице. Вика была умна по-житейски.

Вадим застонал.

– Этого не может быть!

– Почему? – искренне удивилась Виктория, в какой-то момент ей стало даже жаль Вадима. Он чувствовал настоящее отчаяние, горечь своего поражения. Вадим опоздал...

Это отчаяние сближало Викторию с ним, она буквально кожей ощущала его эмоции, и не важно, что не видела лица.

– Николая давно нравится Надюша, я заметила это еще там, на вечеринке в коттеджном поселке, он глаз с нее не сводил. А вспомни, как он себя вел в твоём доме? Буквально пожирал ее глазами! Пригласил танцевать, между прочим, опередив тебя, и Надя вовсе не возражала. Они кружились в танце, тепло прижимаясь друг к другу, смотрели в глаза. Я тогда подумала, что они – прекрасная пара и буквально созданы, чтобы быть вместе.

Виктория подошла к двери, в коридоре по-прежнему тишина.

– Но брат говорил мне, что Надя абсолютно не в его вкусе, – вяло возразил Вадим, осознавая, что аргументы Виктории звучат убедительно. Да, Николай нещадно критиковал Надю, злословил в ее адрес, даже вступил с ней в словесную пикировку. Но не являлось ли это прикрытием его настоящих чувств? Он всегда был замкнут и скрытен, не терпел зависимости и привязанности, однако и он мог влюбиться по-настоящему. Влюбиться и вызвать ответное чувство или, по крайней мере, иметь шанс добиться расположения Нади. Вадим с печалью вспомнил, как она сбежала от его поцелуя, сорвалась, словно испуганная птица. Конечно, она не желала его обидеть отказом, просто использовала появившуюся возможность исчезнуть. А потом Надя уехала в город, вернулась изменившаяся, блистательная, уверенная в себе. Но и здесь она не спешила к Вадиму, он так и не дождался ее на крыльце. И что теперь? Прошли сутки и все изменилось.

– Говорить Николаю мог, что угодно, – заявила Вика, чувствуя, что Вадим ей верит. – В мужчине главное не слова, а поступки. Вся истина в том, что сейчас твой брат и Надюша отправились на романтическое свидание.

– Я должен поговорить с ней! – выпалил Вадим.

– Не думаю, что это поможет, – Виктория вернулась на его кровать, – хотя, ты прав. Конечно, лучше все выяснить до конца. Возвращайся в Беяниново. Кстати, как твой отец? Ему лучше?

– Разве Антон ничего не рассказывал? – удивился Ва-

дим. – Он должен был вернуться.

– Нет, Антон не приезжал, – натурально удивилась Корецкая. – Я думала, что он с тобой.

– Он уехал на рассвете, – у Вадима почему-то засосало пол ложечкой. – Телефон у него отключен.

– Может, срочные дела? – беззаботно предположила Виктория. Ей было все равно, Антон вычеркнут из жизни. – Аккумулятор телефона разрядился.

– Вероятно, – пробормотал Вадим. – Отцу уже лучше, мама просто запаниковала. Завтра приедет с симпозиума близкий друг отца, он врач. Я дожусь Льва Евгеньевича и вернусь в Беляниново.

– Ты прав, конечно, дожись врача и возвращайся. Все-таки надо поговорить с Надюшей. Может, не все так и плохо? Может, она и не влюблена в Фертовского?

При этих словах Вадим чуть не заскулил.

– Хотя Надя не ветреница и если уж решила... В общем, приезжай! Я подготовлю Надю и сделаю так, чтобы она была дома. Только перед этим позвони мне.

– Спасибо, Вика! Я позвоню, – с чувством сказал Вадим. Виктория улыбнулась, стерла входящий звонок и вернула телефон на место.

Через несколько минут Надя спустилась по лестнице, ей и в голову не могло прийти то, что сейчас прокрутила Виктория. А ведь все очень просто и незатейливо: женская дружба заканчивается там, где появляется мужчина.

Вика суетилась на кухне.

– Я завариваю тебе чай, – сообщила Корецкая и принялась фальшиво насвистывать какую-то мелодию.

– Какая ты заботливая! – Надя чмокнула ее в щеку, неуклюже уселась на высокий стул, запахнула белый махровый халат, настоящий медвежонок. Волосы высоко закручены в смешную рогульку. – Нет, никакого печенья, только чай, – запротестовала она, заметив, что Виктория вскрывает коробку с рассыпчатым печеньем – море калорий, – чай с молоком и все.

Виктория понимающе кивнула и спрятала коробку.

– Вадим не звонил? – вдруг спросила Надя. Ее беспокоило его молчание. Виктория сказала, что ничего не успела узнать у Антона, они сразу начали ссориться.

– Нет, не звонил, – Корецкая лишь на секунду почувствовала себя неловко. Это сначала трудно врать, а потом... потом ложь накручивается как снежный ком, в какой-то момент даже перестаешь отличать вымысел от реальности и уже искренне веришь в свои же небылицы.

– Простите, дверь была не заперта, – в холле стоял Фертовский. Виктории стоило большого труда, чтобы не вскрикнуть от радости. Как же все удачно складывается. И Фертовский словно нарочно ей подыгрывает. Bravo! Вот настоящий мужчина! Настойчивый и упорный. Неужели Надя устоит перед этим горящим взором, перед этими широкими плечами, этой мягкой улыбкой?! Фертовский будто светился изнутри.

Влюблен...

– Проходите, Николая, – Виктория пропустила его в кухню. – Хотите чаю?

– Нет, спасибо! Я прошу прощения за столь поздний визит, но...

– Я в душ, – Вика подмигнула Наде и, несмотря на ее безмолвный протест, ретировалась. Надежда смущенно потерла шею и с ужасом обнаружила, что ее волосы все еще заколоты в рогульку, полностью лишенную элегантности, на лице ни грамма косметики, махровый халат велик и полнит. Она со вздохом поняла, что ей чаще всего суждено встречать Фертовского в самом нелепом виде. Ну, почему он всегда появляется не вовремя?

Он стоял и молчал. Надя ждала и не пыталась ему помочь.

– Я прождал Вас весь вечер, – наконец сказал Николай и встал у двери кухни, сложил руки на груди, – между прочим, мы договаривались...

Надя поперхнулась чаем.

– И что? – спросила, откашлявшись. Фертовский стоял как памятник, неподвижно и угрожающе. Только этого не хватало!

– Я потерял массу времени. Где Вы были? Я искал Вас по всей деревне. А у меня сегодня ночные съемки, меня ждут люди. Я надеялся, что Вы более серьезный и ответственный человек!

Надя вдруг разозлилась, придерживая халат одной рукой,

спрыгнула со стула, другой рукой сорвала с волос заколку, которые рассыпались по плечам, волнистые, пахнувшие чем-то душистым.

– Знаете что? – она с яростью посмотрела в глаза Фертовского, сдунула с лица прядь волос. – Я не просила Вас приходить, делать снимки и, тем более, ждать! Мне неинтересны Ваши упреки и недовольство. И я вовсе не обязана перед Вами отчитываться. А если Вас что-то не устраивает, можете катиться на все четыре стороны! Высокомерный и напыщенный сноб!

В следующий момент Николай шагнул к Наде и, не дав ей опомниться, поцеловал её.

Глава 42

Надежду Андрееву еще никогда так не целовал мужчина. Он схватил ее грубо и сильно, преодолевая сопротивление, выпуская наружу джинна, который пытался вырваться, давно пытался. Человек боролся с джинном, терял терпение, временами ему казалось, что это не он и не его ощущения, словно нарушился внутренний порядок, монолит, с которым он жил.

Надя перестала сопротивляться и почти повисла на руках Фертовского. И только после этого почувствовала вкус его поцелуев. Губы были сухими и теплыми, она терпеть не могла влажный рот мужчины и, тем более, обилие слюны. Язык

Фертовского раздвинул уста Нади и вошел в рот как победитель. Нет, он ворвался, скорее, как захватчик, который не знает преград, который уверен в себе и дерзок до умопомрачения. Поцелуи его казались опытными, но слишком агрессивными. Господи, по сравнению с Фертовским до него у Нади были всего мальчишки, глупые, бестолковые, сами не знающие, чего хотят. Фертовский знал, чего хотел, без сомнений, без страха, без раздумий. Надя это ощутила всем телом, каждой клеткой. Внешняя сдержанность и холодность абсолютно не соответствовали его внутреннему темпераменту, который сейчас проявился и огорошил Андрееву так, что у нее даже не хватило времени испугаться.

Фертовский на секунду оторвался от Нади, посмотрел в ее глаза. На его щеках сквозь щетину пробивался румянец, Надя чувствовала запах хорошей парфюмированной воды, смешанный с запахом сигарет. Андреевой понравился этот запах, понравилось то, как целуется Фертовский, понравились его крепкие и по-настоящему мужские объятия. Но все это было на уровне физиологии, а как же душа? Как же сам человек, с которым у нее не было ничего общего? Его характер, отношение к людям, его чопорность и высокомерие, его сарказм и язвительность. Вадим совсем не такой, он добрый, ласковый, внимательный и очень заботливый, именно он пробудил в Наде желание нравиться, именно он заставил ее забыть о прошлых неудачах.

Фертовский опять приблизился к губам Нади.

– Не надо, – тихо сказала она, тихо, но твердо.

Он нахмурился, в ту же секунду отпустил ее. Надя поглубже запахнула халат, не знала, что говорить, что делать. Она обошла стол, наконец, села в самый дальний его угол.

– Кажется, настал момент объяснения, – с плохо скрываемым волнением произнес Фертовский. Он пятерней взъерошил волосы, глаза горели, темные, пронзительные своей глубиной, способные затянуть в омут наваждения и обманчивых иллюзий. Надя почувствовала, как по телу пробежали мурашки. Поцелуи Фертовского были не просто порывом...

Он долго для себя решал: идти или нет, прекрасно понимал, что изменяет всем своим принципам, изменяет себе. Это беспокоило, злило, раздражало. Но чем сильнее он боролся, тем отчетливей понимал, что проигрывает. Такого с ним никогда не было: легкомысленные красотки, деловые, высокомерные дамы бомонда, вот весь набор, представительницы которого, так или иначе, пересекали его путь. Многие из них не прочь были составить ему партию, лишь Маргарита преуспела в этом, родила сына, а потом уехала. Они оказались разными, слишком разными, будто каждый говорил на своем языке, который понять абсолютно невозможно. Ни плохие, ни хорошие, они просто не подходили друг другу. Марго была из простой, малообеспеченной семьи, не отличаясь красотой, она не пыталась улучшить свою внешность, полагала, что для женщины это не главное. Ее

родители во всем поддерживали, на совместных семейных мероприятиях вели себя так, что заставляли краснеть и раздражаться родных Николая. Женитьбу его особенно не мог простить отец, он выражал бурный протест против этого мезальянса, игнорировал Маргариту и ее родных, считая их представителями гораздо более низкого социального слоя. И, тем ни менее, инициатором развода была Марго, да, она не имела титулованного прошлого, изысканных и безупречных манер, внешности аристократки, зато с умом все в порядке. На этом и держалась семья и еще на чувстве юмора. Молодая жена спокойно и иронично относилась к претензиям родственников обеих сторон. Потом родился ребенок, и жизнь потекла в другом русле. Словно было объявлено временное перемирие.

И все-таки они развелись, сын стал подрастать, Маргарита устроилась на хорошую работу, связанную с поездками, сначала по стране, потом за рубеж. В США она попала через несколько лет и стала туда навещать регулярно. Один раз взяла с собой подрастающего ребенка, оказалось – удобно, не надо никого просить, не надо беспокоиться, как Володя без нее. К тому времени Николай уже снимал фильмы и тоже мало бывал дома. Он также устраивал персональные выставки фотографий, ездил по стране, иногда в Европу. Развод воспринял спокойно, все равно семьи уже как таковой не было. Вот только сын... договорились, что Марго не станет препятствовать их встречам. Она быстро собрала свои

вещи, которых почти и не осталось в их совместной квартире, на пороге обернулась. За годы мало изменилась, все та же внешность простолюдинки, неумение быть изысканной и утонченной. На столике в прихожей остались ее ключи – бесспорное свидетельство конца их совместной жизни. И все-таки Николаю было грустно, что-то ушло вместе с бывшей женой, и это что-то связывало его с юностью, которую уже нельзя вернуть. Радовался лишь отец, его прогнозы сбылись. Он всегда утверждал, что Николая не подходит эта дурнушка, и они разбегутся, рано или поздно...

«Дурнушка», Надя встрепенулась как испуганная птица, недобро сверкнула глазами, которые стали темно-изумрудными. Николай стоял к ней в профиль и не видел реакции на свои слова. Занятый воспоминаниями, он плыл по реке прошлого.

Отец занялся устройством личной жизни сына, но несколько в этом не преуспел. Николай теперь не хотел связывать себя брачными узами. Ему стало казаться, что он вообще не способен на глубокие чувства, кроме того, работа поглощала его полностью. Этому ни мало способствовал требовательный Никита. Новые планы, проекты, грандиозные задумки, поездки, впечатления. Николай понял, что его такая жизнь вполне устраивает, ничего не надо менять, подстраиваться, оправдываться, сердце было спокойным. И все

было бы хорошо, если бы не Надя...

Фертовский попросил у нее разрешения курить, она, молча, кивнула. Недоумение росло с каждой минутой, но она слушала, внимательно слушала.

Николай понял, что попал в сети. Сердце стало неподвластным рассудку, оно дрогнуло, отозвалось. Кажется, это произошло там, на вечеринке в коттеджном поселке, но не сразу. Когда Надя вошла, не было еще ничего: ни вспышек, ни озарения, ни волнения, которое может возникнуть уже при первом взгляде. Скромная, неуверенная в себе девушка на высоких каблуках, которые доставляли ей явное неудобство, она готова была убежать в любой момент, как Золушка.

Фертовский вздохнул, совсем забыл о сигарете, которая быстро превращалась в пепел.

Николай стал наблюдать за Надей от скуки, которую всегда испытывал на подобных мероприятиях. И, чем больше наблюдал, тем становилось интереснее. Искренние эмоции, живость, смешанная с робостью, умное лицо, глаза, наполненные теплым светом, который, казалось, струился и грел всех, на кого попадал.

Надя заморгала.

– Да, Надежда, я влюбился в тебя, – Фертовский сказал

это так серьезно и торжественно, будто подвел итог своему публичному докладу, над которым корпел всю ночь. – Когда я это понял, то растерялся, потом разозлился на самого себя. День, час, минута, я думал о тебе, убеждал себя, аргументировал и злился. Злился, что каждая встреча с тобой лишь усиливала то, что я испытывал, что чувствовал. Все завертелось колесом, которое катилось независимо от моей воли.

Но самое печальное, что я наступаю на те же грабли, я опять влюблен в женщину, которая принадлежит другому социуму. И у тебя много сходства с Маргаритой. Как только я понял это, дал себе слово забыть тебя, но это оказалось не в моей власти, судьба словно нарочно сталкивала нас: в лесу, в доме Вадима, на вечеринке, на съемках. И все это только усиливало чувства. Словно вернулась та девушка из юности, которая совершенно мне не подходила, но я любил ее и понимал, что бессилен что-либо изменить. Надя... – Фертовский сделал к ней шаг, она вскочила со своего места, в глазах клокотала ярость, – я люблю тебя, несмотря ни на что!

– Я рада, что не могу сказать то же самое! – выпалила так громко, что он вздрогнул. – Я не люблю Вас и никогда не полюблю, Николай Фертовский! Более неприятного человека, чем Вы, я не встречала. Да, Вы правы – мы слишком разные! Но я не хуже Вас, не надейтесь! Более того, Вам бы не помешало поучиться доброму отношению к окружающим у моего, как Вы выражаетесь, социума. Вы и Вам подобные презираете тех, кто на вас не похож. Вы страшно гордитесь сво-

им происхождением, манерами и воспитанием, не принимая в расчет, что все это ничего не стоит, когда человек жесток, неискренен или просто черств. Для вас люди ничего не значат, вы слишком заняты своими персонами. А разговоры о любви – всего лишь блажь и прихоть. Вы влюблены в меня?! Вы влюблены в свое тщеславие, которому зачем-то понадобилась я. Вы должны получить то, что возжелали! Но этого не будет, Вы мне глубоко неприятны... – она перевела дыхание.

– Можете не утруждать себя дальнейшими излияниями, – вставил Фертовский, оправившись от смятения, – на фоне перечисленных Вами моих недостатков, я все же не отношу себя к непонятливым, особенно, когда все так очевидно. Прощайте!

Он быстро покинул дом.

Глава 43

– Что происходит? – Виктория поспешно вошла в кухню, видела лишь спину Фертовского, когда он уходил, но и по ней поняла: случилось что-то серьезное. Надя была вне себя, она мерила шагами помещение и не замечала того, что халат распахнулся. Схватила чашку, отхлебнула остывший чай, раздраженно вылила его в раковину.

– Успокойся, – мягко сказала Вика, – сядь и расскажи, что произошло. Вы поссорились?

– С кем? С ним? Вот еще! – фыркнула Андреева, плюхнулась на стул, тут же вскочила.

– Фертовский тебя обидел? Не может быть! – уверенно добавила Вика, она впервые видела подругу в таком возбуждении. – Он в тебя влюблен, это же очевидно. А значит...

– Вот именно, значит! – перебила Надя, наконец, остановилась посередине кухни, запахнула халат. – Влюблен? Да, влюблен, но более нелепого объяснения я не слышала.

– Так он объяснился? – от неожиданности Вика чуть не села мимо стула.

– Еще как! Надо же, и он утверждал, что не любит Джейн Остин, не считает ее романы достойным своего внимания! Типичная сцена объяснения между Дарси и Лизи, только на современный лад. Никогда не думала, что в реальности попаду в подобное положение.

– Ничего не понимаю, – призналась Вика, тряхнула головой так, что полотенце упало с волос. – Объясни толком, пожалуйста, слаба я в классике.

– Мистер Дарси – богатый английский аристократ, высокомерный, чопорный, совершенно неожиданно влюбляется в Элизабет Беннет – девушку другого круга, практически бесприданницу, шансы которой поправить дела семьи сводятся лишь к удачному замужеству. Но для Дарси этот брак означал бы порицание общества, осуждение родных и знакомых. Он прекрасно понимает это, но чувства к Лизи сильнее, и он объясняется ей в любви. Но как?! Выложив все начистоту,

признав, что он потеряет, если она согласится, Дарси снисходит до объяснения и сожалеет, что влюблен в женщину, которая по статусу его недостойна, она ниже. Хотя Беннет ничуть не глупее его, более того, она остроумна, рассудительна, благоразумна.

– И чем заканчивается сцена? – Виктория сгорала от нетерпения. Обязательно надо прочитать роман.

– Естественно, Лизи возмущена и оскорблена, она отказывает Дарси!

– Понятно, – протянула Виктория, – ты сделала все как в книге. Bravo, классика! Школа жизни!

– А что ты хотела? – Надя от возмущения расширила глаза. – Чтобы я бросилась в его объятия? Растаяла лишь от того, что такой, как Фертовский удосужился обратить на меня свой взор? «Моя бывшая жена была дурнушка, но мы любили друг друга, а ты похожа на нее», – Надя передразнила Фертовского. От злости сжала кулаки и добавила, – никогда не отвечу ему любовью!

– Я уверена в обратном, – Вика подняла полотенце.

– Для этого нет никаких оснований! – Надя все еще злилась.

– У любви вообще отсутствуют какие-либо основания. Ты куда?

Надя махнула рукой.

– Я иду спать и больше ни слова о Фертовском!

Андреева спала плохо, всю ночь вертелась, думала, нервничала, даже голова разболелась. Перед взором стоял Фертовский, его глаза, их выражение менялось по мере развития ситуации: сначала в них кипела злость, затем страсть, он так пылко целовал Надю, потом взгляд стал задумчивым. Он вспоминал прошлое, окунаясь в него, когда-то в бурную реку, но которая со временем уже обмелела и осталась лишь в памяти. И вот сейчас, он решился на объяснение, ему было не просто, слишком многое в этой жизни должно было поменяться, но он все-таки решил. И что же? Надя отвергла его, жестко, безжалостно, причинила такую боль, какую не причиняла ни одна женщина. «Он заслужил это!» – подвела итог Андреева и отвернулась к стене. Уже начало светать.

Вика встала ни свет ни заря. Она тоже плохо спала, но совсем по другому поводу. Николай своим признанием сделал первый шаг, бросил, так сказать, первый шар в этой игре. Теперь не осталось никаких колебаний и сомнений. Кореецкая подошла к подруге, та крепко спала, будить было бы преступлением. Они и так вчера чуть не поссорились, недовольные друг другом, молча, улеглись спать, хотя не могли уснуть, слыша, как каждая из них ворочается.

– Надюша, я прогуляюсь, – тихо сказала Вика, наклонившись над ней, – заодно куплю хлеба.

– Хорошо, иди, – сонно согласилась Надя и помахала ей рукой, не открывая глаз.

Виктория медленно шла по деревне, где уже всю кипела жизнь. Обитатели Беяниново вставали рано, дел было всегда много, особенно у тех, кто имел хозяйство. Из-за калитки Марьи Ивановны выскочили внуки, шумные, голоногие, увидев Викторию, замерли, вытаращили глаза, особенно старший. По его мнению, эта рыжая взрослая девица была очень даже ничего. На нее стоило поглазеть.

– Ну, чего уставились? – грозно спросила Вика, сложив руки на груди.

– А «фонаря-то» под глазом нет, – язвительно заметил старший.

– Какого фонаря? – непритворно удивилась Виктория. – Малышня, вам приснилось что-то с фонарем? А ну, геть отсюда! А то бабушке расскажу, как вы у речки курили, – наугад сказала она.

Мальчишки, заулюлюкав, убежали.

Корецкая вошла в дом, Марьи Ивановны нигде не было видно, хотя двери открыты, на столе в кухне недорезанный зеленый лук, рядом – миска с щавелем. Вика позвала хозяйку, в ответ тишина. Наверное, все-таки она где-то близко, раз все открыто, да и мальчишки только что выскочили из дома. Виктория оглянулась – на кухне книги не было, она неслышно прошла в комнату: скромный диван, два кресла, телевизор, стеллаж с книгами. А вот и то, что она искала. Книга лежала на столе, большая, явно старинная. Вика погладила темную с неразборчивыми почти истершимися бук-

вами обложку, нет, это не бумага, скорее, кожа какая-то. Да, раньше были книги, которые делали не только из бумаги. И их ценность, таким образом, увеличивалась не только содержанием. Виктория, словно воришка, которого могут застать в любой момент, но не в силах уже остановиться, быстро раскрыла книгу, стала листать, вот здесь, закладка красного цвета... Хватило нескольких секунд, чтобы запомнить все, что ей необходимо для осуществления плана: она неслучайно оказалась именно здесь и сейчас. А самое главное, среди огромного количества подписанных баночек на кухне у Марьи Ивановны Вика еще в первый визит заприметила эту траву, да и хозяйка о ней много рассказывала.

Корецкая, захлопнула книгу, быстро вернулась в кухню и взяла без спросу несколько щепоток травы, которую тут же спрятала в карман. Вот так! Вика не подумала о том, что она просто ворует, слишком велик был соблазн, кроме того, она уже не могла отказаться от своего плана, все шло по ее сценарию, все совпадало и складывалось, так как она придумала, даже лучше.

Виктория вышла из дому и столкнулась с хозяйкой, та возвращалась от соседки. Встретив девушку, совсем не удивилась, будто ожидала ее увидеть.

– Доброе утро, Марья Ивановна! – Вика, напротив, смутилась. – Я зашла, а в доме никого, мальчишки убежали, – принялась оправдываться она, – я решила подождать Вас, но...
– Понятно, – кивнула хозяйка, – тогда пойдем в дом?

– Нет-нет, – горячо запротестовала Корецкая, – я забежала лишь на минутку, мы бы хотели сегодня с Надюшей после праздника придти к Вам в баню. Можно?

– Конечно, – обрадовалась женщина, – пойдем, покажу, как с замком сладить, а то он у меня капризный.

Вика вернулась только к обеду. Ничего себе прогулялась! Надя, правда, проснулась лишь недавно и удивилась, хлеб в доме был. Вика, как всегда, хозяйственностью не отличалась.

– Ой, возле реки готовятся к празднованию, – Корецкая вошла в дом, сняла босоножки, прошла на кухню, достала хлеб и смутилась, да, надо было придумать что-то другое.

Надя крутилась возле зеркала.

– У меня загорело лицо и плечи, – сообщила она, стянув лямки топа, – и даже волосы немного выгорели. А где ты была так долго?

– Встретила Марию Ивановну, – не стала скрывать Вика, вернее, сказала полуправду, – она собирается топить баню и пригласила нас после праздника, я согласилась. Пойдем?

– Конечно! – воодушевилась Надя и улыбнулась.

«Эта ночь запомнится всем», – подумала Вика и улыбнулась в ответ.

Возле реки построили летнюю эстраду, приехали творческие коллективы культурно-просветительских благотворительных обществ из области и соседних регионов. Жите-

ли коттеджного поселка более всего ратовали за проведение праздника, за соблюдение традиций, несколько человек даже стали меценатами. Обитатели Беляниново поддержали идею и первыми взялись разжигать костры.

Надя и Вика спустились к реке, к самой эстраде, настроение было приподнятым. Правда, совсем недавно чуть не поссорились из-за того, что во время мирного чаепития, Вика неожиданно завела разговор о Фертовском и принялась его защищать. Надя вскипела, привела массу доводов, которые по ее мнению указывали на недостаток ума у этого человека и полную неспособность на настоящие и искренние чувства. Сравнила его с Вадимом, спев последнему панегирик, из чего Вика заключила, что подруга все-таки увлечена Вадимом и думает о нем. Конечно, это было неприятно, но не смертельно. Развязка еще впереди.

– Здесь так здорово! – воскликнула Виктория, пританцовывая в такт народной мелодии. – Никогда не думала, что буду восхищаться самодеятельностью.

Надя улыбнулась, у нее самой было тепло на душе, о Фертовском она больше не вспоминала. Скоро вернется Вадим! Жаль, что его сейчас нет рядом, и он не видит всей этой красоты.

Певцы и танцоры в народных костюмах, с цветами и венками в руках свили красочный музыкально-поэтический венок из народных обрядов и песнопений, повествующий о том, как праздновали Ивана Купалу наши предки. Особенно

порадовали собравшихся приглашенный из областного центра фольклорный ансамбль «Трипутник» и неутомимый сельчак-гармонист Степан Тувин. Гармонь в его руках выделяла такие музыкальные пассажи, такие переливы и переходы, что Виктория не выдержала и выскочила на сцену, вызвав шквал аплодисментов. Корецкая даже сплясала «Барыню», Надя была приятно удивлена, такого явно не ожидала.

Вика опустилась со сцены, в руке – два венка, один из них протянула Наде.

– Ты всех покорила, – сказала Андреева, – как же это здорово, когда что-то умеешь делать почти профессионально.

– Ты тоже могла бы спеть, – заметила Вика, надела венок на голову, поправляла цветки.

– Нет уж, обойдемся твоим успехом, – возразила Надежда и тоже надела венок.

– Чувствуешь, как пахнет травой и лесом? – спросила Виктория.

– Да, и еще теплым ветром, бурной рекой, закатным солнцем и несбывшимися желаниями, – добавила Надя, – ведь сегодня Купальская ночь и можно загадывать желания.

– И купаться, и бросать в воду венки, сказав заветные слова. В какую сторону венок поплывет, оттуда и суженый.

На сцене закончили выступления, умолкла гармонь, Степан Тувин устал, собралось столько народу, что организаторы праздника и не ожидали. Костры разгорались все силь-

нее, казалось, что скоро пламя сможет достать верхушки деревьев. Языки огня взмывали вверх, словно фонтаны, тянулись к небу, которое уже начало темнеть. Близилась ночь, солнце уплывало, из-за леса постепенно надвигалась тьма. Вокруг одного из костров уже стали водить хоровод:

*Девки, бабы – на Купальню!
Ладу – Ладу, на Купальню!
Пойдем, девки, пойдем, девки,
Кругом жита, кругом жита!
Девичьи цветы щипали
Да и Ивана пытали:
«Что это за цветы?» -
«Это цветы Купалы...»*

– Эй, кто смелый? – крикнули у костра, который был ближе всех к реке. – Кто прыгнет через костер? Кто выше прыгнет, тот счастливее год проживет! Прыгайте парами, прыгайте с чучелом в обнимку! Прыгайте в одиночку! Огонь наш непростой, он живой, магический!

Несколько парней разбежались и по очереди прыгнули через костер, словно почувствовав, огонь взволновался, еще больше взметнулся в небо, рассыпав тысячи искр. Он осветил реку, в быстром течении которой будто сверкнуло серебром и драгоценные камни.

У костров было жарко, опять запела гармонь. То и дело

смельчаки прыгали через огонь: азартные мальчишки с криком и воплем, молодые люди, чтобы преодолеть себя, девушки с визгом и хохотом. Кое-кто и постарше ринулся прыгать, уж очень весело и заманчиво резвилась молодежь.

– Прыгнем? – Вика от нетерпения стала притоптывать на месте. Вот и еще один прыгнул, за ним – девица, худенькая, явно напуганная, но ведь прыгнула же!

– Страшновато, – призналась Надя.

– Пойдем, надо преодолеть страх! – потянула ее Виктория. Прыгнула, не раздумывая, только юбка колыхнулась.

Надя от испуга не разбежалась, сделала рывок с места, огонь тут же зацепился за подол ее сарафана.

Глава 44

Она и охнуть не успела, чувство было странным, жар близкого огня сразу коснулся груди и лица. Но Надя почему-то не испугалась, не успела, пламя начало жадно пожирать ткань. Окружающие растерялись, заморожено смотрели, как горящий подол платья превращается в пепел. Прошла всего пара секунд и Надя закричала, наконец, осознав, что горит. Из толпы выскочил человек, на ходу сорвал с себя рубашку и одним движением усмирив огонь, укутав этой рубашкой ноги Надежды. Человек стоял перед ней на коленях, Надя осознала, что все кончено, что она спасена и не сгорит заживо. Она медленно опустила голову, он все еще обнимал ее за но-

ги. Широкие мужские плечи, на левом – родинка, хорошо очерчены мускулы.

– Девушка, с Вами все в порядке? – появилась женщина в белом халате и с ней двое мужчин, явно озабоченные происшедшем, они были ответственны за организацию и безопасность праздника. – Разрешите, я осмотрю Вас.

Николай поднялся с коленей, взял свою рубашку из рук врача, который тут же приступила к работе. Бледная Надя посмотрела на Фертовского и хотела поблагодарить его, но он уже исчез, будто растворился.

Андрееву усадили на стул, врач сказала, что ожоги Надя получить не успела, спаситель вовремя подскочил, пострадала лишь часть подола платья, все остальное в порядке. Вика от досады кусала губы, это ведь она уговорила подругу прыгать. Но Надя уже пришла в себя и полностью отрицала вину Корецкой. Никто не застрахован от случайностей, можно и в луже утонуть.

– Может, пойдем домой? – предложила Виктория.

– Ну, вот еще! – возмутилась Надя, – мы останемся на празднике, и я обещаю больше не лезть в огонь.

– Правильное решение, – появился Никита, – что сказал врач?

– Надюшка, мы волнуемся за тебя, – вслед за ним нарисовался Виталик, и вообще почти вся съемочная группа оказалась возле Нади. Ей стало весело.

– Со мной все в порядке, – Надя шутливо дернула Вита-

лика за торчащий вихор. Виталик присел рядом с ней на корточки.

– У тебя нет ожогов?

– Нет, ожогов нет, – успокоила его Надя, теперь она, действительно, пришла в себя. Глупость какая-то! Ну, куда полезла? Ведь знает за собой особенность попадать в нелепые ситуации. Было бы странно, если бы этого не произошло сейчас.

– Просто надо было разбежаться, – пояснил Виталик, словно подслушал ее мысли, – но не расстраивайся, это не конец света. Тем более что Николай Владимирович тебя спас. Он один не растерялся, молодец! Николай Владимирович от природы не подвержен панике, это ценное качество. Он, вообще, удивительный человек. Вот спас тебя и тут же исчез, ему не нужна благодарность и слава. Он такой во всем.

– Да уж, Николя невероятно скромн, – подтвердил Никита, – творит добро не ради наград и почестей. Кстати, хотелось бы знать, где наш герой?– Никита поискал его глазами.

Наде стало неловко, ну, совсем не вязались слова Никиты и Виталика о Фертовском с тем, что она слышала вчера, его поведение, высказывания, словно был совсем другой человек. Надю это сбивало с толку. Сегодня утром все было ясно и понятно, Фертовский – чопорный, напыщенный сноб, возомнивший себя аристократом, бестактно-черствый, не способный на глубокие и искренние чувства. Одним словом – отрицательный герой. И вдруг... вдруг он бросается

спасать ее, потом уходит, даже не услышав слова благодарности. А еще про него говорят друзья и коллеги, говорят самое хорошее.

– Никита Алексеевич, а помните, как в прошлом году наш главный оператор дал денег на операцию матери Инги? – сказал Виталик. – Он перевел огромную сумму, причем безвозмездно.

– Было дело, – согласился Никита, – Николая после этого пришлось отложить поездку к сыну. Он всегда правильно расставляет приоритеты.

– Я тоже так думаю, – Виктория многозначительно посмотрела на Надю, та поморщилась, не желая верить в услышанное. Все равно Фертовский ей не нравился, чтобы ни говорили, как бы его ни расписывали. Только и умеет, что целоваться да огонь гасить. – Надюнь, – Вика взяла подружку под локоть, – пойдём к реке?

Они прошли мимо сцены, на которой уже было пусто, праздновали в основном возле костров, собирались катать колесо. Солнце совсем скрылось, ночь вступала в свои права, мошकारа веселилась в теплом воздухе.

– А тебе не кажется, что ты все-таки сделала ошибку? – Виктория села на траву возле самой кромки воды. Здесь река была не такой стремительной, как у пляжа. В черном зеркале отражались уже первые звезды.

– Какую? – Надя рукой коснулась воды, ласковая, июль-

ская, самое время купаться.

– Николай.

– Опять ты о нем! – Надя чуть не зарычала. – Хороший он или плохой, в конце концов, мне это не важно.

– А что тебе важно? – вскипела Виктория. – Ты всегда, сколько я тебя знаю, мечтала о счастье, мечтала о том, что будешь любима. Ты страдала, переживала и плакала, что на твоём пути встречались мужики, неспособные любить. Ты загнала себя в угол, поставила на себе крест, перестала уже и надеяться. И что же? На твоём пути появился мужчина, который сказал, что любит...

– Вот именно, «сказал, что любит», – перебила Надя, от волнения она начала выдергивать ниточки из обгоревшего подола, – а я ему не верю. В этом все дело. Надя Андреева для Николая Фертовского всего лишь каприз, игрушка, которую хочется заполучить. А когда она надоест, место ей в коробке забытых вещей.

– И поэтому он тебя спас?! – Вика вскочила.

– Поэтому или нет, я не знаю, можешь спросить у него, – пожала плечами Надя, – но мне кажется странным, что ты все время его защищаешь, словно у тебя свой, личный интерес.

– Что за фантазии? – натурально удивилась Вика, вернулась на свое место, села, отвернувшись к реке. – Какой у меня может быть интерес? Просто я хочу, чтобы ты, наконец, нашла нормального мужика.

– Я нашла его, Викуся, нашла, – Надя подошла к ней, обняла за плечо, – не надо далеко ходить, не надо гоняться за призраками, выдуманнными образами. Человек из плоти и крови, настоящий, надежный, искренний.

– Вадим, – тихо сказала Виктория, внутри что-то сжалось, словно сердце стало маленьким-маленьким. Эти тиски перекрыли кислород, перед глазами поплыли даже цветные круги. Чтобы не упасть, Вика откинулась назад. Все-таки Вадим! Хотя давно было понятно, но в глубине души жила слабая иллюзорная надежда, она тихо скулила и молила о пощаде. Господи, сделай так, чтобы это была неправда!

– Да, Вадим, – подтвердила Надя, – мне кажется, у меня есть шанс. Как только Вадим вернется, я надеюсь, что это будет скоро, мы объяснимся. И в моей жизни все станет по-другому.

– Я верю, – отозвалась Виктория, она сама не узнала свой голос. Отчаянье достигло такого апогея, что захотелось оглохнуть, чтобы не слышать подругу, не знать о ее чувствах, желаниях, мечтах, которые теперь вполне осуществимы с Вадимом. – В таком случае, – Вика сняла с головы свой венок, – может тебе и не стоит, а я сделаю это.

«... Чей венок плывет?

Милый позовет...»

Вика решительно бросила венок в воду. Сначала от удара

о водную поверхность венка исчез, а потом выскочил словно поплавок, неуклюже качнулся то в одну сторону, то в другую, покружился на месте и поплыл на середину, там попал в течение и направился по реке.

– Смотри, твой венок направился к мосту, Вика! – закричала Надя. – А там недалеко и автострада. Забавно, если твой суженый сейчас где-то в дороге. Узнаем и мою судьбу?

Она осторожно опустила на воду венок. В отличие от венка Вики, он не ушел под темную гладь, даже не качнулся. Словно раздумывая, медленно поплыл вдоль берега, обогнул выступающий зеленый мыс и, вместо того, чтобы попасть в основное течение, свернул в небольшой речной рукав, который, удаляясь в лес, превращался в ручей.

Венок прибил к его влажному берегу, коснулся ног мужчины. Он слышал часть разговора между девушками, поднялся с травы, сделал несколько шагов, ручей забурлил, заволновался, с силой толкнул венок, который опять оказался у его ног. От судьбы не уйти.

– Наконец-то я тебя нашел, Николая! – Никита шел с фонариком. – У нас проблемы, Ксения все бросила и уехала.

Глава 45

*...Купаленка, ночь маленька
Темная ночка, где твоя дочка?
Гряды полет, руки колет*

*Цветочки рвет, веночки вьёт
Свойму дружску на головушку
Носи, мой друг, не складывай
Люби меня, не покидывай
Люби меня⁴*

– Надя, ты куда? – Виктория увидела, как подруга сорвалась с места и побежала к лесу.

– Я только посмотрю, куда он поплыл, – крикнула Надежда на ходу, – я быстро вернусь, подожди.

– И после этого она жалуется, что попадает в дурацкие ситуации, – Виктория остановилась в раздумье: то ли бежать за подругой и оберегать ее от глупостей, то ли подождать, как та и просила. В конце концов, там, куда она рванула, нет ни огня, ни бурной реки. Кроме того, кругом люди, ничего плохого не случится.

Вика опять села в траву, обхватила руками колени – «Аленушка у воды». Через секунду в кармане негромко зазвенел мобильный телефон, приятная мелодия, знакомая слуху, но Вика все равно испугалась, хотя и ждала звонка. Она с выскакивающим из груди сердцем посмотрела на голубой экран, руки тряслись.

– Привет! – громко выдохнула в трубку.

– Привет! – ответили на том конце провода. – Я возвращаюсь, все уладил. А ты?

⁴ Купальская песня Смоленской губернии

– Я же обещала, – Вика сделала глубокий вдох, натянула на лицо улыбку, как будто ее могли видеть. – Ты уже выехал? Через сколько будешь?

Вадим небрежно бросил трубку на сиденье автомобиля. Сегодня отец проснулся, как ни в чем не бывало, и даже собрался ехать на работу. Едва отговорили. Все равно необходим отдых и полное обследование. Вадим долго разговаривал с ним. Удивительно, как после стольких лет непонимания и отчуждения они стали близки и дороги друг другу. Неужели нельзя иначе? Любовь на камнях страданий и боли, потерь и горечи. И хорошо, если тебе дают шанс все исправить.

Вадим заехал на заправку, купил себе стакан кофе, второе с жестким, но поджаристым мясом, съел все это с аппетитом, утолив который, он почувствовал, как стало клонить ко сну. На дороге была просто гигантская пробка, Вадим съехал на обочину и решил подремать минут десять-пятнадцать. Тем более, что разговор с Викторией его успокоил, даже расслабил. Вадим под тихую медленную мелодию закрыл глаза.

Надя все-таки потеряла венок из виду, углубляясь в лес она побоялась, зная по опыту, что опять влипнет в какую-нибудь историю. Она прошла еще несколько метров и остановилась. Там, в лесу, уже наступила ночь. Плотные кроны деревьев не пропускали последние проблески света, тропа рас-

творялась во мраке чащи. Здесь у края леса пахло хвоей, смолой и пряностями, из глубины леса тянуло прохладной сыростью.

«Деревья и растения в эту ночь переходят с места на место и разговаривают, – вспомнила Надя рассказы Марьи Ивановны, – все оживает и набирает силу, удивительную, невероятную, магическую. Нечистая сила тоже не дремлет, ведьмы и колдуны собираются на шабаш, они летают над землей». Надя подняла голову вверх, деревья взволнованно зашумели, на самых верхушках треснули сучья, полетели вниз листья. Андреева замерла. В следующий миг ей показалось: что-то движется между верхушками самых высоких деревьев, и вряд ли птица могла быть такой огромной.

Надя вскрикнула и рванула из леса, сзади услышала, будто воздух рассекают крылья: вжих-вжих-вжих! Звук то догонял ее, то отставал. Где-то в стороне затрещали кусты. Надя выскочила из леса и обернулась. Там, откуда она удра-ла, в воздухе светились и медленно передвигались странные огоньки. Затем их заволокло красным маревом, которое стало расползаться. Оно двигалось к Андреевой. Она развернулась, готовая бежать.

– Что Вы делаете? – услышала знакомый голос, подняла глаза: Фертовский стоял, спрятав руки за спину.

– Бегу, разве этого не видно? – от пережитого страха она огрызнулась. С другой стороны обрадовалась даже ему. Вся чертовщина леса вмиг исчезла. – Я не сказала Вам «спасибо»

за спасение из огня, – мягче добавила Андреева.

Фертовский не ответил, как-то тревожно посмотрел на Надю, вытащил из кармана фонарик и протянул ей.

– Совсем стемнело, возьмите, пригодится.

Надя заметила в руке Фертовского венок, свой венок.

– Откуда это у Вас? – спросила, волнуясь. Может, она ошиблась?

– Прибило к моим ногам, здесь недалеко. Похоже, кто-то гадал на свою судьбу? – Фертовский вопросительно приподнял брови.

– Ерунда все это, – отмахнулась Андреева. – Суженый тот, кого любишь, а не тот, у кого венок.

Фертовский, молча, кивнул.

– Простите, я должен идти, – спустя секунду сказал он и неожиданно бросил венок в воду.

Надя вернулась к берегу реки, Виктория в этот момент снимала одежду.

– Я забыла купальники, – сказала Корецкая и, помедлив, сняла нижнее белье. Вошла в воду обнаженная грациозная, прекрасная как богиня, а лунный свет уже отражался в воде, проложив ослепительную дорожку. Виктория нырнула, превратив лунную дорогу в тысячи искрящихся капель, проплыла под водой, выскочила на середине реки.

– Вода – просто парное молоко! – она легла на спину. – Нашла свой венок?

– Нет, – Надя решила, что не стоит упоминать про Фертовского, иначе они опять поссорятся. Андреева скинула одежду и бегом бросилась в воду. Ну, уж здесь она не осрамится, плавать умеет не хуже подруги.

Вода и правда была чудесной, живительно теплой, Надя вынырнула прямо из-под Виктории, засмеялась, тряхнула темными волосами, проплыла дальше, свет луны вплетался в ее волнистые локоны.

«Где Иван купался – берег колыхался, где Марья купалась – трава расстилалась», – спела Надежда, эхо ответило ей, подхватив красивый голос.

– Как ты все это запоминаешь? – удивилась Вика. Она уже выбралась на берег, не одеваясь, легла на траву. Странное чувство, невообразимая свобода, легкость, тело стало будто невесомым. Викторию вдруг охватил такой восторг, что она вскочила.

– Что ты задумала? – крикнула Надя, она все еще была в воде, выходить так не хотелось, тем более что она впервые плавала обнаженной.

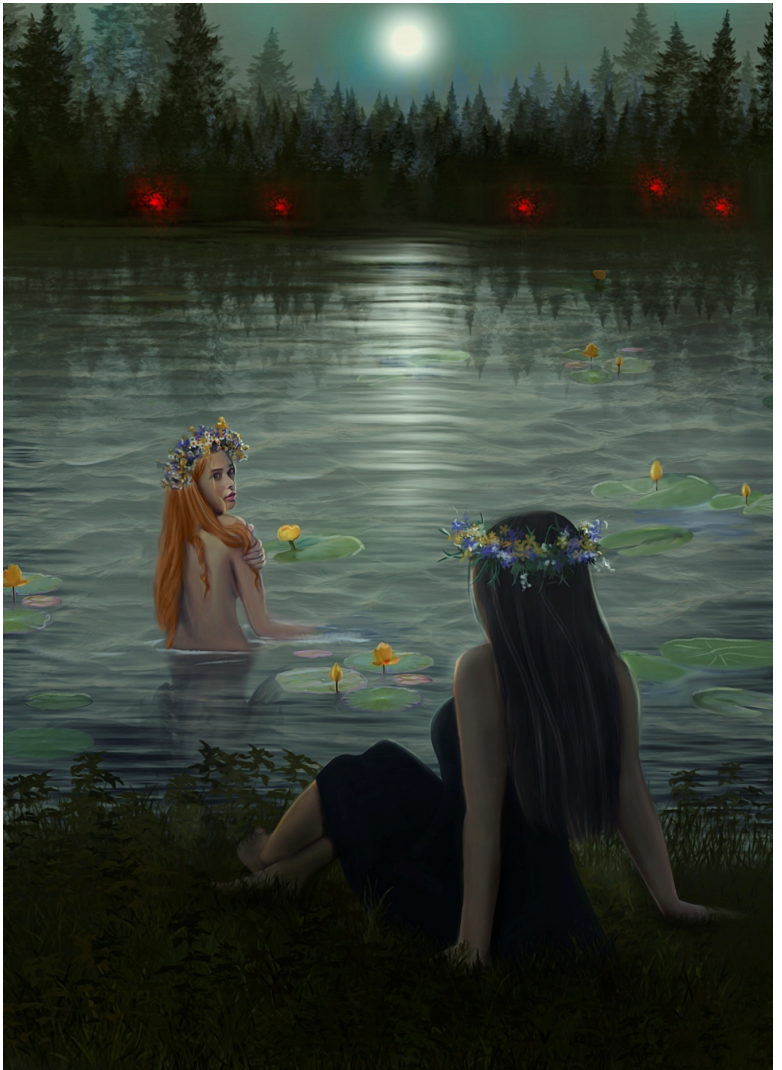
– Не буду одеваться! – отозвалась Вика, она подняла руки к лунному свету, покружилась на месте, словно впитывала всю его энергию, впуская в себя каждую частицу. В этом лунном свете её обнаженное тело казалось еще совершеннее, каждая линия, каждый изгиб сливались в гармоничный образ, волосы отсвечивали червонным золотом.

– Я – лунный свет! – закричала Вика и побежала вперед,

так и не одевшись.

– Сумасшедшая! – сказала Надя, Вика засмеялась. – А если тебя увидят?

– Пусть видят! Я – ночь, я – хозяйка ночи! Я – сама вечность...



Вадим увидел густой зеленый луг, вышел из машины, удивившись, почему не заметил его раньше. Несмотря на сумерки, молодой человек мог разглядеть каждую травинку, каждый цветок, которые растревожено трепетали на ветру. Он снял обувь и носки, почувствовал босыми ногами ласковое щекотание травы, листья цветов словно потянулись к нему, подставляя свои головки.

Вадим медленно пошел по лугу, наслаждаясь тем, что видел, слышал, чувствовал. Усталость и тревоги исчезли так быстро, словно их и не было в последние дни. Таинственный мир природы, уход от житейской суеты – чудесный бальзам для души, который чужд всякий контроль. Вадим лег в траву, раскинул руки в стороны, закрыл глаза.

Вдруг ветер зашумел так сильно, что травы буквально загудели, тонко, протяжно, умолкли даже птицы. Вадим почувствовал струю прохладного воздуха, открыл глаза. Оттого, что увидел, в первую секунду даже испугался: с темнеющего неба спускался яркий луч, словно прожектор. Вадим вскочил. В луче стояла девушка. Стояла она спиной, тянула руки к небу, длинные волосы рассыпаны по спине и плечам. Была она обнажена, но не испытывала ни стеснения, ни дискомфорта. Ровная загорелая кожа, осиная талия, белые упругие ягодицы, стройные ноги. Сложена просто великолепно.

Вадим от растерянности не знал, что ему делать. Девуш-

ка завораживала его не только своей наготой и таинственностью, от нее шла любовь. И Вадим почему-то об этом знал, знал и все. Наконец, она обернулась.

– Я – лунный свет, – прошептали губы...

Вадим проснулся, потряс головой. С ума сойти! Это же сон! Но как реальны были ощущения, звуки, запахи! Однако, самое удивительное, что ему приснилась Виктория! Это она стояла под ночным светом, это от нее Вадим почувствовал любовь. Просто наваждение какое-то! Он от досады крякнул. Только Виктории не хватало в его жизни.

Вадим завел автомобиль, надо же, пробка почти рассосалась. А ведь он спал всего двадцать минут. Надо ехать, обещал приехать в Беляниново к полуночи. Надя будет ждать его, так сказала Вика.

Глава 46

*«Терлич, терлич,
Хлопцев покличь!»*

– Ну что? – Надя наблюдала, как Вика пытается открыть дверь бани. Марья Ивановна оставила им ключи, сама ушла на праздник с внуками, за мальчишками в такую ночь нужен глаз да глаз. Вика дергала дверь, поворачивала ключ туда-обратно, туда – шёл, обратно – нет. Что-то заклинило, замок был старый и капризный.

– Дай-ка я попробую, – Надя подошла к двери, вставила ключ, дернула ее изо всех сил. Безрезультатно. – Ты же говорила, что днем забежала сюда, – вспомнила Андреева, – Марья Ивановна наверняка говорила, как открывать эту дверь.

– Нет, у нее просто получилось открыть и всё. Замок знает свою хозяйку.

– И что мы будем теперь делать? Я уже настроилась, – пригорюнилась Надя, – а тебе, тем более, полезно попариться, носилась по полю как угорелая, хорошо, никто не видел.

Виктория почесала лоб, волосы, которые были все еще мокрыми после купания. Хорошо, что девушки зашли домой и переоделись, ведь там, на реке, пришлось натягивать одежду прямо на мокрое тело.

– Жаль, что никто не видел, – улыбнулась Вика, – но ты права, баня не помешает. Знаешь что, давай сделаем так, – она посмотрела на часы, – одна из нас пойдет на праздник искать Марию Ивановну или мальчишек, чтобы попросить открыть баню.

– А почему одна из нас? – удивилась Надя. Она оглянулась, кругом тихо и темно. Купала далеко ватно отсюда. – А не обе?

– Потому что мне нельзя доверять собирать сумку, – безмятежно призналась Виктория, – не фырчи, я забыла положить полотенца, и твое, и мое, – она помахала сумкой. – Поэтому одной из нас придется шлепать домой.

– Одной? – переспросила Надя. Ей не нравились обе пер-

спективы. Идти одной в темноте...

– Да, но если хочешь, на праздник пойду я, – тут же предложила Вика, – но я не гарантирую, что приведу именно Марию Ивановну, – она хитро сощурилась. – Мне может встретиться, например, Фертовский, думаю, ему по душе придется банька в Купальскую ночь да еще с тобой.

– Отвали со своим Фертовским! – рявкнула Надя.

– Неинтеллигентно, но доходчиво, – резюмировала Вика. – Так ты идешь на Купалу или домой? Давай скорей решим, здесь жутковато торчать, да и в баню хочется.

– Ладно, я пойду на Купалу, – решила Надя, она представила, что в пустом ночном доме ей будет страшнее. Вика – растрепа, вечно что-нибудь забывает, не могла сразу собрать.

– Скорее всего, я вернусь быстрее, – крикнула ей вслед Корецкая, она все еще возилась с замком: может, получится? – Если что, ключ на гвоздике под крышей.

Надя ускорила шаг, выскочила на дорогу, пошла не оборачиваясь.

Вадим прибавил скорость, чувствуя, что опаздывает, он влетел в Беляниново на полном ходу, дальний свет фар напугал двух собак, которые дружно забрехали и побежали за машиной.

– Елки зеленые! – выругался Вадим, опасаясь, что псы бросятся под колеса, совсем не хотелось давить деревенских блюстителей порядка.

Собаки, наконец, отстали, застыли у высокого забора, потом рванули за кошкой.

Вадим проехал всю деревню, остановил машину. Кажется, здесь. Он громко хлопнул дверцей, не опасаясь, что в Беляниново сейчас кто-то спит, пискнула сигнализация – вот и все звуки. Через секунду воцарилась тишина. Удивительная, просто мистическая. Странно, что здесь было совсем не слышно празднования, река не так уж и далеко. Вадим прислонился к забору, хотелось курить. Думал, что навсегда избавился от этой злостной привычки, выдержки хватило ровно на год. Но сейчас курить хотелось невыносимо.

Тем временем из узенького приоткрытого окошечка бани пошел пар. Он нежным облачком поднялся вверх, проплыл над домом, остановился прямо над Вадимом, который нервно поглядывал на часы. Невидимое облачко сделало движение и стало медленно опускаться.

Неожиданно Вадим почувствовал запах: смесь чего-то кислого и перечно-горького. Запах был таким резким, что запершило в горле, из глаз потекли слезы. Молодой человек сделал шаг в сторону, еще два, запах не исчезал. Вадим сел в машину и тут же выскочил из нее, казалось, в салоне пахло еще сильнее. Тогда он открыл калитку дома, возле которого находился, и вошел во двор. По-прежнему никого в зоне видимости, запах стал ослабевать или Вадим к нему уже привык? По крайней мере, глаза больше не слезились.

Удивительно, но через секунду Вадим услышал пение.

Оно доносилось, откуда же оно доносилось? Он так и не понял. Тихий женский голос солировал, ему подпевали несколько мужских. Мелодия была тягучей, плавной, она тревожила душу, казалось, проникала в самое сердце, слова разобрать было трудно. Но Вадим почему-то решил, что именно так могли петь славянские язычники древних времен, они поклонялись природе, стихии. Купала считался богом земных плодов, в пантеоне языческих богов занимал третью ступень.

Вадим сделал еще несколько шагов, пение прекратилось так же неожиданно, как и возникло. Он стоял практически перед дверью бани. Глаза опять заслезились, все стало расплываться, превращаясь в нечеткую смесь очертаний, теней и форм. Реальность менялась, словно шутливо переставляла предметы. Или это кружилась голова? Телом овладела такая слабость, что он едва стоял на ногах. Мысли так стремительно разбегались в разные стороны, что Вадим и не пытался на чем-то сосредоточиться, что-то понять и адекватно среагировать. Это была невероятная потеря контроля над собой: над телом, мыслями, чувствами и ему впервые это нравилось, нравилось своей легкостью, невесомостью, отсутствием анализа и переживаний о последствиях.

«Похоже на наркотическое опьянение», – пробежала мысль в голове, но не задержалась там.

Покачиваясь, Вадим протянул руку и дернул дверь бани. Зачем он это сделал, он и сам не знал. Так надо. Ведь для

чего-то он пришел сюда?

Дохнуло жаром, будто от кратера вулкана, навстречу двигался поток мутно-белого воздуха. Он, метнувшись вниз, подобострастно обнял ноги Вадима. Молодой человек тер веки, но картинка так и не приобрела четкость. Хотя Вадим успел заметить, как дверь, ведущая из предбанника в саму баню, тоже открылась. Там было еще жарче, мрачное марево, мгла малой прозрачности.

– Надо снять одежду, – вяло подумал Вадим, оказалось, сказал это вслух.

– Да-а-а, – подтвердил едва слышный женский голос, но Вадим узнал его.

– Надя? – он выдохнул с облегчением. Хоть что-то становилось реальным и разумным. – Я ждал тебя снаружи, – язык все еще заплетался, – нам надо поговорить...

– Молчи, сейчас молчи, – она вышла из темноты, окутанная маревом, словно невеста в белом платье. Темные влажные волосы лежали на плечах.

– Но мы поговорим? – ему было так трудно сосредоточиться, развязало все суставы, сознание отуманено.

– Поговорим, – девушка подошла к Вадиму, расстегнула пуговицы на его рубашке, помогла снять ее, как и все остальное. И только сейчас Вадим заметил, что на Наде была надета белая полупрозрачная рубашка, длинная почти до пят. Сквозь неё виднелись соски, угадывались линии тела. Это казалось таким возбуждающим, что Вадим почувствовал же-

лание, несмотря на дурман в голове, который не исчезал.

– Пойдем со мной, – девушка потянула Вадима за собой, – в эту ночь исполняются самые заветные желания, в эту ночь сбываются самые невероятные мечты, ты вкусишь всю сладость грёз. Только скажи, что ты хочешь этого! Подари мне свое сердце, а я подарю тебе наслаждение, я напою тебя нектаром трепетной любви, я обожгу тебя пламенем горячей страсти, я ввергну тебя в бездну, а потом подниму в поднебесье. Скажи, что ты любишь меня!

– Я люблю тебя, – услышал Вадим свой голос, он как будто видел себя со стороны. Временами что-то тревожное проносилось в голове, но тут же исчезало, прогоняемое другими мыслями, еще более хаотичными и беспорядочными.

Надя приблизилась к нему.

– Я хочу почувствовать твои губы, – прошептала девушка, – я слишком долго ждала, растворись во мне, пленяй меня.

Вадим погладил ее по волосам, затем неожиданно резко притянул к себе и стал целовать, жадно, неистово, до боли...

Они опустились на ложе из трав, пахло влажной березой и дубом, прелым мхом и полевыми цветами. Стены витавшего в воздухе вожделения покрылись испариной, свечи в углах горели, потрескивая от нетерпения, они отбрасывали на стенах мистические тени. Эти тени двигались, сплетались, исчезали и опять появлялись.

– Как же я тебя люблю! – Вадим стал снимать с девуш-

ки рубашку медленно, шаг за шагом, целуя каждый сантиметр. Обнажил грудь и с удовольствием погладил большие светло-коричневые околососковые окружности. На левой – родинка. Соски от возбуждения стали твердыми. Девушка обняла Вадима, она вся горела.

Он обезумел от ожидания, ринулся вперед...

Надя на празднике так и не нашла ни Марию Ивановну, ни ее внуков. Она, казалось, обошла все. Наверное, они все-таки отправились в лес. Надя решила вернуться к Вике, может, она уже что-нибудь придумала?

Андреева увидела свет из бани еще издалека, радостно побежала вперед, не заметив машину возле забора, влетела в калитку.

– Викуся! – туман расступился, открыв ее взору то, о чем она и помыслить не могла.

Глава 47

Бывают в жизни такие моменты, когда хочется повернуть время вспять или оказаться в другом месте, или позже, или раньше, одним словом: не здесь и не сейчас. Но все происходит, как тому суждено быть, и обстоятельства складываются именно в таком направлении, в такой последовательности, чтобы совершилось задуманное Создателем. Подчас невозможно увидеть в этом для себя пользу, понять, что кро-

ется за происходящим, ведь истину найти так трудно. Мы бредем по дороге жизни слепые, глухие и неразумные, мы спотыкаемся, падаем, ропщем, ищем виновных, не подозревая, что сами являемся духовными калеками, озабоченными лишь внешним благополучием, рабами своей воли, своих желаний. Но ведь для каждого выбран тот крест, который он в состоянии нести, ни больше, ни меньше.

Надя попятилась, зацепилась за высокий порог, едва не упала. Чувства, что тебя предали, не было, ведь Вадим ничего ей не обещал. И даже глупо надеяться на это, когда рядом Виктория. Конечно, она красива, уверена в себе, более современна, соблазнительна, наконец. Перед ней трудно устоять.

Надя почувствовала лишь стыд и неловкость. Стыд за то, что застала их, так самозабвенно занимающихся любовью, бестактно вломилась и помешала.

– Простите, – пролепетала она единственное, что пришло на ум. Все правильно, все так и должно быть. Она привыкла, что выбирают не её, еще с юности. Если привыкла, то почему сейчас, именно сейчас, так больно? Хотелось завывать от жалости к самой себе, спрятав лицо в руках и превратив кожу в бумагу. Но Андреева не издала ни звука, хотя побелевшие губы шевелились.

Она выскочила из бани, затравленно обернулась и побежала. Куда, зачем? Не знала. Знала лишь, что надо исчезнуть, скрыться, сделать все, чтобы никогда не вспоминать о

Беляниново.

Вадиму показалось, что он сходит с ума. Надя стояла в дверях и смотрела на него расширенными от ужаса глазами, такими огромными, что в них уместилось бы море – бушующее, грозное, его волны яростно избивали берег, затем вынужденно и досадливо откатывали назад. Море было и останется чужим. Вадим почему-то сразу понял это: уже разрушено то, что еще толком и не началось, оно было где-то там, на пороге, светлое, согревающее, ласкающее душу в предвкушении чего-то необычного.

Дурман стал проходить, рассеиваться, рядом лежала Виктория, притихшая, еще не остывшая от любовных утех, от всепоглощающей страсти, которая ошеломила обоих, закрутила в вихре и утащила на дно глубокого омута.

– Надя! – Вадим вскочил, видя, как она исчезает в дверном проеме, исчезает из его жизни. Нет, он не даст ей уйти, он все объяснит, он больше не сделает ошибку, когда позволит женщине исчезнуть, так ничего не поняв, не выслушав, не разобравшись. Такое уже было...

Вадим стал быстро надевать джинсы, тело влажное, запутался в раструбах, упал, грубо выругавшись.

– Это бесполезно, – раздался тихий голос Виктории, – она все равно тебе не поверит.

Корецкая села на мокрую лавку в самый дальний угол, вытянула длинные ноги. Обнаженная, распутная, коварная и

лживая. Вадиму в это момент удалось подняться и высвободиться из плена запутавшихся раструбов джинсов. Он сделал шаг и почувствовал в лодыжке нестерпимую боль, такую, что не то, что бежать, ходить было невозможно.

Вадим медленно повернулся к Виктории, выражение его лица потрясло ее: никогда она не видела столько злости и ненависти в глазах мужчины. Он был готов разорвать ее, гнев Антона ничто по сравнению с гневом Вадима. Вика поняла это шестым чувством. Яростью Вадима был наполнен даже воздух, ставший прозрачным. Виктория кусала губы. Она подтянула ноги к подбородку и сжалась в комок, приготовилась к самому худшему.

Вадим смотрел на нее, смотрел, не мигая, он так умел. Смотрел и молчал, это оказалось не просто худшим, это была сама казнь. Виктория была недостойна даже слов возмущения, она ничего, абсолютно ничего, не значила для Вадима. Словно в подтверждение мыслей Вики он все так же, молча, швырнул ей рубашку, давая понять, что его вовсе не привлекает ее нагота, как и все остальное.

Вадим, преодолевая боль в лодыжке, поковылял к выходу. Хлопнул дверью и ушел, оставив после себя брезгливое равнодушие, без единого шанса.

Надя вбежала в дом, рванула на второй этаж за вещами. Здесь ничего нельзя оставлять, чтобы никогда не возвращаться. Она быстро собрала сумку. Дом, который приютил

на целых две недели, который ей так нравился, теперь стал чужим и враждебным, холодным и темным. Душу терзала лишь досада, как она – Надежда Андреева – не заметила, что между Вадимом и Викой возникли чувства? Когда это произошло? Но ведь перед своим отъездом в столицу Вадим хотел с Надей о чем-то поговорить! Неужели о Виктории? Похоже, и Антон узнал об этом, он пришел в ярость и ударил бывшую возлюбленную.

Надя подтянула на плече сумку и пошагала по ночной дороге. Главное, выйти на шоссе, а там можно поймать попутку. Ночью машины тоже ездят.

Надя шла по одинокой дороге, которая освещалась тусклыми фонарями, отбрасывающими удлинённые тени. Андреева оставляла позади ещё один этап своей жизни, Вадим становился прошлым, несбывшимся сном, оторванной струной гитары. Эту песню она не допоеет.

Надя вышла к шоссе, подняла руку. Мимо проскочил автобус, прогрохотали два грузовика, мелькнула иномарка, блеснув металлическим отливом. Через секунду она затормозила так, как тормозят только хорошие тачки – выразительно-рекламно, дала задний ход и подкатила к Наде.

– Девушка, и давно Вы увлекаетесь хич-хайкингом? – из окна высунулся Никита.

Вадим с трудом дошел до машины, нажал на газ.

Нади дома не было, как и не было ее вещей. Вадим все

понял: она ушла, забрав свои вещи, словно подвела итог. Она просто исчезла, как когда-то сделала Настя. Ситуация повторялась, и в обоих случаях Вадим был невиновен, но обстоятельства складывались вразрез с истиной, складывались именно против него. То, что Настя оказалась замужней, и она уехала к мужу, как-то смирило его с реальностью и заставило отступить. Но Надежда! Все было в его руках, и он вполне мог объясниться, но тянул и не решался, а когда решился, позвонила мама и сообщила о болезни отца. Надо было взять Надюшку с собой.

Вадим вернулся в машину, еще есть шанс все исправить, Надя не могла далеко уйти. Конечно же, она ушла к шоссе ловить попутку. Вадим повернул ключ зажигания, мотор жалобно вздохнул и заглох, еще раз – то же самое. Автомобиль никуда ехать не желал, ему не было никакого дела до того, что решалась судьба его хозяина.

Вадим, хромая и стараясь не обращать внимания на боль в ноге, пошел к шоссе. Только бы успеть!

Надя собиралась сесть в попутку, уже бросила на сиденье сумку.

– Наденька, подожди! – сердце Вадима рвалось из груди. Девушка обернулась, увидела его, хромящего в свете дорожных огней. Господи, ничего не надо!

– Я должен поговорить с тобой, – Вадим шел торопливо, морщился, подтягивал ногу, но шел. Наконец, добрался до того, места, где стояла Надя. Зачем она ждала его? Сама не

знала, могла бы просто сесть в машину и уже уехать. Но не получилось, что-то держало?

– Мне надо ехать, – сказала холодно, голос чужой.

Из машины вышел Никита, он с любопытством уставился на Вадима, который, похоже, и не заметил его. Зорин выглядел взъерошенным, возбужденным, рубашка расстегнута, хромает.

– Ты можешь хотя бы выслушать меня? – Вадим взял Надю за руку, девушка вырвалась, прижалась к машине.

– Я давно хотел сказать, что я люблю тебя, Надя! Я люблю тебя и хочу, что бы ты была со мной. Неужели ты ничего не поняла?

– Вадим, пожалуйста, отпусти меня, – попросила жалобно и устало, – не надо объяснений. Мы чужие друг другу, это твоя жизнь. Ты делаешь то, что считаешь необходимым. Я здесь ни при чем. Не надо оправдываться и не надо лгать. Если ты хочешь быть с Викой, пожалуйста, я не стану мешать. Твои чувства, твои поступки, твоя любовь – все это меня не касается.

– Не касается? – переспросил Вадим. – Тебя не касается то, что я люблю тебя? Тогда почему ты убегаешь? – взвился он. – Ты увидела нас... меня с Викторией, подумала, что мы... что я... Это все недоразумение. Между нами, – Вадим замолчал, вдруг осознав, как нелепо звучат его объяснения, Корецкая предупредила, – я думал, что это ты...

– Ребята, я прошу прощения, – вмешался Никита, – но

нам необходимо ехать. У нас тоже проблемы и довольно серьезные. Мы теряем время, правда, Николая?

Надя только сейчас заметила, что за рулем сидит Фертовский.

– Я еду с вами, – она решительно села в машину.

Вадим озверел, зарывчав, стукнул по капоту.

– Ты садишься в машину к моему брату, уезжаешь с ним и еще упрекаешь меня? – то была ревность, возвращенная Викторией. – Все женщины двуличны. Пока я отсутствовал, ты ходила на свидания к Николаю.

– Что?! – Надя ушам своим не поверила. Фертовский нахмурился, Вадим был явно не в себе и нес вздор, который еще больше все запутывал.

– Послушай, Вадим, – Николай вышел из машины, – я не знаю, кто тебе сказал про свидания, но...

– Ты станешь отрицать, что влюблен в Надежду? – перебил его Вадим. – Коль, я не глуп, я видел твой интерес.

Фертовский молчал, и молчание это было красноречивее слов.

– Надя, – Вадим не знал, что ему делать, отчаяние и безысходность рвали душу на части. Как все исправить? Как сделать так, чтобы Надежда поверила, что в той злополучной бане он любил ее, именно ее?! Целовал ее губы, смотрел в ее глаза, гладил ее волосы. Он не виноват, что был околдован, что попал в мистическую ловушку Купальской ночи. – Я люблю тебя! Тебя, а не Викторию. Это ошибка, меня то-

же обманули. Я ехал сюда и мечтал только о тебе, я несколько раз звонил в Беяниново, но никогда не заставал тебя, – он готов был пасть на колени. Ревность и ярость отступили, остались лишь боль и сожаление. – Я хотел, чтобы ты стала моей, ты, а не Виктория.

– Поздно, Вадим, слишком поздно, – Надя села в машину, подняла стекло.

– Ты останешься с моим братом? – крикнул Вадим вслед. Ответ заглушил грохот летящих автомобилей. А был ли ответ?

Глава 48

Вадим с трудом дошел до дома, телом овладела такая слабость и так болела нога, что он едва двигался.

Виктория сидела на лестнице второго этажа, увидев Вадима, встала, одернула платье. Создавалось непреодолимое ощущение, что в жизни всех участников случившегося прошел торнадо и оставил после себя одни разрушения. Пусто и тихо, свет горел лишь в кухне, поэтому холл тонул в полумраке. Вадим увидел Викторию и остановился посередине холла.

– Я так понимаю, что должна немедленно убраться отсюда, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал и не выдал ее внутреннего волнения. Ей бы радоваться, что она осуществила задуманное, она добилась: Надя и Вадим не вместе.

Но на душе было почему-то скверно, да и Вадима жалко. Он любил Надю, любил искренне, в любовной агонии он шептал ее имя. А Вика все еще не хотела этого понять, не хотела? Не могла? Она ведь привыкла получать желаемое и никогда не задумывалась о цене, не брала в расчет чувства других. Получилось, что сегодня ночью в коварстве превзошла саму себя, хотя и не ожидала этого. До конца не осознавала, что делает. И совсем уж не рассчитывала, что ее, казалось бы, невинное зелье не просто одурманит голову Вадиму, а сделает так, что он примет ее за Надю. Рецепт был прост, но на практике выявил побочные эффекты.

– Что же ты со мной сделала? – тихо произнес Вадим, он сел прямо на пол, прислонился прямо к стене, рядом – подставка для зонтиков, на ней забавная деревянная кошка, которая, казалось, вот-вот мяукнет. Она смотрела черными блестящими глазами и знала все про всех. Ведь не зря же она сидела недалеко от входа, сидела и наблюдала.

– У меня есть единственное оправдание, – Виктория спустилась, подошла к Зорину.

– Зачем? – казалось, он не слышал ее. – Зачем ты это сделала? Ты же знала, что я люблю её! Ты слышала, как я говорил об этом.

Вика сделала несколько шагов по направлению к Вадиму, из-за полумрака и близорукости она плохо видела его лицо.

– Да, слышала, – согласилась Корецкая, – но я думала о себе. Что мне было делать? Как избавиться от того, что я

чувствовала? Я боролась, убеждала себя, уговаривала, но это оказалось сильнее. Ты вызвал во мне слишком глубокие чувства, я думала, что неспособна на такое. А твоя холодность и безразличие только усиливали мои желания. Ты сводил меня с ума одним лишь взглядом, одним лишь словом.

Вадим поднял голову.

– Я не очень понимаю, – признался он, пожал плечами.

– Да все ты понимаешь, – отмахнулась Виктория, – только глупцу не ясно, что я люблю тебя! – Уф! Наконец-то она произнесла это вслух. Будь что будет. – Но ты уверен, что мои чувства к тебе – каприз, блажь. Ты ведь считаешь меня легкомысленной, вздорной и глупой куклой, которая неспособна полюбить по-настоящему. Ты говорил об этом Антону, я знаю.

Вадим промолчал, злиться не было сил. Упрекать, винить во всем Викторию? Слушать любовные излияния Корецкой он тоже не хотел, они смущали, сбивали с толку. Он так устал, что думал сейчас только о сне.

Зорин с трудом поднялся и поковылял к своей комнате, Виктория – следом. Она понимала, что должна уйти, уже ничего не осталось, Вадим не желал ее слушать. Но так хотелось побыть с ним еще несколько драгоценных секунд, запомнить его, запечатлеть в памяти образ, ведь они больше никогда не увидятся.

– Надеюсь, то, чем ты меня одурманила, не смертельно? – спросил Вадим, чувствуя, как на него сон наваливается с та-

кой силой, словно наглотался снотворного. Он снял обувь, носки, на это хватило сил, но не более, лег прямо в одежде и на одеяло.

– Нет, – помотала головой Виктория, – это просто трава, ее действие кратковременно.

– Спасибо и на этом, – он с трудом разлепил веки, посмотрел на Вику, она опустила глаза. Вадим даже предположить не мог, что ради него женщина пойдет на такое... Да она просто сумасшедшая!

Вадим отключился. Виктория вздохнула. Вот и думай, что хочешь, она ожидала от Вадима бури гнева, града упреков, ненависти, ведь она, действительно, все испортила. Надя уехала, по всей видимости, его не простила, не поверила. Конечно, разве в такое поверишь и простишь? Только сейчас Виктория осознала, что потеряла еще и подругу. Антона она прогнала сама, для Нади Вика – предательница, Вадим по-прежнему равнодушен к ней. И что хорошего? Чего она добилась?

Вадим пробормотал во сне что-то нечленораздельное.

«Никогда не жалею о том, что сделала», – вспомнились слова бабушки, которые та часто повторяла. В молодости была красавицей и по натуре авантюристкой.

Виктория подошла к Вадиму, внимательно посмотрела на него: ничего не могла с собой поделаться, нравился ей этот мужчина, безумно нравился. Нравился его характер, взгляды, он нравился ей весь. Да, весь, начиная от жестких корот-

ких волос, густых черных ресниц, накаченных мускул, круглых упругих ягодиц, сильных ног и крупных ступней. Ей даже нравились его ступни, ровные пальцы, в меру длинные, такие настоящие, мужские. Кожа на них и на пятках мягкая, ухоженная. Где-то в районе щиколоток была видна темная растительность. Никогда еще Виктория так не любовалась и не разбирала по детально мужчину, который находился рядом с ней. Ужасно захотелось погладить его, ласково провести ладонью, доставив удовольствие не только себе. Она почти решилась на это, но, разобрав, что Вадим шепчет имя подруги, назвала себя дурой и перестала грезить. Покинула его комнату, тихо закрыв за собой дверь.

– Куда мы едем? – встревожено спросила Надя, она заметила, что Фертовский под мостом развернулся и съехал с шоссе.

– Мы обязательно довезем тебя домой, – успокоил ее Никита, – однако перед этим тебе придется прокатиться с нами, Надюша. Мы направляемся в районную больницу, туда рванула наша главная актриса, – последние слова он произнес значительно громче, из чего Надя заключила: Никита злится на Ксению.

– Она заболела?

– Не думаю, – Никита посмотрел в окно, дорога стала уже, то здесь, то там мелькали асфальтовые заплатки, а кое-где аккуратно выстриженные прямоугольные ямы, которые Ни-

колай старательно объезжал. Он по обыкновению молчал, предоставив Никите вести диалог. Надя чувствовала неловкость после всего, что произошло. В кучу смешалось все: Вадим, Виктория, признание Фертовского в любви, ее отказ, Купальская ночь. Интересно, что чувствует отвергнутый мужчина? Надежда поглядывала на него исподлобья. Плотные сжатые губы, прямой нос, в профиль ресницы длинные, он, не отрываясь, смотрел на дорогу, руки свободно лежали на руле. Руки, кисти не очень крупные, но и не мелкие, пальцы ровные, заметны жилы, ногти аккуратные, правильной формы, безупречной. «Только в нем и хорошего, что умеет целоваться да руки красивые», – с досадой подумала Надя и опять посмотрела на Фертовского. Он не стал отрицать при Вадиме, что равнодушен к ней, а тот плел какую-то чушь про свидания, упрекал и ревновал. Надя даже слегка улыбнулась, она не помнила, чтобы мужчины конфликтовали из-за нее. И, наверное, не так уж и важно, что один из них оказался предателем, а второй упивается собственным происхождением. Кстати, если они родственники, то и Вадим – аристократ? Граф из деревни Беляниново.

Наконец, автомобиль подкатил к больнице, небольшое трехэтажное здание, местами краска облупилась. У крыльца ярко горел свет.

– Я пойду с вами, – решительно сказала Надя и вышла из машины. Не останется она здесь одна.

– Валяй, – согласился Никита, он все еще злился. Должно быть, Ксения серьезно провинилась.

Она сидела в холле, жива-здоровая, только волосы взлохмачены и глаза испуганные.

– Госпожа Туманова, извольте объясниться, – процедил Никита, плюхнулся рядом с ней. – И что мы должны думать?

– А что вы должны думать? – глупо переспросила Ксения, смотрела куда-то в пол. Странная какая-то.

– Ты срываешь съемки, уезжаешь, черт знает куда, толком не объяснив! Потом кидаешь короткое сообщение. И как, по-твоему, мы должны реагировать? Ксюнь, мы и так отстаем от графика. Ты моей смерти хочешь? – Никита закатил глаза.

– Что произошло, Ксения? – спокойно спросил Фертовский, в отличие от Никиты он проявлял беспокойство, прежде всего, за саму Ксению. В такие минуты сдержанность мужчины просто бесценна. – Почему ты уехала в эту больницу?

Надя невольно перевела на него взгляд, но он смотрел только на Ксению, Надю вообще не замечал.

– Мне позвонили и сообщили, что Антон попал в аварию, – стала объяснять Ксюша, сейчас ей легче было разговаривать с главным оператором, чем с режиссером.

– Антон? – удивился Никита. – Какой Антон?

– Антон – друг Вадима, вы познакомили нас в его доме, – она начала нервничать. – Вчера утром Антон уехал из Беля-

ниново, гнал по шоссе как безумный, попал в аварию. Его отвезли сюда, когда Тоша пришел в сознание, попросил позвонить мне. Я приехала, – она сделала паузу, – Николай Владимирович, Тоша попросил меня подумать над тем, чтобы я стала его женой, – глаза ее заблестели.

– Нет, она точно решила меня добить, – Никита обхватил голову руками.

Глава 49

Вадим проснулся рано утром, несмотря на то, что проспал всего пять часов, почувствовал себя бодрым. Не было головокружений, слабости, тумана в голове, даже нога не болела, остались лишь горькие воспоминания. Он ожидал совсем другой финал.

Вадим откинул одеяло, которым был заботливо укрыт, обнаружил, что спал в одежде, рубашка была изрядно помята. Хорошо, что он хотя бы обувью догадался снять или её сняла Виктория?

Виктория... он вздохнул. Беда с этой девицей.

Он принял душ, обмотался полотенцем и зашел на кухню, совсем не ожидая, что в ней будет Корецкая.

Вика не спала всю ночь, еле дождалась утра, несколько раз подходила к двери комнаты Вадима. Знала, что надо уехать, но никак не решалась, что-то держало. Не что-то, а кто-то – Вадим. Все-таки надо услышать прощальные слова и поста-

вить точку. Да, эта ночь была ночью раздумий и переоценки. Вика стояла у окна и, щурясь, наблюдала за улицей. Тишину утра нарушила проехавшая машина, да два кота, которые сидели рядом с забором и угрожающе орали друг на друга. В Беяниново все еще спали, Купальская ночь была бурной.

– Хорошо, что ты проснулся, – Вика увидела Вадима, смущенно улыбнулась. Он досадливо крикнул, подумав о том, что прошел на кухню прямо из душа, обмотавшись лишь полотенцем. Некстати вспомнил, как плотоядно на него смотрела Виктория при первой их встрече, он тогда был в одних джинсах.

– Я дождалась тебя, чтобы попрощаться, – пояснила девушка, – мои вещи собраны. Машина ждет в гараже. Так что мне ничего не мешает уехать. Каникулы закончились.

Вадим молчал, лишь внимательно смотрел на неё. Перед ним больше не было победительницы – Виктории. Она словно резко повзрослела, перестав жеманиться, кокетничать, играть на публику, привлекая к себе внимание. В глазах усталость и, кажется, грусть.

– Я надеюсь, когда-нибудь ты сможешь простить меня. Вадим, я сожалею, что причинила тебе боль, – она взяла со стула дамскую сумку, посмотрела на часы. Пора. Если бы можно было повернуть время вспять, Вика ни за что не поехала бы в Беяниново.

Корецкая прошла к двери, обернулась. Как бы не заплакать! Жалость к себе сдавила горло.

– Мне было хорошо с тобой там, в бане! Просто восхитительно! Я никогда подобного не чувствовала, и дело не в физической близости, я любила тебя всем своим существом, я впервые отдавала себя мужчине без остатка и переживала при этом самые чудесные мгновения своей жизни. Я поняла, что отдавать – гораздо большее наслаждение, чем получать. Я знаю, что ты меня не любишь, да и, наверное, не полюбишь никогда, но теперь это неважно. Я знаю лишь одно: ничего не происходит просто так, – она сделала паузу. – Прощай, Вадим!

– Виктория, – он потянул ее за руку, был сбит с толку такими речами, не знал, как реагировать, что говорить. Эта рыжеволосая девица с самого начала доставляла ему неудобства, раздражала, все говорила и делала не так. Сплела такую интригу, что заслужила не просто презрения, а ненависти. Но сейчас Вадим ненависти почему-то не чувствовал. А ведь Вика обманула всех, знала и терпела, когда Вадим в Купальскую ночь любви называл ее чужим именем. Но ведь он физически целовал именно ее губы, чувствовал ее тело, жар ее лона. С ума можно сойти! Получается, что он любил одновременно двух женщин. Это никак не укладывалось в голове.

Виктория подошла к Вадиму, их лица оказались близко, глаза в глаза. Еще движение и губы слились в поцелуе. Поцелуй получился каким-то нервным, дыхание перехватывало не от возбуждения, скорее от отчаянья, от непонятной ситу-

ации, в которой они оказались. Это смахивало на безумие, оба знали, что у них нет будущего, что через несколько мгновений расстанутся навсегда, но на эти мгновения они словно перестали контролировать реальность.

– Ну, все! – Вика первой прервала поцелуй, торопливо отошла к двери. – Я оставила на столе адрес Нади. Может быть, со временем вы помиритесь, найдете компромисс. Надюша отходчивая, она умеет прощать. Ничего не говори, Вадим, я хочу уйти в тишине.

Она быстро вышла из дома, села в машину, выехала как-то странно, неуверенно, едва не зацепила забор. В последний момент крутанула руль и оказалась на дороге. Вадим смотрел в окно.

Никита помог Наде донести сумку до подъезда, приехали в город к полудню. Только ближе к дому Андреева осознала и почувствовала, что совсем не спала этой ночью. Казалось, прошли целые сутки с того момента, как она покинула дом Вадима. Ксения осталась в больнице возле Антона, Никита ворчал всю дорогу, до тех пор, пока Фертовский в довольно резкой форме не объяснил ему, что стоило бы уважать ее выбор, ее личную жизнь. С Надей он по-прежнему не разговаривал, и это ее смущало, заставляло чувствовать свою вину. Он словно безмолвно ее упрекал.

Надя поблагодарила Никиту, достала из сумки ключи.

– Надеюсь, что мы еще пересечемся? – спросил Никита. –

Оставишь номер телефончика? – он хитро подмигнул ей. – Приглашу на свою премьеру.

Николай сидел в машине, курил и бросал короткие взгляды в их сторону.

– Хорошо, буду рада посмотреть ваш гениальный фильм, – сказала Надя, – Спасибо за все! – она неловко чмокнула Никиту в щеку, в последний момент обернулась к Фертовскому. – До свиданья, Николай Владимирович!

– Всего наилучшего! – холодно отозвался он и нажал на газ.

Дома! Наконец-то! Надя бросила сумку в коридоре под самые ноги. Чтобы потом обязательно упасть через нее, в лучшем случае – споткнуться. Мама оставила на столе записку, что уехала отдыхать на дачу к своей сестре, обещала звонить.

Замечательно! Никто и ничто не помешает Наде выспаться. Она быстренько приняла душ и с явным удовольствием залезла под одеяло, свернувшись калачиком, уснула. Все осталось позади: Вадим, Фертовский, Беляниново, бывшая подруга.

Объятия Морфея показались самыми сладкими на свете, пока их не нарушил грубый, бесцеремонный звонок реальности. Звонили в дверь долго и настойчиво. В первый момент Надя отмахнулась, потом мысленно послала незваного гостя далеко и надолго, и все же пришлось вставать, набрасывать халат и брести в коридор. Сонная она, конечно же,

зацепилась за сумку, приземлилась на четвереньки.

– Идиотизм! – пробормотала, потирая ушибленные колени. За дверью стоял Мишенька.

– Привет! – он изобразил на лице подобие улыбки, сверкнули мелкие остренькие зубы. Вошел без приглашения, ловко перешагнул сумку и напрямиком на кухню. Надя постояла у двери, почесала макушку, все еще хотелось спать.

– Чаю хочешь? – вяло спросила Андреева у Мишеньки.

– Хочу, – отозвался он, поискал глазами пепельницу, – я покурю здесь?

Надя кивнула, положила перед ним пепельницу. Села напротив, поставив локти на стол, пристроила на ладонях подбородок.

Соловьев старался не смотреть ей в глаза, вел себя нервно.

– Давно бы купила электрический чайник, – выговорил он, ожидая, пока вскипит обычный. Надя, наблюдая за Мишей, молчала. Ни упреков, ни допросов, ни обвинений с ее стороны не прозвучало. В тот злополучный вечер Соловьев просто забыл о свидании, забыл, что они договорились отпраздновать. Он отправился с друзьями на какой-то стекольный завод, просто так, за компанию. Когда вспомнил про Надю, было поздно. Отключил телефон и решил не появляться. Прошло две недели, а Надя так и не позвонила. Теперь у Миши было время все обдумать, он даже разработал стратегию, которая просто не могла провалиться. За те четыре месяца, что прошли после их первой ссоры, когда Миша под давле-

нием согласился дать Наде еще один шанс, проявив великодушие, по его мнению, он получил колоссальное моральное преимущество, поэтому стал провоцировать ее на срыв. Сначала, конечно, нет. Ему было просто жалко Андрееву. Но со временем понравилось унижать ее, выказывать свое пренебрежение, было даже любопытно: когда же кончится запас ее терпения? Где предел прощения, который может существовать у влюбленной женщины? Надя упорно молчала, тихо плакала за спиной и терпела. Ради чего? Ради глупого мальчишки, который на поверку оказался еще и садистом. Он не любил ее и вообще не был способен на настоящие чувства, не обладал ни умом, ни интеллектом, ни опытом. Вот и сейчас пыжился, хорохорился. Они не виделись две недели, а он ни разу не позвонил, влетел в квартиру, даже не заметил сумку у входа. Ему было все равно.

Заметив спокойный взгляд Нади, даже насмешку, Мише стало не по себе. Что-то не так? Соловьев закурил еще одну сигарету.

– Надя, мы должны расстаться, – наконец сказал он то, зачем пришел.

Глава 50

Выражение ее лица не изменилось, в ответ ни звука. У Фертовского, что ли научилась сдержанности?

– Мы не можем больше встречаться, – осторожно добавил

Мишенька и вжал голову в плечи, расценивая Надино молчание как затишье перед бурей. – Ты красивая, умная девушка, у тебя все еще впереди. У нас ничего не получается, ты же сама видишь, – Соловьев старался говорить так мягко, будто общался с душевнобольной.

– Ты прав, мы должны расстаться, – наконец сказала она, вдруг стало досадно, что он ее опередил, получилось: все-таки Соловьев ее бросает, а не она его. Хотя, какая разница?

– Что?! – он решил, что ослышался. Андреева произнесла это так легко и непринужденно, словно ждала подходящего момента.

– Я, действительно, устала от тебя, – она подошла к окну, раскрыла его настежь, дым от сигарет устремился наружу. – Если бы ты знал, как мне все это надоело. Рядом с тобой я перестала чувствовать себя женщиной, ты только и делал, что вытирал об меня ноги, – Надя говорила это без эмоций, надрыва и упреков, просто констатировала факты. – Я теперь понимаю, что мы должны были разбежаться еще тогда, в марте. Но мне казалось, что я люблю тебя.

– И это не так? – удивился он. Все пошло иначе, чем он предполагал, и она не должна это говорить.

– Нет, не так. И мне печально, что я обманывала не тебя, а себя. До тебя мне, честно говоря, дела нет.

Он вскочил, побежал в коридор, все-таки споткнулся о сумку, вернулся.

– Что произошло за эти две недели, пока мы не виделись?

Андреева села на место. Принесла же нелегкая Соловьева, она вполне еще могла поспать. А теперь приходится что-то выяснять, объяснять. Лучший вариант – разойтись молча, как будто ничего и не было.

– Я поумнела, – усмехнулась Надя, – поумнела и поняла, что ты мне совсем не нужен.

Не подобрав челюсть, Соловьев опять плюхнулся на свое место, схватил сигарету.

– Я рад, – наконец промямлил, хотя особой радости не испытывал.

– Я – тоже. Знаешь, очень утомительно с тобой нянчиться. Я нахлебалась вдоволь, хватит! Ты выпил свой чай?

Соловьев, пораженный переменами, которые так резко произошли в Наде, не знал, что и думать. Она не просто изменилась, она стала другой. Спокойная, уверенная, саркастичная и равнодушная к нему – Михаилу Соловьеву. Еще недавно эта девушка валялась у его ног, молила о любви, ловила каждое его слово, каждый жест. А он словно милостыню подавал. В связи с этим у него развилось просто гипертрофированное чувство собственной значимости.

– У тебя появился другой мужчина? – если это так, то все объяснимо.

– Не твое дело, – Наде неожиданно понравился его жалкий вид, его растерянность и ревность, о которой она раньше и не подозревала.

– Ты решила мне отомстить?

– Ты так влюблен в себя, что полагаешь, я стала бы тратить на это время? Хотя, в чем-то ты прав, ты заслуживаешь мести, но мне лень, правда! Миша, на свете миллионы мужчин, и ты не единственный и не лучший представитель.

– У тебя с ним что-то было? – он сощурился.

– С кем? – Наде хотелось смеяться.

– Кто он? Где вы познакомились? Ты куда?

Андреева пошла в комнату, взяла пакет. Стала собирать в него вещи, которые принадлежали Мише: диски, две футболки, зубная щетка, что еще? Неважно, если что-то найдет – выбросит.

– Я мог бы прийти за своими вещами позже, – заметил Соловьев, косясь на пакет.

– Позже? Когда?

– Ну, завтра, например. Я мог бы прийти вечером.

Надя посмотрела на Соловьева как на сумасшедшего. Он что, действительно ничего не понимает?

– У нас с тобой нет завтра, – спокойно сказала она и протянула ему пакет.

– Мы могли бы остаться друзьями и встречаться как друзья, – неожиданно для себя Миша понял, что не готов к тому, что в его жизни больше нет Андреевой. Те оковы, которыми ему, казалось, она его связывала, теперь не были оковами. И вот что странно: чем больше она хотела от него избавиться, тем меньше ему хотелось уходить. Надя не держала Соловьева, он держал себя сам. – Давай встретимся в среду? У

меня свободный вечер. Мы могли бы погулять.

– Миша, ты в своем уме? – Надя все-таки притащила свою сумку из коридора, Соловьев подскочил ей помочь. – Спасибо, я сама. И вообще, я хочу спать, забирай свой пакет и выкатывайся. Никаких дружеских отношений, никаких прогулок. Надеюсь, больше тебя не увижу.

Соловьев постоял в коридоре еще несколько минут. С самого начала все пошло не так, вообще не надо было связываться с этой истеричной и закомплексованной девицей да еще старше себя. Мотала ему нервы больше года, бегала как собачонка, а теперь хладнокровно вытуривает. Где-то пропала две недели, толком ничего не объяснила, вероятно, крутила роман. А во всем опять виноват Миша Соловьев. Ну и ладно! Не он ли мечтал обрести свободу? Избавиться от Андреевой? Вот и избавился, надо радоваться.

Он нарочно громко хлопнул дверью, сбежал по лестнице, чуть не сбив соседку, которая подметала ступеньки.

Радоваться? Соловьев подошел к своему автомобилю, закурил. Вместо радости на душе скребли кошки. Так бывает, когда ты неуверен, правильно ли поступил. Еще вчера он ни секунды не сомневался, что должен бросить Андрееву, подвести итог этим бесперспективным отношениям. Но сегодня? Сегодня все изменилось! И такой ему Андреева нравилась: решительная, уверенная и независимая. И она не играла, ни толики фальши, в ее глазах было настоящее равнодушие, а слова безжалостно колкие, словно шипы. «У нас

нет завтра. Надеюсь, больше тебя не увижу...» Она навсегда закрыла за ним дверь, таким образом, давая понять, что это именно она – Надежда Андреева бросает своего ненаглядного Мишеньку. Такие разительные перемены свидетельствовали о появлении в ее жизни другого мужчины. Значит, пока его не было, Надя влюбилась в другого?! А как же ее клятвы в любви? Заверения, что она не может жить без Миши? Как после этого верить женщинам?

Соловьев обернулся, посмотрел на окна, затем на балкон Надежды, ни единого движения, занавески не шелохнулись. В стекла заглядывало полуденное солнце, заставляя их блестеть и переливаться, даже глаза слепило.

Соловьев сел в машину, нажал на газ и уехал. Он никогда сюда не вернется.

Наде уснуть больше не удалось, что ни говори, а Соловьев после себя оставил тягостное впечатление. И дело даже не в том, что они расстались. Это расставание оказалось последним звеном в цепочке неприятных событий за прошедшие две недели. Надя лишилась лучшей подруги, разочаровалась в Вадиме, объяснения Фертовского не принесли ей ничего, кроме досады. И венец тому – Соловьев. Хотя, с другой стороны, бытует мнение: когда долго не везет и все рушится, обязательно вслед за этим произойдет что-то хорошее и светлое.

Надя услышала телефонный звонок, когда была на кухне.

– Да!

– Привет, это твоя любимая старшая сестра, – раздался насмешливый голос Лизы, – ты что-то давно у нас не появлялась. Я соскучилась, приезжай, у нас сладкие дыни, вкусные орехи и лечебный бальзам из Казахстана. Мне надо тебе рассказать столько интересного.

Глава 51

В середине октября выпал первый снег и сразу повеяло зимой. Снег лежал на прелых листьях, которые были еще теплыми от недавнего октябрьского солнца.

Да, начало октября выдалось уютным, под ногами шуршал желтый ковер опавших листьев, ветра почти не было. Надя шла на работу ранним утром. По утрам город был погружен в оранжевый фейерверк фонарей, на их фоне листья казались еще ярче.

Ночью прошел дождь, увлажнив землю и листву, которая теперь пахла как-то особенно. Андреева любила запах мокрых листьев, его не спутаешь ни с чем. Как и сам октябрь – последние отголоски лета, медленное увядание, прозрачные лужицы скопившейся воды на красных, коричневых и желтых корабликах клена, стелящийся с ночи туман в осеннем блюзе. Умереть, чтобы воскреснуть, в этом философия и смысл жизни.

Первый снег быстро растаял, но листва заметно потемне-

ла. Скоро ее снег совсем спрячет, заботливо укрыв землю и погрузив в сладкий сон зимы. Ноябрь уже не в счет, хотя еще и числится осенним месяцем. У Нади в ноябре день рождения и старшая сестра в этом году решила сделать необычный подарок – билеты в театр. Надежда давно мечтала об этом, тем более – «Ленком». Как здорово, что мечту можно осуществить. Лиза взяла билеты и сообщила о театре вскользь, мимоходом. Она всегда так делала, даже самые значительные события своей жизни озвучивала небрежно и спокойно.

Но поход запланировали через две недели, а в эти выходные Надя вместе с мамой поехала в гости к маминой сестре.

Небольшой подмосковный поселок. Здесь живут круглогодично. Есть и газ, и отопление. У тети домик небольшой, уютный. Надя здесь бывала с самого детства и помнила потертую швейную машинку, тетя на ней любила шить, научилась сама. И сервант с хрустальными рюмочками и бокалами, в нем же фарфоровые статуэтки. И фотографии на стенах, где лица ее дочери, внуков и внучки смотрят на тебя – кто настороженно, кто смущенно улыбается. Вокруг дома сад-огород. Особенно хороши яблоневые деревья, много антоновки, они плодоносят щедро, ветви усеяны плодами, кланяются чуть ли не до земли. И запах, дивный, благоуханный! Тетя яблоки снимает, часть продаст, часть варенье сварит, а какие-то сушит на зиму. Поэтому запах и в доме стоит приятный.

Надя обошла участок, огород уже готов к зиме, тетя по-

старалась, урожай снят весь. За забором соседка еще копалась в земле.

– Сходила бы ты, прогулялась, погода нынче хорошая, тепло, хоть и пасмурно, – тетя вышла на крыльцо, поправила на себе платок, совсем плохо слышать стала, уши болят.

– Да, пожалуй, схожу, – отозвалась Надя, вышла за калитку. Подумала и решила дойти до храма, здесь недалеко, на соседней улице. В нем когда-то Надю крестили, младенцем. Тетя и ее муж стали крестными. С тех пор много лет прошло, но Надя ни разу не была в этом храме. Все думала, хотела, то храм был закрыт, то не получалось. К тете ездила не часто, та сама предпочитала бывать у них. Но в последнее время тетя стала слабеть, болячки одолевали. Мужа похоронила, в доме осталась одна. Дочь хоть и навещала, но все основное время тетя жила одна в доме. Общалась с соседками, ссорилась с ними, даже воевала немножко, в силу своего характера. Потом помирились, помогали друг другу в огороде, давали советы, вместе шли в церковь ставить свечки.

Церковь. Надя остановилась возле ограды. Красивый храм, небесно-голубой, был изначально деревянным, построен в XVII веке. Надя осенила себя крестом и несмело вошла внутрь.

Храм был довольно большой, трехпрестольный. Кроме центрального, в нем имелись два придела – в честь святителя Николая и Казанской иконы Богородицы.

Надежда оглянулась – никого. Свечи стояли целыми в

подсвечниках, огонь теплился в лампадах. При входе в храм с левой стороны на полках стояло множество книг, с правой – свечной ящик и иконы на продажу. Надя прошла к праздничной иконе Покрова Богородицы, приложилась к ней.

Тишина-то какая! Словно замерло все. Словно время остановилось здесь и сейчас.

Вдруг алтарная дверь открылась, из нее вышел священник, старенький совсем, худой, тщедушный. Седые волосы собраны в хвост, борода жиденькая. Увидев Надю, он светло так улыбнулся, словно ее давно знал. Чуть прихрамывая, подошел к ней.

– Вы что-то хотели? – спросил ласково.

– Мне бы повидать батюшку Иоанна. Он когда-то меня младенцем окрестил в этом храме, – пояснила Надя, – крестная мне рассказала об этом, она живет здесь, неподалеку, – Надя не собиралась искать священника, в храм зашла случайно, просто с прогулки, но вдруг, увидев батюшку, вспомнила об этом и спросила.

– Ну что же, я и есть батюшка Иоанн, и, судя по всему, именно я крестил вас, – священник улыбнулся. Надя обратила внимание на его ясные голубые глаза, такие глаза бывают у молодых. А батюшка, наверное, разменял восьмой десяток лет.

– Да? – обрадовалась Надя, – как же здорово, что я встретила именно Вас.

– Тогда, Наденька, я Вас слушаю, – мягко сказал он.

Надежде вдруг захотелось поговорить с бабушкой обо всем, что ее мучило, чем она жила в последнее время, о своих бедах, страхах, сомнениях. Захотелось покаяться, простить самой. Нахлынуло вдруг столько эмоций. Вспомнилось многое, в том числе и Беляниново и все, что там случилось. Надя говорила, говорила. Священник слушал, не перебивая, но она была уверена, что он внимает каждому ее слову. Когда Надя умолкла, бабушка несколько минут молчал, словно о чем-то думал, затем сказал:

– Милости больше, чем мы думаем, милости и любви. Надо лишь сердце открыть, почувствовать, сколь мы угодны, сколь нужны. Довериться мудрости происходящего. Увидеть пользу в каждом человеке, приходящем в нашу земную жизнь, пользу и нужность. Но видеть, прежде всего, сердцем. Поверхностное суждение несет в себе обман, зри сердцем. Надо научиться прощать и самим. Все так просто, добро добром и вернется. Не надо жить лишь своими нуждами, своим я, благо отдавать себя другим...

Надя пока шла домой, все вспоминала слова, сказанные бабушкой. Запомнилось все, что он сказал, каждое слово. В какой-то момент она заплакала, но это были хорошие слезы, слезы очищения, душа затрепетала словно, раскрылась. А еще Надежда ощутила радость, нежную, благостную, мир словно изменился, стал добрее.

– Погуляла? – спросила тетя, завидев Надю, они с мамой сидели на табуретках во дворе дома, ловили последние теп-

лые деньки осени.

– Да, – кивнула Андреева. – Хорошо так. Даже поговорила с бабушкой Иоанном.

– С каким это? – не поняла тетя.

– Ну, с тем, в храме, представляешь, крестная, – радостно сообщила она, – я познакомилась именно с тем бабушкой, который меня окрестил. Бабушка Иоанн.

– Надя, ты что-то перепутала, – нахмурилась тетя, – в нашем храме нет бабушки с таким именем.

– Ну, ты же сама рассказывала, что меня крестил бабушка Иоанн, – удивилась Надя.

– Верно, – кивнула тетя, – только, сколько лет назад это было? А того бабушки уже нет в живых поди как лет десять. Да, точно, летом и было десять лет, как он ушел в мир иной. Было бабушке, считай на тот момент за семьдесят, – она вздохнула, – хороший был, добрый, терпеливый. Глаза голубые-голубые.

– Но как же так, крестная? Я же видела его!

– Ты, наверное, имя перепутала. Так бывает, – улыбнулась тетушка. – Нам могут являться святые, такие случаи знает история, но это далеко не всем, и лишь в особых случаях. А бабушка Иоанн был хоть и добрым человеком, светлым, а все же не святой.

Надя обомлела. Что же это получается? Бабушку она видела своими глазами, разговаривала с ним, все ему рассказывала про себя, а он уже как десять лет назад ушел из жизни?

Но вот от встречи-то этой страха не осталось, только тепло и успокоение, удивительное, ласковое. А главное, возникло ощущение, что она – Надежда Андреева на пороге чего-то нового, хорошего.

Спустя три дня после этих событий Андреева зашла в супермаркет, мама просила купить хлеба.

– Надя? – услышала она за спиной, обернулась. От такой неожиданной встречи растерялась и молчала. – Можешь, конечно, думать обо мне самое худшее и сердиться, но я искренне рада тебя видеть, – сказала Виктория и улыбнулась. Что-то в ней изменилось за прошедшие месяцы, даже внешность стала другой – не было броского макияжа, ярких тонов в одежде. – Давай поговорим? – попросила она. – Здесь рядом есть хорошее кафе, пожалуйста! Мне столько тебе надо рассказать и, прежде всего, извиниться.

– Хорошо, – согласилась Надя, она все еще была растеряна.

Виктория сразу заказала горячий шоколад, такой, как любила Надя. Сели друг напротив друга, обе чувствовали неловкость.

– Как твои дела? Как учеба? – Виктория первой прервала молчание. Она рассеянно и близоруко смотрела на входящих в кафе, наматывала на палец локон. Надя вдруг осознала, что соскучилась по этим ее привычкам, жестам, по веселости и легкости характера, по ее бесшабашности и оптимизму.

– Я осталась должна за платье, – вспомнила Андреева.

– Ерунда, – отмахнулась Корецкая, – это мой подарок. Могу я раз в жизни сделать дорогой подарок, в память о нашей дружбе?

– В память? – переспросила Надя и улыбнулась. – Думаю, нам еще рано говорить о памяти.

– Но разве можно забыть то, что я сделала?

Принесли заказ, и Надя с наслаждением опустила ложку в густую темно-коричневую массу шоколада, аккуратно подняла со дна более светлый слой, перемешала их, сделала что-то вроде палитры художника с разными оттенками. Вика заморожено наблюдала за всеми манипуляциями Надежды с шоколадом, это свидетельствовало о том, что Надя в хорошем расположении духа. Неужели она больше не злится на Викторию? Ведь после возвращения из Беляниново Надя не отвечала на ее звонки, игнорировала сообщения.

– По сути дела, я предала тебя, – добавила тише.

– Я обиделась не на это, – Надя подняла на нее глаза.

– На что? Ведь тебе нравился Вадим? А я...

– Ты влюбилась в него, да? – Надежда это давно поняла.

Все стало на свои места: выходки Виктории, ее слезы, перепады настроения, ссора с Антоном, разговоры о Фертовском.

– Я с ума по нему ходила, – призналась Корецкая, – я не знала, что делать со своими чувствами. А он их будто нарочно разжигал холодностью и презрением.

– Почему же ты мне не сказала об этом? Зачем надо было закручивать такую интригу против меня? Ведь я еще не

начала встречаться с Вадимом. Да, он мне нравился, с ним я чувствовала родство душ, общность взглядов, но я не чувствовала того, что чувствовала ты. Мы могли бы поговорить об этом и решить, что делать. Но ты упорно молчала. Молчала как мой недруг, противник, ты была на другой стороне баррикад.

– Прости меня! – в глазах Виктории заблестели слезы. – Я мучилась, не знала, как правильно поступить. Ты так восхищенно отзывалась о Вадиме, забыла о Мишеньке, да и сам Вадим проявлял к тебе чувства, которые теплели день ото дня. Я отчаялась, Антон обо всем догадался и ударил меня. Потом появился Фертовский, который был неравнодушен к тебе, я сразу это поняла. Он страдал, так же как и я, поэтому невольно и не догадываясь, стал моим сообщником. Но ты отвергла Николая и тогда я, услышав о чудесах Купальской ночи, придумала план и решилась... – она замолчала, перевела дух. Сколько раз в голове прокручивала этот разговор, приводила убедительные и красноречивые доводы, которые бы ее оправдали. А на самом деле все прозвучало как обвинительный приговор. Виктория все запланировала заранее, да еще примешала сюда колдовство.

– Чудеса Купальской ночи? – не поняла Надя. До этого было все более или менее понятно: страсть, ошибки, молчание, страхи.

Виктории пришлось рассказать и о траве, которую она использовала в бане, настоящий галлюциноген. Вадим, дей-

ствительно, ничего не знал.

– Просто невероятно, – покачала головой Надежда.

– Вадим принял меня за тебя, он говорил о своих чувствах, о своей любви. Он думал, что я – это ты, – признала со вздохом Виктория. Ну, вот она все и рассказала, будто камень с души свалился. Правда, теперь Надя точно не станет с ней разговаривать.

– Понятно, – Андреева нахмурилась.

– А ты так и не виделась с ним? Он не приезжал?

– Нет, – она покрутила в руках стакан с водой, его всегда подают к шоколаду.

– Ты когда-нибудь простишь меня? Я сломала твою судьбу, но и сама осталась ни с чем. Вадим меня не простил.

– Знаешь, может и к лучшему, что у меня с ним так ничего и не получилось. Все-таки мои чувства носили, скорее, дружеский характер, в какой-то момент я принимала их за влюбленность, но я ошиблась. Вадим-друг был мне гораздо дороже.

– Значит, у меня есть надежда, что ты меня простишь?

– Надежда есть всегда, тем более что я сама – Надежда. Только одно условие, – она сделала паузу, – пообещай мне, что никогда не станешь секретничать и отмалчиваться, если дело касается нас двоих. Всегда можно все утрясти, уладить, объясниться, наконец. Недомолвки и недоразумения гораздо чаще разрушают отношения между людьми. А я не хочу, чтобы наша дружба разрушилась.

– Правда? – Вика в порыве эмоций вскочила и обняла подругу.

– Правда! Если только ты меня не задушишь, мое чудо в перьях, – Надя прижалась к Виктории и вдруг вспомнила слова бабушки: учиться прощать. Это благо и польза.

– Виктория, – секретарша Леночка остановила ее в коридоре, – где тебя носит сегодня? Не могу найти, захожу в пятый раз.

Корецкая помахала папкой с бумагами.

– Надо успеть кое-что доделать перед отъездом, шеф ворчит на меня уже сутки, грозитя отменить мою командировку, – в свое оправдание сказала Виктория.

– Не верь ни единому слову, Егор Степанович тебя просто обожает, я сама слышала, как он хвалил тебя Генеральному. Вика, тебя любят все мужики, – констатировала без зависти Леночка. Она была независтлива. – Поэтому и звонят так настойчиво. Да, да, не делай глаза такими большими, сегодня приятный мужской голос общался со мной пять раз. Передать ничего не просили, и, похоже, звоночек-то личный.

Леночка вырвала из календаря листок с записанным номером. Виктория внимательно посмотрела, номер ей ни о чем не говорил. В следующий момент в приемной зазвонил телефон, секретарша подняла трубку, насмешливо глянула на Корецкую и кивнула.

– Слушаю, – сказала Вика.

– Привет, это я.

– Привет! – хорошо, что рядом оказался стул, ноги так и подкосились. – Как ты узнал номер моего рабочего телефона? Как ты узнал, где я работаю?

У Леночки от изумления вытянулось лицо, она впервые видела Вику в таком волнении, более того, ее лицо покрылось пятнами, и она плюхнулась на стул, чтобы не упасть. Вот так прима Корецкая! Да она просто без ума от этого мужика! И немудрено, у него такой чарующий голос.

– Почему ты не носишь очки? – спросил он.

– Что?! – Виктория дернулась, опрокинула карандашницу, и все ее содержимое рассыпалось по столу. Такие штучки, скорее, в стиле Надюши.

– Я видел, как ты выезжала из гаража, да и вообще...

– Послушай, Вадим, ты звонишь мне, чтобы сказать эту чепуху? – она умоляюще посмотрела на Леночку, та нехотя ретировалась.

– Если плохо видишь, надо носить очки. Думаю, что ты должна бережнее относиться к себе, – заметил он, послышалось щелканье зажигалки.

– Меня раздражает твоя манера не отвечать на вопросы, – выпалила Виктория. Надо же, после ее отъезда из Беляниново Вадим ни разу не звонил, а сейчас говорит о ее близорукости. Бред какой-то!

– Что еще тебя во мне раздражает? – усмехнулся он.

– Ты ложишься рано спать, у тебя в коридоре нелепая

кошка, которая меня вечно пугала в темноте, ты носишь джинсы на размер меньше. Нет, последнее меня не раздражает.

– Нет? – насмешливо переспросил он.

– Нет, – призналась Виктория, – волнуется. Но это ничего не значит, – быстро добавила она. – Почему ты спросил про очки?

– Мне нравятся девушки в очках, они кажутся умнее.

Было непонятно, шутит он или нет.

– Я хочу тебя увидеть, – по слогам произнес Вадим, – завтра вечером у твоего офиса.

– Я не смогу, – Виктория задрожала, голос осип, – сегодня вечером я уезжаю в командировку в Санкт-Петербург.

– Хорошо, встретимся там, – он отключил телефон.

Остолбеневшая Виктория сидела с трубкой у уха и слушала короткие гудки до тех пор, пока не появилась Леночка. Она отняла трубку и встревожено покачала головой.

– Тебе плохо? Кто звонил?

– Мне хорошо, – растерянно ответила Вика и вышла из приемной, забыв папку на столе.

Глава 52

Лиза сосредоточенно смотрела на телефон. Черного цвета аппарат созданный, наверное, еще во времена революции, такой древний на вид, сейчас предательски молчал. А ес-

ли тишину и нарушал его пронзительный голос, среди звонивших не было того, кого Лиза ждала уже неделю. Да, целую неделю Иван не звонил, хотя и был на работе, Лиза проверяла. Тайком, конечно. Зеленый «Москвич» Ивана каждое утро стоял возле проходной предприятия. Лизавета шла утром по территории, оборачивалась, замедляла шаг в надежде столкнуться с Иваном, но он как назло нигде ей не попадался. Лизе это обстоятельство стало казаться странным. После возвращения из командировки они встречались уже несколько месяцев. Отношения развивались бурно и стремительно, Иван прикладывал к этому все усилия. К загородным пикникам он готовился тщательно и щедро, покупал самое дорогое, нисколько не озадачиваясь безмерной тратой наличных. Он неплохо целовался и в постели был раскрепощен беспредельно, чем смущал Лизу, особенно сначала. Она неохотно экспериментировала, часто была зажата и стеснялась своего тела. С мужем происходило по-другому, Боря не любил эксперименты, он был предан своим привычкам абсолютно во всем. Так надежнее.

Лизавета едва дотянула до пятницы, Иван не звонил. Она решалась все утро, приходила в свой кабинет, уходила, возвращалась. После обеда села за стол и уставилась на телефон. До конца рабочего дня оставалось немногим больше трех часов. Странная неделя, какая-то пустая. Вроде бы и работы много и вопросов тоже немало, которые необходимо решать, опираясь, скорее, на интуицию, чем на знания, а в голове

совсем другое. Иван! Почему он не звонит? Что могло случиться? Она уже привыкла к его звонкам, к его объятьям, к его губам. Она впустила его в свою жизнь слишком глубоко и быстро, а теперь не представляла, что будет делать, если Иван из нее исчезнет.

Лиза все-таки решилась и набрала номер телефона. Желание услышать Ивана оказалось сильнее, чем собственная гордость.

Его долго искали, в трубке что-то трещало, в какой-то момент Лиза уже пожалела, что позвонила, сердце билось гулко, под ложечкой неприятно сосало.

– Алло! – наконец она услышала Ивана.

– Привет, это я! Ты мне звонил? А то меня все время не было на месте. – Лизе стало неприятно от нелепости собственных оправданий.

Иван помедлил лишь секунду.

– Да, звонил! Конечно, звонил! – преувеличенно радостно воскликнул он. Лизе еще предстояло узнать то, как искусно Иван умеет лгать и изворачиваться. – Хорошо, что ты позвонила сама! Ты ведь никогда этого не делаешь, – тут же упрекнул он, – а я всегда рад слышать твой голос.

Лиза глупо улыбнулась, почувствовала себя школьницей, которую осчастливили полнейшей ерундой, но все равно было приятно.

– У меня сегодня свободный вечер, – сказала она, начиная опасаться, что в кабинет кто-нибудь войдет, придется разго-

вор прервать и все унижения окажутся напрасными. Такого рода опасения, нет, страх, возникли впервые за все время, что она встречалась с Иваном.

– Замечательно! – отозвался он. – Давай без пятнадцати четыре у проходной? Я буду ждать тебя в машине, – с ходу предложил Иван, но тут же осекся, – нет, наверное, не получится. Мне надо еще кое-что сделать. Лиза, в четыре тебя устроит?

До конца рабочего дня у Лизаветы было приподнятое настроение. Все опасения и сомнения исчезли, словно испарились в свете уходящего дня. Лиза представила себе, как увидит Ивана, она так соскучилась. Они вместе поедут за город, будут романтически кататься по полям, лесам, любоваться красотой осени, а потом...

В самом конце рабочего дня Лизавете пришлось задержаться, ждали конструктора. Она нервничала, то и дело поглядывала на часы. Конструктор пока не появлялся. Время стало проявлять одно из своих удивительных свойств: сейчас, когда дорога каждая минута, стрелки часов летят с молниеносной скоростью. И все-таки Лиза успела, или почти успела. Опоздала всего на пять минут. Перед самым выходом с предприятия она затормозила, поправила прическу, натянула маску спокойствия и легкого отношения к жизни. Иван не должен знать, что она переживала и торопилась.

Лиза вышла из проходной степенно, расправила плечи.

Площадка, на которой обычно стояли автомобили всех сортов и мастей, была пустой. Абсолютно. Возле самой дороги торговка овощами и фруктами собирала пустые ящики и вероятно ждала фургон. Лизавета глазам своим не поверила, посмотрела на часы: семь минут пятого. Возможно, что Иван задержали, но где же в таком случае его машина? Он всегда ставил ее возле проходной. Если нет машины, следовательно, Ивана нет и на предприятии.

Лиза начала мерить шагами расстояние от газетного киоска до торговли с ящиками. Теперь время стало тянуться медленно, стрелки часов на проходной словно замерли. Циферблат большой, стрелки фигурные, эти часы показывали время еще в совковый период.

Лиза ждала долго, наблюдала, как подъехал фургон, погрузили ящики с остатками фруктов и овощей, погрузили и пустые. Затем фургон уехал, прорывчав напоследок и оставив после себя бензиновое облако.

Может, что-то случилось? Лизе надоело смотреть на часы. В какой-то момент ей показалось, что Иван вот-вот подъедет, но надежда быстро погасла, уступив место неприятным предчувствиям. Лиза старалась отогнать эти мысли, но они упрямо лезли в голову. Что-то не сходилось, Иван стал вести себя по-другому, об этом свидетельствовала неделя молчания. Лизавете хотелось думать, что это ей только кажется. Ведь по телефону он был так нежен и ласков...

Она прождала час, в конце концов, села в маршрутку и

поехала домой. Лизу еще никогда так не унижал мужчина. И еще никогда ее душа так не разрывалась от любви и ненависти.

На следующей неделе Лиза испытала настоящий шок и окончательно убедилась, что она потеряла голову как девочка. Уж и думать не смела, что способна на подобное. И чем больше мыслила об этом, тем отчетливей понимала, что не способна справиться с ситуацией. Сердце не желало слушать голос разума. А разве оно когда-нибудь слушает? Только без любви мир понятен и рассудителен, а все самые большие глупости совершаются с горячим сердцем. Оно словно существует само по себе, живет по своим правилам и законам. Теперь Лиза в этом убедилась. Понедельник, вторник, среда... Ни звонков, ни оправданий. И чем больше проходило времени, тем сильнее Лизавете хотелось увидеть Ивана. Обида уже прошла, голос задетого самолюбия затих. Видеть, слышать... Желание превращалось в наваждение. В четверг Лиза была готова на что угодно. Она, воспользовавшись ничтожным предлогом, пошла в цех главной сборки. Долго оправдывалась перед собой, но все же пошла, еще до обеда.

Покрутилась на участке, зашла в архив, стараясь унять волнение и рвущееся из груди сердце, весело и непринужденно там пошутила. Еще раз прошла по участку, неожиданно для себя самой обернулась. Кровь бросилась в лицо. Иван как раз выходил из испытательного блока, но на пороге его окликнули. Лизавета пошла навстречу. С каждым ша-

гом стук сердца становился все сильнее, ноги будто ватные, неужели она еще способна на подобное?

Иван поднял на нее глаза, побледнел, на секунду потерял дар речи. Лиза уверенно направлялась к нему. Иван заметался и не придумал ничего, как пойти навстречу.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! – сказала Лиза.

– Привет! – выдавил он и прошел мимо. Странно дернул шеей и ускорил шаг.

Лиза тупо смотрела на удаляющийся седой затылок. Ей показалось, что она сходит с ума. Сердце перестало колотиться и выскакивать из груди, оно просто ухнуло вниз.

«Привет» и все? Никаких объяснений, извинений, ничего! Он даже не посмотрел на нее, сбежал струсив. У Лизаветы закружилась голова.

– Лиза, ты еще не ушла? – из архива вышла старший диспетчер, дама предпенсионного возраста, большая сплетница, особенно по части адюльтеров. Она заметила убегающего Ивана.

– Видела, как рванул Курилов? – насмешливо спросила у Лизы и, не дожидаясь ответа, прокомментировала. – Ему как Людочка позвонит, так он все бросает и бежит к ней, нет, летит как ракета. С ума по ней сходит.

– Людочка? – переспросила Лизавета и словно очнулась.

– Да, у Курилова самая страстная и большая любовь в жизни. Моложе его на 20 лет, красавица, каких еще поискать, уверенная в себе. Но Ваньке все нипочем, бегают за ней,

предлагал замужество. Людмиле этого не надо, она и так доит его по полной программе. А Курилов хоть и гуляет на стороне, но всегда к Милочке возвращается. Вот это любовь, да?

Лиза, молча, кивнула и побрела к выходу.

Глава 53

За десять дней до похода в театр Надя простудилась, была температура, мучил кашель. Сестра не на шутку забеспокоилась, предложила продать билеты. В конце концов, это не последняя возможность и театр никуда не денется. Но Наде так давно хотелось попасть в «Ленком», она так мечтала об этом, что больше не желала ждать. Ей почему-то казалось, что если она не поедет в этот раз, то не поедет никогда. Все время что-то мешало: отсутствие свободного времени, денег, то было просто не с кем. Ведь страсть к театру должен разделять тот, кто ее испытывает. Иначе теряется восприятие и послевкусие.

На улице хлестал дождь, ветер был порывистым и зябким. Небо, казалось, навеки затянули унылые тучи. Надя долго решала, что же ей надеть так, чтобы и не замерзнуть и выглядеть прилично, все-таки она едет в театр. Мама ворчала, она была против поездки, пригрозила, что пожалуется сестре, но, оказывается, Лиза сама ехала с Надей в театр. И вовсе

не собиралась последнюю отговаривать.

Надя улыбнулась своему отражению в зеркале, расчесала пушистые волосы и спрятала их под капюшон. Мама обиженно покачала головой и ушла в комнату. Младшая дочь всегда отличалась упрямством.

– Ма, я пошла, пока! – крикнула Надя и хлопнула дверью. Лиза уже наверняка ждала на станции.

Наде не верилось, что едет, она всю дорогу думала о театре. Так бывает, когда ты долго чего-то хочешь, мечта начинает осуществляться, а тебе все не верится.

Возле театра было шумно, продавали с рук билеты. Дождь уже кончился, да и ветер стал тише, в лужах тонули тяжелые листья. Перед самым входом в театр Надежда подняла голову: театр был небольшим, но все равно величественным, когда-то Купеческий Клуб, он, конечно же, выделялся из ряда зданий по всей улице. И, несомненно, привлекал к себе внимание. А по вечерам в лучах специальной подсветки казался по-настоящему торжественным. Кроме того, он недавно отметил юбилей, весьма впечатляющую дату, что не могло не придать ему солидности. В этих стенах творили одни из самых замечательных служителей Мельпомены. Их сменяли поколения, одно за другим, они бережно сохраняли традиции, почерк театра и его уникальную узнаваемость. Спектакли «Ленкома» всегда были особенными, яркими, сложными. Надю именно это и подкупало.

Они с Лизой поднялись по широкой лестнице.

– У нас еще есть время, – сказала Лизавета, – можем походить по фойе, – предложила она.

– Да, я хочу посмотреть портретную галерею актеров, – тут же сообщила Надя. Сестра махнула рукой, мол, иди, я догоню.

Лица, лица... молодые и не очень, знаменитые и неизвестные. Некоторые из них уже добились успеха и надолго останутся в памяти, а другим еще предстояло пройти этот путь. И у каждого он будет своим, и многое будет зависеть от самых, казалось бы, непредсказуемых и неожиданных поворотов и событий. Не последнюю роль играл и кинематограф. Он дарил широкую узнаваемость, он с колоссальной быстротой вел к успеху, звездности. Звезда...

Наде почему-то не нравилось это нынче популярное определение. Оно звучало красиво, восторженно, но по сути своей было каким-то отстраненным, отчужденным. Ведь звезды так далеки, так недосыгаемы и равнодушно-холодны. Талант, гениальность, виртуозность – вот настоящие определения. В них виден труд, эмоциональная щедрость, фейерверк чувств, заразительная энергетика.

Да, на сцене больше возможности раскрыть себя. В одном спектакле нет дублей, нет повторов, не должно быть ошибок – все творится здесь и сейчас, и актер не имеет права на халтуру. Потому что ложь и нарочитость ощущаются сразу, с первых минут. Зритель – строгий, но благодарный. Аплодисменты, крики «браво!», горящие глаза, льющийся из зала

поток восхищения и восторга. Происходит мощнейший обмен...

Надежда прошла вдоль портретов, остановилась возле корифеев. Так была поглощена своими мыслями, что не сразу услышала, как за ее спиной разговаривали двое. Капризный женский голос выражал недовольство, связанное с автомобильными пробками в столице, пришлось выехать из дому чуть ли не за два часа. Этого времени вполне хватило бы на уйму других дел, и вообще совсем необязательно таскаться по театрам, есть места, где гораздо веселее. Девушка жаловалась и жаловалась до тех пор, пока ее спутнику не надоело. Он сказал что-то негромко, но резко. Она растерянно умолкла, в этот момент Надя обернулась. Фертовский ее не заметил. С непроницаемым лицом он смотрел в другую сторону, все те же равнодушие и надменность.

– Николая, – заворковала девушка и прильнула к нему, – ну, не сердись, пожалуйста! Ты же знаешь, что у меня был трудный день – презентации, показ, – начала перечислять она.

«Я не сомневалась, что Фертовский встречается с «модельками», – грустно подумала Андреева. С ними встречались в основном все, кто умел зарабатывать деньги, а некоторые, кто не был особенно отягощен интеллектом, женились на них. Напротив Нади находилась типичная представительница племени «моделек». Высокая, длинноногая, с кукольными чертами лица, белокурые волосы с вертикальной химией делали ее лицо еще больше похожей на куклу. Конечно,

одета по последнему писку моды, везде открыто чуть больше, чем надо. Она пришла в театр, чтобы показать себя, но поскольку на нее мало кто обращал внимания, быстро заскучала.

Надя поспешила спрятаться и стала наблюдать из-за укрытия, почему-то не хотелось, чтобы Фертовский ее заметил. Он, наконец, повернулся к своей спутнице, досадливо хмыкнул, почти не разжимая губ, что-то ей опять сказал. Через секунду девица взяла его под руку, и они направились в партер. Ну, конечно же, в партер, куда еще?

Наде и Лизе светил амфитеатр. Вот и замечательно! Меньше шансов столкнуться с Фертовским. Хорошо, что он ее не видел. Пришлось бы здороваться, что-то говорить, выдерживая оценивающие и двусмысленные взгляды «модельки». Знала бы она, как Фертовский еще несколько месяцев назад влюбился в Надю, целовал ее, а потом спас от огня. Этот мужчина страдал. И сейчас, спустя время, много стало видеться в ином свете. Да, объяснение в любви Фертовского оказалось не самым романтичным, даже унижительным, но он хотел быть честным и прямым. Он не скрывал и не лукавил. Самое главное, что он все-таки сказал о своей любви. И глаза его тогда смотрели на Надю совсем не так, как сейчас на худосочную модель. Тогда зачем он с ней встречается? Если он так страстно и горячо говорил Наде о своих чувствах, то почему отдал предпочтение другой?

От возмущения Андреева даже вскочила.

– Сядь! Ты что? – зашипела Лиза, дернув ее за руку. – Спектакль уже начался.

Надя словно проснулась, быстро извинилась и уставилась на сцену. И как это Фертовскому удалось так занять ее мысли, что она совсем забыла, зачем сюда явилась? Надя собралась, шумно выдохнула, сосредоточилась и через минуту забыла о Фертовском. Она с головой окунулась в атмосферу происходящего на сцене и почувствовала приятное волнение, когда на ней появился главный герой.

Однако чем больше Андреева смотрела, тем сильнее изумлялась. Когда-то увиденный ею в кино герой, такой элегантный, сдержанный, невероятно умный, вызвавший неподдельное восхищение, убедил Надю в том, что и в жизни он такой. Ну, или почти такой. И что же? Строгий, явно дорогой, костюм сменили потертые джинсы, волосы жгучего брюнета стали рыжими перьями, в ухе серьга. А манеры? Нет, Надежда, конечно, читала Кена Кизи⁵ и помнила сюжет, но... перевоплощение актера было таким разительным, словно перед ней предстал совсем другой человек. И ей стало смешно, что она приписала артисту черты человека, которого он играл в кино. Известный британский актер⁶ однажды на явный комплимент в адрес своего героя ответил: «Просто я профессиональный притворщик». И ничего иного. Игра актера по сути своей – ложь. Но он заставил поверить, что

⁵ Имеется в виду роман «Над кукушкиным гнездом»

⁶ Колин Ферт

это правда.

И если актеру верят, значит, он максимально убедителен и по-настоящему талантлив. И Надя поверила, слишком органичен он был тогда в этой роли, органичен, целостен. Впрочем, как и сейчас, когда вразвалку ходил по сцене, сквернословил, обманывал, говорил непристойности. Да, в нем, конечно, были и положительные черты, но он был непреодолимо далек от образа Егора Шубина – мужчины-идеала Нади. Нет, она не испытывала разочарования, была слишком разумной, скорее, замешательство, причем от собственной наивности. А ведь прав батюшка Иоанн и еще как, довольно часто мы весьма необдуманно судим о других, принимаем за истину то, что лежит на поверхности. Повешенные нами на человека ярлыки, лишают нас возможности понимания. Мы перестаем видеть в этом человеке что-то, кроме того, что уже видели и приписали ему, как неотъемлемое качество. А если он начинает вести себя не так, как мы ожидали, мы решительно отказываемся в это верить. Найденные нами объяснения его поведению, оказываются ошибочными, мы не в состоянии признать за этим человеком других черт, помимо тех, которые однажды признали.

В какой-то степени это напоминает и театр. Здесь на актере надета маска, которая на время спектакля определяет его роль и при правильном раскладе у зрителя не возникает потребности знать, что на самом деле под ней. Однако любой спектакль имеет финал, и маска перестает что-либо зна-

чить. Человек просто избавляется от нее и становится самим собой. Это и просто, и непостижимо. Особенно, касаясь отрицательных ролей. При высоком профессионализме актера так легко было поверить, что он злодей, и как сложно признать, что этого нет на самом деле. Мы словно теряем доверие у самих себя, мы чувствуем, что нас обманывали, но так искусно, что мы теряемся и находим слишком простой выход, мы не желаем сдаваться и признать, что реальность иная.

В антракте Лизе очень захотелось кофе, она с упоением вспоминала дни своей театральной юности, когда с подружкой ездила в столицу почти на каждую премьеру, а в перерывах между актами спектакля они пили огненный и невероятно горький кофе.

Наде кофе не хотелось, она отправила сестру в буфет, а сама с любопытством стала осматривать настоящую карету, находящуюся в фойе театра.

– Добрый вечер! – услышала где-то сбоку.

Все-таки они встретились!

Глава 54

Виктория нервничала весь день. Ей почему-то казалось, что, как только она прибудет в Петербург, сразу там встретит Вадима. Прямо на вокзале, рано утром. Глупо, конечно.

Таких подвигов можно ожидать лишь от влюбленного мужчины, а Вадим им не являлся. Интересно, зачем ему понадобилось увидеть Корецкую? Когда он говорил ей по телефону о встрече, Вике показалось, что у нее появился шанс...

Но сейчас, спустя сутки, она перестала строить иллюзии. Вадиму слишком многое надо было простить и забыть, кроме того, он никогда не верил в ее способности кем-то серьезно увлечься. А, следовательно, и в ее любовь, о которой узнал там, в Беяниново. Узнал и отпустил Викторрию, нисколько не сожалея и не пытаясь удержать ни на секунду. Впрочем, она сама виновата. И все-таки было жалко себя. Что-то в ней изменилось, словно в другую дверь вошла. Несмотря на все ту же внешнюю уверенность, она теперь часто задумывалась о том, почему с ней произошло такое, каким образом мужчина заставил ее потерять голову, обезуметь от нахлынувшего потока чувств и желаний. Нет, в основе этого лежал не спортивный азарт, Вадим был ей интересен не тем, что проявлял равнодушие. Хотя, не лукавя, нужно признать, что началось-то все именно с этого. Но потом... потом он просто свел ее с ума, околдовал, приворожил, сам того не ведая. А когда все стало таким прозрачно-понятным, он отказался поверить в чувства Викторрии Корецкой – рыжеволосой девицы, взбалмошной, капризной и не очень умной. Со временем эмоции несколько приостыли, чувства потеряли былую остроту, и Вика почти смирилась. Но вчерашний звонок? Он поставил все с ног на голову! От неожиданности

Корецкая наговорила абсолютно не то, что хотела: джинсы, кошка – чушь какая-то! Опять глупо и без содержания. От любви растеряла последний ум.

В гостиницу вернулась вечером, приняла горячий душ, переделалась в более теплый брючный костюм, наглухо застегнула куртку да еще шарф сверху намотала. В Питере на редкость холодный и сырой ветер, а Корецкая ощутила, что легкий насморк уже подхватила. Вика вышла из гостиницы, посмотрела по сторонам. Теперь со зрением проблем не было.

Ветер подхватил концы ее шарфа и ударил ими по щеке. Ударил ощутимо, будто сердился. Ну, вот даже ветер ее не любит! Корецкая с невероятной силой ощутила отчаянье одиночества. Она неподвижно стояла на тротуаре одной из улиц шумного города, ежедневно наполняемого множеством событий и судеб, величественного города истории, в которую вплетались войны, революции, потопаы, «белые» ночи и многое другое. Живая книга.

Вика втянула голову в плечи, опять замотала шарф, неугомонный ветер принялся за капюшон, пытаясь сорвать его с головы.

– Девушка, вас подвезти? – возле Корецкой, взвизгнув, резко затормозил автомобиль, из окна высунулся парень, совсем мальчишка. Широко улыбнулся, обнажив смешные, как у зайчика, передние зубы.

– Я, кажется, не голосовала, – ответила Виктория, ветру

все-таки удалось сорвать с ее головы капюшон. Он тут же принялся трепать волосы, которые стали лезть в лицо.

– Такой девушке, как вы, нельзя гулять одной вечером, это небезопасно, – парень в машине банально пытался завязать знакомство. Виктория усмехнулась.

– Такой как я? – переспросила она. – А какая я, по-вашему?

– Легкомысленная, – вместо парня ответил кто-то другой. Пару минут назад он вышел из гостиницы и поискал Викторию глазами. Подошел большими шагами, черное длинное пальто не застегнуто, на шее белый шарф – настоящий модник, нет, скорее, пижон. Так сказала бы Надя.

Корецкая подняла на него глаза. Сердце колотилось где-то в районе живота, почему-то стало жарко.

– Привет, – выдавила она, – я думала, ты пошутил, что приедешь сюда, – опять сказала не то, что собиралась. Неужели переняла эту привычку от подруги? Или все влюбленные женщины ведут себя как настоящие дурочки?

– Почему пошутил? – удивился Вадим и запахнул пальто. Посмотрел на опешившего парня, который все еще высовывался из своего авто, посмотрел так, словно молнию метнул. Парень разумно решил, что ему пора исчезнуть с поля зрения.

– Послушай, Вадим, – Виктория уже не замечала холодного ветра, грохота проносящихся машин, спешащей толпы, резких сигналов такси, которые подъезжали к гостинице, то

и дело, мешая друг другу, – что тебе надо? – Вике, прежде всего, хотелось прочесть ответ на его лице. Вадим закурил, затачиваясь, прищурил глаза, словно что-то прикидывал в уме. Прочесть ответ на лице? Глупенькая, Корецкая успела запомнить, что очень часто лицо Вадима оставалось бесстрастным. Он не из тех, кто привык выставлять напоказ свои эмоции и чувства. Он не мог быть уязвимым, просто не имел на это права. Как и ошибаться. Ошибки дорого обходятся.

– Тебе идут очки, – наконец изрек Вадим, – я рад, что ты послушалась моего совета.

– Вадим, я... – Виктория нервно сорвала очки. Господи, сколько он будет ее мучить?

– У меня недалеко машина, – перебил Вику Вадим и достал брелок с сигнализацией, – давай куда-нибудь съездим? – беззаботно предложил он. – Можем просто покататься, пообщаемся?

– Пообщаемся? – переспросила Корецкая. Когда-то Вадим считал, что с ней не о чем говорить, нарочно избегал ее общества. А теперь желает общения?

– Все меняется и мы тоже, – словно подслушав ее мысли, сказал Вадим. Он неожиданно так пристально посмотрел Вике в глаза, что та, смутившись, покраснела.

– Я ничего не понимаю, – произнесла тихо, а потом чихнула.

– Еще не пришло время, – махнул рукой Вадим. – Будь

здорова! – тут же добавил. – Так мы едем или нет? В машине тепло, сухо, играет музыка, соглашайся, тем более, что ты, кажется, простыла немного, так?

Чтобы окончательно не свихнуться от происходящего, в частности того, что Вадим сейчас рядом и пытается уговорить ее куда-то ехать, Виктория, молча, отвернулась. Не об этом ли она мечтала? Прошло несколько месяцев, и Вадим появился, словно вынырнул из небытия.

– Пойдем, – он прикоснулся к ее руке. Вика кивнула, с трудом осознавая, что ее опять затягивает в омут, называемый «Вадим Зорин».

Он снял пальто, небрежно бросил его на заднее сиденье автомобиля, в котором, действительно, было очень уютно. За стеклами закружились снежинки. Ветер принес их с севера.

Вадим краем глаза посмотрел на Корецкую, заметил, как она неуклюже возится, разматывая свой длинный шарф, расстегивает куртку и пиджак, под которым тонкая водолазка выгодно обозначила грудь. Ветер все-таки растрепал волосы Виктории, и теперь они крупными кольцами и витками торчали в разные стороны. Заметив, что Вадим за ней наблюдает, Корецкая опять покраснела и смущенно поправила очки, хотя они сидели идеально. Долгое пребывание в салоне оптики оправдало себя.

Вадим завел автомобиль, бесшумно бегая по стеклу, за-

работали «дворники».

– Какой пронырливый мальчишка, – насмешливо произнес Вадим, выезжая на основную дорогу, – чуть не увез тебя. Еще пара минут, и я бы опоздал.

– Я не собиралась с ним уезжать, – отозвалась Виктория. Насмешливость Вадима ее сбивала с толку больше, чем холодность. В Беляниново он никогда с ней не шутил, только с Надюшей.

– Ты видел Надю? – вдруг спросила Виктория. Он переменялся в лице, проехал на желтый свет.

– Почему ты спрашиваешь? – не дождавшись ответа, добавил, – нет, не видел.

– Это странно, – пожала плечами Вика, – я дала тебе и телефон, и адрес.

– Почему странно?

– Потому что ты влюблен в нее! – выпалила она.

Вадим потер подбородок, нахмурился. Ну, почему женщинам всегда надо во всем копать и выяснять? Почему нельзя оставить все как есть? Вадим несколько раз звонил Наде – она не брала трубку, подъезжал к дому – никого не заставал. Значит, так должно и быть. Не сложилось, не совпало.

– Ты ужинала сегодня?

Опять эта манера не отвечать на вопрос, уводя разговор совсем в другую сторону!

– Нет, а что? – с раздражением отозвалась Виктория и

отвернулась. Невозможный человек! Невыносимый! Бесчувственный! Неужели он не понимает, как ей тяжело?!

– Я – тоже. Ресторан – это банально. А давай-ка прокатимся за город к одному моему очень хорошему другу? Там красивый поселок, он находится в настоящем бору. Отведем домашних пирожков, послушаем истории замечательной сказочницы, забудем на время обо всем на свете, просто отдохнем.

Глава 55

Актеры – удивительное племя,

И если умирают, то на время,

Чтоб со слезами пота на лице

Успеть еще поклоняться в конце...

...Вставай, артист! Ты не имеешь права

Скончаться, не дождавшись крика «браво»!⁷

– Здравствуйте, Николай! – Надя сдалась на милость обстоятельством. Сестра, похоже, еще задержится со своим кофе, а Фертовский встал так, словно преградил путь к бегству. Интересно, куда делась его пассия?

– Я не ожидал Вас здесь встретить, – признался он. Не сводил с Нади глаз. Опять эти глаза, черные, словно бархатные, следящие за каждым ее движением. И опять непонятно, что стоит за этим взглядом: не может быть, чтобы она все еще

⁷ Строки стихотворения Л.Филатова

правилась Фертовскому! Он до глубины души оскорбился отказом, чувствовал себя униженным, уязвленным. И ладно бы женщина его круга, а то какая-то неуверенная в себе девица, не аристократка, без особого шика и яркой внешности. Да, начитана, эмоционально чувствена, обладает невероятной живостью и умом, готова бороться со всем миром за истину. Наверное, и любить так умеет, отдавая всю себя, без остатка.

– Ну, почему же? Я тоже, как и Вы, хожу в театр, – иронично заметила Андреева. В следующий момент она наконец-то порадовалась, что предстала перед Фертовским при параде и с нормальной прической.

– Я не то имел в виду, – он смутился. – Просто мы давно не виделись. Как Ваши дела?

– Спасибо, замечательно! А Никита? Вы закончили съемки? – Надя почувствовала, как воспоминания нахлынули приятной волной. Все-таки в Беляниново было и хорошее.

– Осталось совсем немного, – ответил Николай, – последние штрихи. Ксения, как только вышла замуж за Антона, вернулась на съемки, чему Никита был несказанно рад. Виталий сломал руку, наш звукорежиссер ушла в декрет. Вроде бы все, – он смущенно улыбнулся.

– Передавайте всем от меня привет, – сказала Надя. Сейчас она впервые почему-то перестала чувствовать дискомфорт и неловкость в присутствии Фертовского. Напротив, он располагал к себе, явно был рад их встрече и не скрывал это-

го.

– Обязательно передам. Никита обрадуется, он часто вспоминал о Вас, Надя, – Фертовский замолчал, и Андреева поняла, что часто вспоминал ее вовсе не Никита. Эта мысль была ей сейчас приятна. Почему? Она не знала, но время, которое минуло со дня их последней встречи, кое-что изменило. Да и сама Надя стала меняться.

– Как Вам спектакль? – она внезапно сменила тему. Так проще. Еще не готова обсуждать с Фертовским личные темы.

– Замечательный! – отозвался Фертовский. – Прекрасная режиссура, правильно расставлены акценты, мощное психологическое воздействие. Я вообще люблю «Ленком». Как-то я читал, дословно: в этом театре, как ни в каком другом, очень экспрессивные спектакли, они звонкие, яркие, ошеломляющие, много сценических метафор. Главный режиссер – просто мастер театральной фантазмагии, мастер вихрей феерических красок⁸.

– Наконец-то есть то, что мы оба любим! – не удержалась от восклицания Надя, но тут же осеклась, опять сказала что-то не то. Однако Николай смеялся, показывая очаровательные ямочки на щеках. – Простите, я иногда бываю чересчур прямолинейна. Что думаю, то и говорю.

– Вам не за что извиняться, – мягко заметил Николай, – говорить то, что думаешь, по моему разумению, не недостаток. Это исключает двусмысленность, недомолвки и неяс-

⁸ «Серебряный шнур» В.Дубровский – М.:ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2001.

ность, которые, увы, часто сопровождают нашу жизнь. Иллюзии губительны.

Надя покраснела, почему-то ей показалось, что он имел в виду именно ее отказ в Беляниново, изложенный в весьма резкой и категоричной форме. Именно тогда она говорила то, что думала, выражений не выбирала. Слова были словно хлесткие пощечины. Это уже потом, остыв, она спокойно проанализировала ситуацию и предпочла бы несколько иные фразы, хотя исход априори не мог быть другим. Тогда, а сейчас?

– Иногда я думаю, что иллюзии не так болезненны, как резкость правды, – сказала Надя, – чтобы ни происходило, нельзя обижать человека.

– Даже если он заслужил? – Николай отвел взгляд.

– Кто что заслуживает, не нам судить. А время смывает лишние эмоции, никчемные амбиции, оно открывает ложность приоритетов и ненужные акценты. Оно способно отыскать истину. Жаль, что иногда бывает слишком поздно, – Надя внезапно замолчала, заметив, что Фертовский едва ли ее слушал. Это было заметно по глазам. Они не излучали мрачную холодность, как раньше, напротив, стали теплыми, живыми. Они откровенно ласкали лицо Нади, касались ресниц, целовали губы. Просто невероятно, но Андреева опять ощутила его поцелуй на губах! Хотя Фертовский даже не сдвинулся с места. Но Надя чувствовала, как он целует ее, целует нежно, трепетно.

Надя пришла в себя, когда Фертовский отвел взгляд. Он не приблизился к ней ни на йоту. Не может быть, чтобы за несколько секунд она испытала такое! Фантазия настолько разыгралась, что по силе ощущений превысила физическое прикосновение, если таковое могло бы быть. Или так работала память, цепко впитав в себя теплоту от того единственного поцелуя в Беляниново? Надя, Наденька, ты всегда считала себя разумной девочкой! Даже в отношениях с Соловьевым был, скорее, практический подход: у нее должен быть молодой человек, она должна выйти замуж. Она должна быть как все. И неважно, что нет ни любви, ни привязанности, ни уважения. А Фертовский? Вопреки всему, что произошло, сохранить в памяти поцелуй? Андрееву даже в жар бросило... Нет, здесь дело даже не в поцелуе, что-то иное. Неужели этот человек ей может быть близок душевно?

Хорошо, что прозвенел сигнал к началу второго акта спектакля. Лизы все еще не было.

Фертовский увидел свою спутницу, она махала ему рукой.

– Надежда, я вынужден идти, – с плохо скрываемым огорчением сказал он, – я очень рад, что встретил Вас. Можно я как-нибудь Вам позвоню? – последнюю фразу он сказал тише.

– Да, я буду рада Вашему звонку, – она улыбнулась ему так светло, что Николай глазам своим не поверил, именно эта улыбка предназначалась ему. Улыбка Нади.

– Спасибо, Наденька, я обязательно позвоню, – Надя едва

поняла эти слова, они утонули в нарастающем гуле, все направлялись в зал. Фертовский скрылся в толпе.

Андреева озадаченно посмотрела на щупленького мужичка, который продавал розы за баснословную цену прямо в фойе театра. Решение пришло неожиданно.

Лиза появилась лишь на третьем звонке, в буфете была очередь, кофе, конечно, не тот, сцена далековато, проходы узкие. В общем, как всегда всем недовольна. Надя давно смирилась с такой чертой характера сестры, когда временами ей все не нравилось. Надя наслаждалась в одиночку. На ее коленях лежали три огромные пурпурные розы.

– Что за цветы? – Лиза заметила сразу. – Где ты их взяла?

– Купила, – Надя смотрела на сцену.

– Зачем?

– Хочу подарить исполнителю главной роли. И у меня несколько причин для этого.

– И каких же? – снисходительно улыбнулась Лиза. Сестра всегда была чересчур романтична, вечно что-то выдумывала, летала в облаках, мечтала о несбыточном. Теперь потратила такие деньги, чтобы подарить цветы мужчине. Да еще актеру! Какой в этом смысл? Что за блажь? Так ведут себя глупенькие девочки-фанатки, которые своим нелепым обожанием вызывают у знаменитостей лишь раздражение. Достаточно оваций и того, что зал полон.

– Во-первых, он – талантливый актер, который мне, дей-

ствительно, нравится и интересен. Во-вторых, он просто красивый мужчина, – принялась перечислять Надя, – и, в-третьих, он помог мне кое-что в жизни понять до конца, сам того не зная, и я ему за это искренне благодарна.

Лиза пожалала плечами – сестру сложно переубедить, пусть делает, как ей нравится.

И вот последняя мизансцена спектакля. Приглушен свет, тишина такая, что слышно дыхание. Благодаря преданному другу мучения главного героя заканчиваются. Он, покинув, этот бранный мир, наконец, обретает свободу. Душа его превращается в птицу, которая парит над землей. Словно в подтверждение слышны тревожные крики птиц. Все погружается во мрак...

Минутная пауза, сцена залилась светом, и зал утонул в овациях. Герой, живой и невредимый, к всеобщей радости, вышел на поклон.

Надя с трудом пробиралась к сцене. Это один из самых волнующих моментов – восторг публики. Большая масса зрителей находятся в состоянии, называемом катарсисом. Это успех спектакля, успех актеров, венец их непростой работы на сцене. Любовь зрителей дает кураж, уверенность, которая порождает в актере уверенность в себе, и он творит.

Сцена поистине уникальна! Она вызывает страх, трепет, она притягивает и околдовывает. Почувствовав ее в полной мере, человек, говорят, уже не в силах от нее отказаться.

Этот плен вечен, до самой последней секунды, до последнего вздоха. Хороший актер мечтает умереть на сцене.

То там, то здесь слышались крики «браво!». Зрители не желали отпускать актеров.

Надя, наконец, приблизилась к краю сцены и чуть не заплакала от досады: актер ушел за кулисы. Несколько мгновений она растерянно смотрела по сторонам, стояла у сцены одна и не знала, что делать. Проклятое невезение! Оно и здесь ее достало! Даже цветы не сумела подарить.

Вдруг аплодисменты усилились, опять послышались крики «браво!». На сцену вышел он... «Если я подарю ему цветы, – подумала Надя, – у меня есть шанс стать счастливой».

Не веря до конца в свою удачу, Надя забыла обо всем на свете. Она напряженно смотрела, как высокий красивый мужчина приближается именно к ней. Быстрым движением он снял бейсболку, тем самым открыл лоб и глаза.

Глаза! Боже мой! Андреева несмело протянула розы...

Вблизи актер оказался совсем другим, лицо – моложе, взгляд такой теплый и ласковый, что захватывало дух. Искусителя с брутальной внешностью не существовало и в помине. Обычный человек со своими эмоциями, чувствами, победами. Просто он, как многие, старался делать свою работу добросовестно. И ему сложнее, оценивало работу гораздо больше людей. И провалы гораздо заметнее. Две стороны медали. И все-таки черты самого человека пленяют больше, чем профессионализм. Именно он заставляет аудиторию пе-

реживать колоссальные эмоции.

– Спасибо Вам за все! – Надя перестала волноваться и громко произнесла эту фразу.

– Это Вам спасибо, – он ответил одними губами и еще раз улыбнулся. Она протянула ему эти роскошные огромные розы и поблагодарила как-то особенно, словно он, действительно, ей в чем-то помог.

Уходя со сцены, актер обернулся. Девушка исчезла в толпе. Он много раз выходил на сцену, ему в знак признательности не раз дарили цветы, в основном, конечно, женщины. В глазах обожание, восхищение, неудержимая радость оттого, что кумир так близко, рядом. Он уходил со сцены и тут же забывал о многих, хотя актерская память крепкая. Однако были лица, которые трудно забыть. Как у этой девушки. Он знал, что запомнит ее, запомнит обязательно. И если придется увидеть ее еще раз, память услужливо подскажет, где и когда он видел ее робкую улыбку. Она еще не один раз придет на его спектакль и будет пристально смотреть на то, как он проживает тысячи жизней: влюбляется, плачет, сражается, правит государством, умирает и рождается заново. В глазах этой девушки всегда будет восхищение его талантом перевоплощения, красотой, пластикой, темпераментом и искренностью.

Надя быстро спустилась по лестнице, сестра была уже внизу. В гардеробе очередь, но предусмотрительная Лиза по-

кинула зал раньше и терпеливо ждала Надюшку.

– Довольна?

– Вполне, – засмеялась Надя. Одеваясь, она в толпе заметила Фертовского. Настроение было превосходным, словно ей только что выпала удача, самая большая в жизни. Взгляд Николая был точно таким же, как у Александра на сцене – ласковым и внимательным. Он словно видел в ней то, чего не видят другие.

Окрыленная внезапным успехом, Андреева показала знаком Фертовскому «позвони мне!», помахала ему рукой и поспешила за сестрой, которая уже была на выходе.

Глава 56

Приехали быстрее, чем Виктория ожидала. Вадим выбрал почти свободную от автомобилей трассу. Всю дорогу он молчал, аккуратно и уверенно управляя машиной. Снежинки все еще летали в вечернем воздухе. Виктория постепенно успокоилась, допрашивать Вадима не было смысла, что-то выяснять – бесполезно. Надо просто запастись терпением и ждать. Ведь для чего-то он позвонил ей и даже поехал в Санкт-Петербург?

В поселок охранники автомобиль Вадима пропустили беспрепятственно, вероятно, он был здесь не раз. Два поворота, и машина замерла возле невысокой ограды.

Не дожидаясь приглашения, Вика сама вышла из автомо-

билия, огляделась. Место, действительно, было замечательным. Вдоль дороги и между домами росли сосны и ели. Воздух обладал какой-то особой свежестью, пахло лесом, смолой. Казалось, сюда никогда не доберется промозглая и унылая осень. Здесь совсем не было ветра, сырого, порывистого.

По дороге от дома кто-то быстро шел, широко открылись ворота, приглашая гостей. Вадим медленно въехал на участок.

– Добрый вечер! – обратился к Виктории встречающий, он шагнул к ней. И только сейчас она смогла его разглядеть. Фонари, ярко освещавшие двор, осветили лицо молодого человека. Смуглая кожа, словно загорелая, волевой подбородок и щеки покрыты темной, несколько небрежной, щетиной. Прямой нос и синие-синие глаза, в которых притаилось любопытство. Красивый синеглазый брюнет. Красивый по-настоящему – не смазливый, не хорошенький, а мужественный, источающий силу и породу. Да, в нем почему-то сразу ощущалась порода, как в Фертовском.

– Добрый вечер! – Виктория растерялась. То ли из-за того, что мужчина был невероятно красив, то ли потому, что она сразу оказалась с ним наедине. Хотя, раньше такие мелочи ее никогда не смущали, более того, даже нравились. Здесь предоставлялась прекрасная возможность воспользоваться своими чарами, с ходу влюбить в себя мужчину, особенно не озадачиваясь, надо ей это или нет. Просто Вике так хотелось. Но это было раньше, а теперь, теперь рядом был

Вадим, и почему-то хотелось нравиться только ему.

– Будем знакомы, я – Илья, – представился молодой человек.

– Виктория, – она сняла капюшон, пригладила волосы.

– Вадим предупредил меня, что приедет не один, но не сказал, с кем, – Илья улыбнулся. Корецкая обратила внимание на его свитер – белый, с крупными вязаными косами. Хотелось потрогать рисунок. Илья в этом свитере был очень уютным, домашним. Кроме того, белый цвет подчеркивал смуглость его кожи, эдакий испанский мачо на отдыхе.

– Вы уже познакомились? – подошел Вадим, сделал пару затяжек и погасил сигарету. – Виктория, Илья – мой лучший друг, хотя видимся мы не так часто, как хотелось бы. Москва – Питер. Илюшку безумно любят мои родители. Кстати, тебе от них привет, – обратился он к Илье.

– Благодарю, – ответил Илья. – Как-нибудь буду в Москве, заеду именно к ним. А сейчас прошу в дом, – предложил он, – насчет своей персоны не обольщайся, Вадя, моя матушка любит тебя ни меньше и просто так не отпустит. Вам придется пробыть у нас довольно долго.

Виктория глянула на Вадима и в знак протеста покачала головой. Он безмолвно ответил ей «посмотрим».

Поднялись на крыльцо большого одноэтажного дома, совсем несовременного, далекого от понятия «коттедж». Деревянный, с резными ставнями, было впечатление, что дом возник прямо из сказки.

– Усадьбу выстраивал еще дед Илюши, – стал пояснять Вадим, помогая Вике снять куртку в большой прихожей. Даже здесь, в доме, пахло хвоей, – был высоким чином в армии, в поколении четвертом, наверное?

– В пятом, – улыбнулся Илья, – проходите, Виктория.

– Вадичек! – из гостиной навстречу гостям шла женщина. Нет, плыла! Очень грациозно и величественно. Осанка, достойная балерины. Неторопливые движения, томный взмах ресниц, улыбка с безупречными зубами.

– Это моя мама – Вера Ильинична, – сказал Илья.

По примерным подсчетам Виктории даме было около пятидесяти, может, чуть меньше, ведь Илье тридцать, но выглядела она меньше, чем на сорок лет. Казалось, время этой женщины остановилось, так иногда бывает, прекрасная пора расцвета вдруг не подчиняется коварству морщин, оно лишь щедро отбивает такт прожитых лет. До поры до времени.

– Здравствуйте, Вера Ильинична! – Вадим благоговейно поцеловал ей руку, на которой сверкал изумительной красоты перстень.

– Мой мальчик, как я рада тебя видеть! – она погладила Вадима по щеке. С умилением рассматривала его несколько секунд, затем перевела взгляд на Вику.

– Вера Ильинична, это Виктория, – сказал Вадим, – моя знакомая.

– Наконец-то рядом с тобой, Вадичек, милая девочка, – Вера Ильинична улыбнулась Виктории, Вадим закусил губу.

– Да-да, – произнес неуверенно, в следующий момент ринулся, словно спасаясь, к появившейся в дверях еще одной женщине. – Дарья Осиповна!

Она всплеснула пухлыми руками, смутилась, когда Вадим коснулся губами большой натруженной ладони.

– Шкодливым и неугомонным мальчишка вырос в интеллигентного и воспитанного мужа, – сказала Дарья Осиповна, – Вадим, ты еще помнишь, как подбивал Илюшеньку на озорство?

Вадим засмеялся. У Вики от удивления вытянулось лицо.

– Верно, – заметила ее реакцию Вера Ильинична, – Дарья – душа нашего дома, няня нескольких поколений, Ангел-хранитель. Мне кажется, наша Осиповна вечная.

Нянюшка опять смутилась, даже покраснела. На круглом, как луна, лице выступил свекольный румянец. Жидкие букольками волосы были выкрашены в апельсиновый цвет, такой оттенок дает только хна, которой пользовались в «совковые» времена. Глаза тускло-зеленые под нависшими веками казались маленькими, губы тонкие, над ними пушок из усов. Формы Осиповна имела полные, даже очень, двигалась она шумно, переваливалась. Да, несомненно, что эта женщина повидала многое на своем веку.

– Вам бы, Вера Ильинична, все шутить, – няня повернулась к Виктории, – девчонку совсем утомили, вон какая худенькая. И глаза голодные. Я бы уж на славу постаралась, откормила бы. Что хихикаете, глупые мальчишки? Выросли

оба под два метра ростом, а о женщинах заботиться так и не научились. Эх, не тот нынче пошел кавалер, – она так горестно вздохнула, что Виктория ей сразу поверила. Вадим и не скрывал того, что относится к ней всего лишь по-дружески. Вот тебе и примчался в другой город да еще повез ее к друзьям.

Улучшив момент, когда Осиповна и хозяйка дома ушли накрывать на стол, Корецкая подошла к Вадиму.

– Вадим, давай побудем здесь не долго, а потом ты ответишь меня в гостиницу? – шепнула она так тихо, чтобы Илья не слышал. Не хотелось его обижать, он как-то сразу понравился Виктории, и не только из-за комплиментов, которыми он ее щедро одарил. Было в Илье что-то располагающее, искреннее. Кроме того, у него хватало ума не кичиться своим происхождением, явным материальным достатком, он не торопился высказывать свое мнение, всесторонне не обдумав его.

Вадим не успел ничего ответить Вике, у него зазвонил телефон.

– Виктория, – к ней подошел Илья, взял за локоть, – мне бы очень хотелось показать Вам дом, пожалуйста.

Она кивнула, пошла, оборачиваясь на Вадима. Тот отвернулся и, похоже, его разговор по телефону затянется.

Илья кратко, но выразительно поведал Вике историю дома, провел по гостиной, библиотеке, показал гостевые комнаты. Обстановка Виктории понравилась, хотя, вопреки ее

ожиданиям, мебель была современной. Однако так искусно декорирована под старину, что Корецкой все больше и больше казалось: она попала в дворянскую семью прошлого столетия.

– Ты хочешь уехать? – громко спросил Вадим, он стоял в дверях библиотеки. Вика виновато посмотрела на Илью.

– Вам так не нравится у нас? – расстроился тот. – Вы хотите уехать? Но ведь вы даже не поужинали! Нянюшка очень огорчится. Она старалась, прежде всего, ради Вас, Виктория, – тепло произнес Илья.

– Мне очень приятно, но...

– Викторию мало волнуют чувства других, – разозлившись, отрезал Вадим. Он опять себя начал вести как в Беляниново. – Она всегда делает только то, что ей нравится или вздумается. Удобная позиция, необременительная для себя самой. Отсутствие компромиссов облегчает жизнь, не так ли?

Илья торопливо покинул библиотеку, дав им выяснять отношения без свидетелей.

– Я научилась уступать и проигрывать, – Виктория чувствовала, как готова дать пощечину Зорину. Ей больше не хотелось терпеть его выходки, слушать колкости, а больше всего претило оправдываться и что-то доказывать. – Ты упрекаешь меня в эгоизме, однако сам ничуть не лучше. Жестокость и предубеждение, во власти которых ты существуешь, тоже тебя устраивают. Тебя, но не других.

– И что это значит? – прищурился Вадим.

– Ничего, – покачала головой Вика, – я сказала то, что думала. А теперь пойду к Илье, скоро ужин, меня ведь пригласили.

Вадим прикусил губу.

За весь ужин Вика не удостоила его даже взглядом. Илья ухаживал за ней как истинный кавалер, а Дарья Осиповна строго следила, чтобы девочка попробовала все, что находилось на столе – начиная от всевозможных солений, фаршированных овощей, салатов, тушеной рыбы, вяленого мяса и заканчивая пирожками с разными начинками. Все это нянюшка уговорила запить сливовой наливкой – «сливянкой», отчего Виктория осоловела и больше не озадачивалась дилеммой: друг она для Вадима или нет?

После сытного ужина Вадим утащил Илью курить на крыльцо. Виктория принялась помогать Дарье Осиповне убирать посуду, но та категорически запротестовала. Вера Ильинична налила еще «сливянки» и усадила нянюшку, приказав ей не суетиться.

– Виктория, – усмехнулась хозяйка дома, держа в руках изящную чарку, – могу я попросить Вас ответить мне откровенно на один вопрос?

– Конечно, Вера Ильинична!

– Вы влюблены в Вадима?

Зорин поежился, холодно, надо было все-таки надеть пальто. Илья облокотился на перила.

– Что происходит? – спросил он. – Что у тебя с Викой?

– Илья, мне нужна твоя помощь, – задумчиво произнес Вадим.

Глава 57

Лиза думала, что со временем боль утихнет, но не тут-то было. Она никак не могла понять, где совершила ошибку, что могло послужить причиной резких перемен в отношении к ней Ивана. Он не только перестал ей звонить, но и всячески старался избегать ее. По злой иронии судьбы, словно для усиления ее мук, Лизе приходилось каждый день ходить в цех главной сборки. Работы было много, а большинство вопросов могла решить лишь Елизавета Васильевна. Ощущения имели странный характер: в какие-то моменты она жгуче ненавидела Ивана, четко понимая, что не вправе предъявлять ему претензии. Как и младшая сестра, Лиза ни за что не хотела выглядеть глупой бабой, она скорее, промолчит и уйдет, чем опустится до выяснений. С другой стороны Лиза понимала, что не в силах так легко перестать любить Ивана. Он сумел возродить, нет, открыть в ней страсть, которую она раньше никогда не испытывала. Страсть жила внутри Лизы и не давала ей покоя, заглушая голос разума. Иван был словно наркотик, и Лиза временами испытывала настоящую ломку,

это влияло и на аппетит, и на настроение. Больше всего мучило то, что ее бросили. Здесь вопило задетое самолюбие.

Лиза несколько раз мельком видела возлюбленную Ивана, ту эффектную моложавую блондинку, о которой была уже достаточно наслышана. Казалось, об их романе – Милочки и Ивана – знали все. Ходил слух, что Людмила была когда-то любовницей одного высокопоставленного чиновника, причем продолжительное время. Дело почти дошло до развода, но чиновник опомнился и пошел на попятную. Его место занял Иван. Он был холост, безумно влюблен и готов на все. Милочка обирала его без зазрения совести, привыкнув ни в чем себе не отказывать. Курилова выручали бесконечные командировки за океан, где он имел вполне приличные доходы, по крайней мере, любовница могла себя баловать в одежде. А хорошо одеваться она любила, обладала едва ли не безупречным вкусом. У Лизы появилась возможность убедиться в этом, когда в один из обеденных перерывов она пошла в кулинарию. Здесь предпочитали отовариваться многие ее знакомые.

Лиза встала в конец очереди и глянула на часы: времени предостаточно. Впереди на два человека стояла Людмила. На ней было элегантное осеннее пальто, зауженное, стильное, подчеркивающее хорошую фигуру. Слегка осветленные волосы в стрижке лежали волосок к волоску. Сапоги на высоком тонком каблуке, фирменная сумочка. Лиза рассматривала ее, не таясь, благо соперница и понятия не имела, кто

стоит сзади и не сводит с нее глаз. Взгляда она не чувствовала, периодически оценивала содержимое витрины. Вероятно, решала, что будет покупать. Спина прямая, плечи развернуты, уверенная в себе до умопомрачения, Людмила напоминала Снежную Королеву.

Лиза, наконец, отвернулась от созерцания соперницы и в дверях магазина увидела Ивана. Он кого-то искал глазами и первой увидел Лизу, потом – Милочку. В следующий момент Елизавета решила: Курилова сейчас хватит удар. Он побледнел, нет, даже позеленел, прирос к месту. Несколько секунд стоял неподвижно, пока его не толкнули из толпы. Это вывело из ступора, но не решило проблему. Курилов на полусогнутых ногах двинулся к очереди, так как, несмотря на полубморочное состояние, видел, что его пассия уже без ограничения набирает продукты, и скоро придется расплачиваться. Милочка тоже заметила Ивана еще в дверях, но он почему-то медлил. Выглядело это с его стороны как попытка избежать за нее расплатиться – обычная уловка жадных мужчин. Чувствуя себя оскорбленной, она демонстративно повернулась к Ивану спиной и достала кошелек. Краска бросилась в лицо Курилову.

– Я заплачу, – сквозь зубы процедил он.

Словно не слыша, Людмила полезла за купюрами.

– Сколько, Вы сказали? – переспросила она у продавца.

– Я заплачу, убери деньги, – Иван не скрывал досады, лицо даже перекосило. Людмила посмотрела на него с презре-

нием и отошла от прилавка так, что всем стало ясно: ладно, она позволяет за себя заплатить. Курилов покрылся пятнами.

Лизе было и смешно, и больно. Смешно оттого, что Иван во всей этой ситуации выглядел глупым, униженным. Лиза не сразу догадалась, что причиной тому, прежде всего, являлся страх – настоящий страх, Иван чуть с ума не сошел при одной мысли о том, что здесь и сейчас встретились две женщины, с которыми он крутил шашни. И Лизе ничего не стоило начать выяснять отношения прямо на глазах у Милочки. А если Милочка узнает...

Конечно, она вполне могла догадываться, что у него были связи на стороне, Курилов славился своими похождениями. Но все это оставалось на уровне разговоров. А так: не пойман – не вор. Мало ли кто что скажет. На предприятии доброхотов покопаться в чужом грязном белье и обнародовать перипетии жизни соседей предостаточно. Милочка далека от этого, она не опустится до выслушивания сплетен и уж никогда не станет распространять их сама. Да она просто святая! И так добра к нему! Всегда отказывается от помощи, её приходится так долго уговаривать. А ведь Ивану очень нравится при очередном подарке видеть ее счастливое лицо.

– Иван Сергеевич! – все-таки окликнула его Лиза. Он остановился и медленно обернулся. Свершилось то, чего так опасался. Сейчас Елизавета скажет все, что о нем думает. Он покосился на Милочку, которая шла впереди и пока ни о чем

не догадывалась.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! – сказала Лиза и через секунду отвернулась к прилавку. Несмотря на то, что с Иваном она потерпела фиаско и теперь уже стала экс-возлюбленной, ей, глядя на него, хотелось смеяться. Жалкий, испуганный, он покорно тащился за Снежной Королевой, боялся малейшего недовольства с ее стороны. Лиза поняла это, и сразу стало грустно. Трусливый подкаблучник, лживый и поверхностный человек, стремящийся лишь удовлетворить свою похоть, абсолютно неспособный на глубокие чувства – вот каким предстал Иван. Он просто попользовался Лизой как вещью, а затем, потеряв интерес, избавился. Но самое ужасное, что им самим пользовались, и гораздо откровеннее и беззастенчивей.

Лиза неожиданно вспомнила, как на одном из последних свиданий, когда ей казалось, что все хорошо, когда она и заподозрить не могла, что ее отставка уже подписана, Иван, сидя в машине, ни с того ни с сего поведал историю о своем друге. Друг всю жизнь страстно любил женщин и менял их в погоне за удовольствиями, за сменой впечатлений. Он пламенно загорался при виде очередной юбки, шел на штурм, покорял и быстро остывал, ничего не мог с собою поделаться. А тяга к удовольствию и разнообразию росла прямо пропорционально числу разбитых сердец, нет, она росла быстрее. И друг осознавал, что попал в замкнутый круг, но вырваться из него уже не получалось.

«А как же те, кого он бросал? – спросила тогда Лизавета. – Неужели чувства этого мужчины исчезали бесследно? Разве может подобная страсть, пыл любви так быстро превратиться в пепел?»

«Может, – уверенно отозвался Иван, – когда нет интереса, сердце молчит и его невозможно заставить любить. А чувства женщин? Если тебя не любят, надо это принять и отпустить мужчину».

«Принять? Как будто так просто и легко забыть то, чем ты жила, что тебя вдохновляло, заставляло трепетать и чувствовать себя любимой!»

Теперь-то Лиза поняла, что Иван говорил о себе. Она думала об этом до конца дня, вспоминала все, что было между ними, осознавала, что воспринимала Ивана необъективно, многого просто не замечала. Виной тому любовь, которая застит глаза. Любовь? Скорее, страсть, ничего не имеющая с ней общего. Искушение, которому она поддалась, забыв обо всем на свете. Ведь у нее есть семья, есть муж, и в последнее время, словно что-то почувствовав, он стал внимательным, заботливым. Стал жалеть ее, помогая во всем. А ведь с Борей ей всегда было интересно. Он был начитанным, развитым, имел философский склад ума, тонко чувствовал людей и умел просчитывать ситуации. И никогда, никогда ей ни в чем не отказывал, ни в чем не ограничивал. Да и дети его всегда любили. Как получилось, что Лиза забыла об этом? Что заставило броситься в омут с головой, подменить истин-

ные ценности откровенной ложью?

Лиза открыла дверь и шагнула в квартиру. Пахло чем-то очень вкусным.

– Лизутка! – из кухни вышел сияющий супруг. – Давай скорей сюда сумки, – сказал он и тут же передал их сыну Артему, сам помог Лизе снять пальто.

– Добрый вечер, Елизавета Васильевна! – из кухни на секунду появилась Аня – подруга Кирилла. Она что-то пошептала ему и утащила обратно на кухню.

– Что у вас там? – удивилась Лиза. Удивилась еще больше, когда на пороге возникла дочь Яна с тортом в руках. – Какой-то праздник?

– Мы хотим тебе устроить праздник, ма, – сказал Артем, – решили приготовить ужин. Почти все сделали, иди в комнату.

– А праздник-то в честь чего? – не поняла Лиза.

– Просто мы тебя любим, – ответили все сразу.

Лиза села в кресло, взяла в руки журнал. Но читать не хотелось. Из кухни доносились шуточки, ехидные комментарии сына, командный голос дочери. Пожалуй, стоило пройти через все испытания, чтобы понять, как дорога семья, близкие. Чтобы научиться ценить то, что имеешь, чего достигла, чего заслужила своим, пусть нелегким, но достойным трудом жены, женщины, матери. А Иван? Пусть каждый останется при своем... Конечно, будет нелегко его забыть, даже после

того, что Лиза видела, но она теперь знала, что справится, чувствовала это. Лиза еще не знала, что пройдет полгода, и этот человек станет названивать ей, добиваться свидания, молить о встрече. Вот только ей это уже будет не нужно. И она сама впервые удивится, что же ее так привлекало в нем, чем она соблазнилась и от чего когда-то потеряла голову. Это будет потом, а сейчас...

«Если курицу доверили мужу, наверняка, она подгорит, – подумала Лиза и улыбнулась, – Боря никогда не умел ее жарить».

Глава 58

– С чего Вы это взяли? – изобразила удивление Виктория. – Конечно, нет. Мы – всего лишь друзья, – она отвела взгляд. Неужели даже едва знакомым людям заметно, что она равнодушна к этому бессердечному учителю? Он еще и вздумал унижать ее при Илье.

– А где вы познакомились? – в глазах Веры Ильиничны плескалось веселье. Она словно знала про нее что-то такое, о чем Вика и сама не догадывалась.

– У Вадима есть дом в деревне Беляниново, на границе двух областей, – стала осторожно пояснять Корецкая, опасаясь сказать лишнее, – мы летом целой компанией туда ездили отдыхать.

– Дом? – удивилась Вера Ильинична. Она еще выпила

«сливянки» и совсем повеселела. Осиповна лишь пригубила. – Не знала, что Вадичек тяготеет к деревенской жизни. Он всегда был городским мальчиком. Мы жили по соседству в центре тогда еще Ленинграда. Они с Илюшей дружили с самого детства, вместе пошли в школу, после окончания которой, родители Вадима решили переехать в Москву. Но мальчики всегда поддерживали дружбу. Даже когда Вадим женился на этой странной во всех отношениях девице. Что он в ней нашел – вечная загадка лучших мужчин. Они, как правило, выбирают худших женщин.

Виктория от волнения даже очки сняла. Конечно, она слышала от Антона, что Вадим разведен, но подробностей не знала, сам никогда в жизни об этом не расскажет.

– Жена Вадима, действительно, была, как Вы сказали, странным человеком? А как проявлялись ее странности? – все-таки спросила она, забыв, что не должна проявлять особого интереса к его персоне.

– Я не вправе рассказывать об этом, – Вера Ильинична выразительно приподняла одну бровь, – но они с Вадиком абсолютно разные, не противоположные, а разные, и между ними нет ничего, чтобы их связывало. Время это доказало. Вадичек страдал, замкнулся, он считал себя виноватым в том, что произошло. Наивно полагал, что Юлия изменится. Нет, – она покачала головой, – если женщина порочна по сути своей, это не выбить ничем. Вадиму подходят спокойные, уравновешенные и разумные девочки, как и моему

Илюшеньке. Ах, Виктория, – Вера Ильинична томно вздохнула, переглянулась с Осиповной, – я так мечтаю, чтобы мой сыночек женился. Он такой славный, у него изумительный характер. Кроме того, Илюшенька получил прекрасное образование, теперь преподает психологию, скоро станет профессором. Это в его-то годы!

Виктория начала понимать, куда клонит хозяйка дома. Неужели Вадим привез Корецкую сюда, чтобы сосватать за своего друга?!

Тем временем Вера Ильинична продолжала расхваливать сына. А как подвела к этому? Узнала, влюблена ли Вика в Вадима, заговорила о нем, плавно перешла на Илью. Конечно, ее сын – завидная партия: красив, умен, благороден, к тому же обеспечен. Виктории захотелось убить Вадима. И зачем она согласилась ехать? Чего ожидала? Что Вадим, наконец, ответит на ее чувства? Как глупо было надеяться на это! Глупо и наивно. Она опять ошиблась.

Виктория резко поднялась со своего места и, ничего не объясняя, направилась к выходу. Уйти! Сейчас же! Вычеркнуть и забыть!

Столкнулась с Вадимом прямо в дверях. Он сложил руки на груди. Лицо было серьезным.

– Ты далеко? – в глазах было что-то такое, что Виктория догадалась: Вадим вычислил ее бегство и ждал этого. Мадемуазель Корецкая как всегда предсказуема.

– Попудрить носик, – Вика упрямо сжала губы. Дошла до

зеркала, посмотрела в него. Когда вернулась в столовую, там уже была одна Дарья Осиповна.

– Все в гостиной, детка, – ласково сказала она, – иди к ним. Илюшенька взял гитару.

Корецкая села в самый дальний угол гостиной. Вере Ильичне это не понравилось, она, не слушая возражений, усадила девушку напротив сына и с явным удовольствием переводила взгляд с одного на другого. Вадим спрятал улыбку. Илья тронул струны, извинился за неидеальное звучание.

*Где взять мне силы разлюбить
И никогда уж не влюбляться,
Объятья наши разлепить,
Окаменевшими расстаться?
О, как вернуться не успеть,
О, как прощенья не увидеть,
То нестерпимое стерпеть,
Простить и не возненавидеть?
А Бог молчит. За тяжкий грех,
За то, что в Боге усомнились,
Он наказал любовью всех
Чтоб в муках верить научились.
Я был блажен, я был жесток
В своих желаниях ревнивых,
Чтоб хоть на родинку еще
Была б ты менее красивой.*

*Но ты божественна была,
До исступленья совершенна.
Надежду только обожгла
И вот молюсь самозабвенно...⁹*

Голос у Ильи был низким, чуть с хрипотцой. Однако романс от этого только выигрывал. Или дело все-таки в чувственности, которую вкладывал исполнитель? Он смотрел на Вику своими синими глазами, и казалось, пел именно о ней. Даже мурашки по коже побежали.

Осиповна застыла в дверях, она думала о том, что Илья так давно не брал в руки гитару и никогда не пел так проникновенно как сейчас. Вадим привез приятную девочку, в очках, правда, но это ее не портило. Вся такая складная, ухоженная, губастенькая. Немного нервная, хотя и старается это скрыть. Ну, понятное дело, первый раз в этом доме. Да еще Верочка почти сразу принялась ее обрабатывать. Сказала, что интуиция ее никогда не подводила: Вика – пара для Илюшеньки. До этого отвергала всех. А как мальчик смотрит на Вику?! Просто глаз не сводит. Тоже, видать, понравилась. Ох, Вадим, уведут у тебя девчонку, и глазом моргнуть не успеешь! Что-то лицо у тебя слишком довольное, никак опять подвох задумал. Когда-то был мастером на проделки.

Илья пел еще и еще, но Викторию просто заморозил первый романс. Ах, если бы вместо Ильи пел Вадим! Его бы гла-

⁹ «Мольба» – романс из репертуара А.Малинина

за смотрели на нее и прожигали огнем. Его бы губы дарили ей слова страстного признания.

Корецкая отвернулась от обоих. Илья перестал петь, тихо перебирал струны, а Вадим принялся вспоминать, как в юности мечтал также виртуозно овладеть инструментом. Но не получилось, не хватило ни терпения, ни таланта.

– Зато у тебя талант предпринимателя, – подсластила пилюлю Вера Ильинична. – Мы в курсе того, что ты выстроил дом и весьма успешно реализуешь свои проекты в области строительного хозяйства.

– Уже успела напеть, – жестко произнес Вадим и уставился на Корецкую. Не ожидая такой реакции, та растерялась.

– Я просто отвечала на вопросы, – пришлось оправдываться, хотя она терпеть не могла этого делать. Ей вообще в последнее время приходилось много делать то, чего Виктория раньше не делала. И все из-за этого глупого и самодовольного наглеца! Неудовлетворенный ее объяснением, он все еще буравил Вику взглядом.

– Ну, что ты набросился на девочку? – возмутилась Вера Ильинична, наконец, осознав, что, благодаря, именно ей, возникла конфликтная ситуация.

– Действительно, – не смог промолчать и Илья, он отложил гитару и сел поближе к Вике. – Я готов защищать Вас от этого невоспитанного грубияна. Виктория, Вам нужен рыцарь без страха и упрека? – он слегка коснулся губами ее руки, склонил голову, волосы густым ёжиком. Казалось, тро-

нешь их и уколешься.

– Рыцари всегда нужны, – Корецкая улыбнулась, – во все времена женщине хотелось чувствовать себя защищенной и любимой. Будьте моим рыцарем, Илья!

– Что ж в таком случае, мне ничего не остается, как вызвать Вадьку на дуэль, – резюмировал Илья, – предоставляю ему право выбрать оружие, – он удачно превратил все в шутку, за что Вика была ему благодарна.

Вадим озадаченно почесал в затылке. Надо достойно выйти из ситуации.

– Относительно оружия поговорим в... бане, – сказал он. – Дарья Осиповна, Илья обмолвился, что сегодня баня натоплена. Я бы не прочь дать сатисфакцию именно там.

– Не знаю, что такое «сатисфакция», – нянюшка покачала головой, – главное, чтобы это было безопасно. А если желаете баню, то поторопитесь, иначе найдете на свои неразумные головы неприятностей.

– Неприятности? – в глазах Вадима загорелись странные огоньки. – Какие могут быть неприятности? Ведь няне не придет в голову обкурить баню колдовским сбором трав?

– Эх, Вадим, стал ты жителем деревенским, – вздохнула Осиповна, – а про баню ничего и не знаешь.

– Да я и про деревню мало знаю, – признался он.

– Няня, расскажи, – попросил Илья, он все еще держал руку Виктории в своей руке, такой теплой большой. Держал так, словно и, правда, желал защитить ее, согреть, уберечь от

несправедливости этой жизни. Вика боялась пошевелиться. Чувство было двояким: Илья ей нравился, она понимала, что с ним будет хорошо, ощущала это уже сейчас, хотя знала его всего несколько часов, однако это вовсе не означало, что она влюблена. Подобное чувство возникало каждый раз, когда Корецкая встречалась с мужчинами, всеми теми, кто был до Вадима. Там молчало сердце, там не подкашивались от счастья ноги, там мысли о нем не занимали ее 24 часа в сутки, там все недостатки виделись сразу, как в прозрачном стекле. А с Вадимом стало все иначе. И наваждение не проходило. Виктория высвободила свою руку из руки Ильи и виновато улыбнулась. Вадим ничего не замечал, он, затаив дыхание, слушал Осиповну.

Глава 59

...Русская деревня – целый мир, живущий своей внутренней жизнью, богатой событиями, наполненной глубоким смыслом. Этот мир не всегда открывается случайному человеку. Чтобы его познать, надо слиться с бытом, участвовать как бы изнутри...

Дарья Осиповна медленно подошла к окну. Уже стемнело, двор освещали фонари, в их свете все еще плясали снежинки, как и тогда, когда она была совсем маленькой. Шли года, менялся строй и вожди, уходили родные и друзья. А по сути ничего не менялось, та же боль, горечь потерь, те же

удачи, счастье побед и любовь. Как же без нее? И без этих снежинок, искрящихся в ночном воздухе. Ложатся на землю, которая еще как следует и не остыла. Осиповна любила, когда идет снег, это напоминало о вечности и о той жизни, что была уже позади. А началась она в самой простой русской деревне...

Вдоль деревенских улиц тянулись дома, деревни переписывали не по домам, а по числу дворов. Крестьянский двор, помимо жилого дома, включал в себя целый комплекс строений: приусадебные пристройки, гумно, на нем – ток, неподалеку – овин. На дворе, напротив дома на гумне, за околицей, находился амбар, в нем сусеки. Те самые, о которых говорится в русских сказках. В границах двора размещалась конюшня и сеновал. Но самое интересное – это баня. Ставились они обычно на берегу реки. У каждой семьи должна быть своя баня: в ней мылись, веником и жаром лечили болезни, даже рожали. Строилась баня просто, без затей, однако все в ней было продумано до мелочей. Вытянутый сруб разделен на две части: небольшой предбанник и более просторное отделение, где парились и мылись. В углу у порога устроен очаг или калильная печь, каменка. Это искусно сложенная груда камней с отверстием для топки. Дым из очага должен подниматься вверх и выходить через волоковое окно. Когда камни раскалялись, а сама баня достаточно прогревалась, ее проветривали, окно закрывали вытяжной доской и на некоторое время оставляли «выстаиваться», для удаления

угарного газа.

Воду грели следующим образом: в деревянные бочки заливали холодную воду, а потом бросали в нее раскаленные камни. Вода нагревалась так, что кипела ключом. Вдоль стен бани ставили лавки, а у дальней от двери стены – высокая лежанка со ступеньками – полок, на ней и парились.

Наши предки знали, как строить баню, где ее лучше поставить, какое дерево использовать для постройки – осина или липа. В том, как ее топить, тоже были свои премудрости. Подбирать поленья лучше березовые, чтобы они горели одновременно. Жар должен быть сухим. Водой, которой запаривали веник, обычно мыли голову, дабы волосы были здоровыми. Березовый настой придавал свежесть телу, бодрость духу. Веники делали из березы бородавчатой, дуба, пихты. Отношение у наших предков к бане было двойственным: верили, что баня все грехи смое, в то же время считали ее опасным и нечистым местом. А вот почему – говорить не стану, – хитро улыбнулась Осиповна, посмотрела на каминные часы из агата, влитого в бронзу – настоящий антиквариат, – идите в баню, если желаете попариться. До полуночи не так много времени.

– До полуночи? – тревожно переспросил Вадим.

– Да, до полуночи, – подтвердила нянюшка, – много чего может произойти, если относиться легкомысленно к серьезным вещам. В бане можно находиться лишь до полуночи, в том случае безопасно. А потом, потом пеняй на себя.

– И что же может произойти? – скептически усмехнулся Вадим. Он многозначительно посмотрел на Викторию, та отвела взгляд.

– Лучше лихо не будить, – Осиповна покачала головой. Не может быть, чтобы она говорила серьезно. Нет, Вадиму, конечно, нравились сказки няни Осиповны, но он никогда в жизни не стал бы в них верить и уж, тем более, чего-то опасаться. – Больше ничего не скажу, Вадим, умерь свое любопытство. Вера Ильинична, в баню-то пойдете сегодня? – няня сменила тему, теперь точно бесполезно спрашивать, будет молчать даже под пытками.

– Нет, Осиповна, – хозяйка покачала головой, – у меня сегодня пошаливает сердечко, – неохотно призналась она.

– Ну и ладно, – согласилась нянюшка, – а мы с Викой попаримся? Все хвори и обиды как рукой снимет, тем более, что наша гостья простыла немного, так ведь? – она подмигнула Корецкой так, будто все про нее ведала, – климат у нас суровый, ветра да сырость. Вот баня и нужна.

«Откуда Осиповна знает про обиды? – промелькнуло у Вики. – Или я такая глупая, что у меня все на лбу написано, или Осиповна, и вправду, старая премудрая волшебница?»

Решили, что первыми париться пойдут женщины. Дарья Осиповна опасалась, что если баня пропарена основательно, с непривычки Виктории будет тяжело. А так сначала еще можно терпеть.

Вике была приятна ее забота. Ну, точно, добрая волшеб-

ница!

Корецкая еще издали увидела баню – небольшой сруб с низкой треугольной крышей, очень похож на баню в Беляниново, ту самую. Вот только предбанник больше и вешалка резная. С улицы тянуло прохладой, а из парильни – жаром.

– Раздевайся, – широко открыв дверь, следом всплыла нянюшка, сразу стало холодно, – уж не обессудь, но попарю тебя, девонька, как следует. Смоем все грехи и прегрешения, очистим тебя от скверны плоти и духа. Чего смотришь удивленно? Осиповна немножко разбирается в людях.

Вика кивнула, почему-то так хотелось ей поверить. Она быстро разделась и, осторожно ступая босыми ногами, вошла в парильню. Все было, как описывала Осиповна, или почти все. Неважно. Стоит только включить воображение, и ты почувствуешь себя в настоящей русской бане прошлых времен.

Корецкая взяла из деревянного ушата дубовый веник, понюхала его, слегка хлестнула по руке. Ощущение было, пожалуй, приятным.

– Совсем не так, – в дверях появилась Дарья Осиповна. Она, переваливаясь и приподнимая длинную рубашку, преодолела высокий порог, – ложись-ка на лавку удобно, расслабься и про все забудь, – приказала нянюшка и отобрала у Вики веник. Та повиновалась и вытянулась на самой широкой лавке. – Париться тоже надо уметь. Сначала веником гонят пар к телу, вот так, – нянюшка почему-то стала пере-

мещаться бесшумно и быстро, словно двигалась по воздуху, движения были привычными и отточенными.

– Затем я легко касаюсь кожи листиками и веточками, чувствуешь? – Виктория явно ощутила пробегающие по телу мурашки удовольствия. Распаренные листья словно ласкали ее. В этот момент все эмоции, переживания, страхи и сомнения куда-то отошли, растворились в банном пару. Происходило чудо, все как в сказке, да и волшебница рядом.

А волшебница тем временем принялась хлестать Вику уже всем веником, причем хлестала только вдоль, поперек, сказала, нельзя.

В какой-то момент Корецкая поняла, что больше не чувствует своего тела, она невесома. Она словно рождалась заново. Вот почему предки так любили баню!

Вика находилась в странной полудреме: веки просто не хотели разлипаться, язык отказывался произносить внятные звуки, тело было где-то там, под потолком, оно покачивалось в сладкой истоме, но сознание... оно оставалось таким ясным, что удивлению не было предела. Неужели так происходило очищение?

Дарья Осиповна сняла с себя абсолютно мокрую от пота рубашку, умело поработала веником и со своим телом. Потом плеснула на камни воды, которые сердито зашипели. Повалил густой пар, Дарья Осиповна подошла ближе к камням. Кожа ее покрылась красными пятнами. Валивший пар, казалось, обжигал даже дыхание. Хорошо, что Виктория ле-

жала на лавке в самом дальнем от камней углу. Здесь дышалось легче. Она ощутила это в полной мере, когда попыталась встать и подойти к Осиповне. Закружилась голова и что-то сжалось в груди.

– Полежи еще немного, – откуда-то из пара посоветовала Дарья Осиповна, – я больше не буду накалять камни. Да, слабый нынче народ, – печально констатировала она, – моя бабушка дожила до ста двух лет и парилась за полгода до своей смерти. Причем парилась по-настоящему, с удовольствием лежала на полке. Болезни ее обходили стороной. Крепкая была, крепкая, дородная, работающая. А уж сказок сколько знала! Я девчонкой могла всю ночь слушать, больше всего любила, когда бабушка рассказывала былички.

– Былички?– переспросила Вика, ей все-таки удалось сесть и приспособиться нормально дышать. Нянюшка, отодвинув шторку, глянула в окно. – Дарья Осиповна, расскажите, почему после полуночи нельзя в баню ходить, – попросила Корецкая. Ну, уж очень хотелось это знать. Она сумела заплести в связи с этой темой такую интригу, что Вика сгорала от любопытства ни меньше Вадима.

– Ладно, – неожиданно согласилась Дарья Осиповна, – у нас еще есть время, чтобы пошептаться. А парням необязательно знать об этом. Запомни, детка, никогда не рассказывай мужчине всей правды, будь загадочной, иногда непредсказуемой, будь тайной для того, кому отдаешь свое сердце. Мужчина не должен познать тебя до конца, иначе он уйдет.

– А если он не хочет познавать? – печально спросила Виктория.

– Значит, ему все ясно, – улыбнулась Осиповна, – а ты сделай так, чтобы он изменил свое впечатление, усомнился сам в себе, не поверил тому, что видит. Вот только сделай это без вмешательства темных сил, это очень опасно, детка. Только свет твоей души, любовь в твоём сердце да мудрость женская должны быть тебе помощниками.

Дарья Осиповна натянула сухую рубашку, она стеснялась своего тела.

– Кажется, я забыла, с чего мы начали, – она опять глянула в окно, – ах, да! Быличка! На Руси было распространено поверье, что в бане обитает особый дух – банник, банный. Представляли его себе черным, мохнатым, злым мужиком. Считалось, что после того, как в бане вымоются люди, наступает очередь банника и чертей. Если кто-нибудь в это время пойдет париться, то живым не вернется. Обитает банник за каменной, но чаще под полоком, на котором парятся.

Виктория невольно посмотрела на полочку, стало немного жутковато. Рассказчица засмеялась.

– Не бойся, девочка, его время еще не пришло, – успокоила она, – кроме того, я задабриваю строптивного и не очень доброжелательного духа – оставляю в шкафчике предбанника кусочек ржаного хлеба, посыпанный крупной солью. Так делала моя бабушка, так делали все мои предки и все, кто знал о нраве банника. Поэтому никому из путников не реко-

мендовали оставаться на ночлег в бане, не знаешь, будешь ли жив на утро. Моя бабушка рассказывала историю, которая приключилась в их деревне...

Как-то, запоздавши в дороге, забрался мужик перед праздником в свою баню после полуночи. Но, раздеваясь, вместе с рубашкой прихватил с шеи крест, а когда полез на полок париться, то никак не смог оттуда слезть. Веники так сами собой и бьют по бокам. Кое-как, однако, слез, сунулся в дверь, а она так притворена, что не отдерешь. А веники свое дело делают – хлещут. Спихватилась баба, что долго нет мужа, стала в оконце звать – не откликается, начала ломиться в дверь – не поддается. Вызвонила она ревом соседей. Эти пришли помогать, рубили дверь топорами – только искры летят, а щепок нет. Пришла на выручку баба-знахарка, окропила дверь святой водой, прочла молитву и отворила. Мужик лежал без памяти, насилу его снегом оттерли. Вот так банник!

Но было и хорошее, связанное с этим духом. Он любил, когда к нему женщины рожать приходили, именно он первым становился свидетелем вступления в мир нового человека. И еще плуту нравилось, когда на его глазах невеста смывала свою девичью волю перед свадьбой. Вот и все истории, – Осиповна подмигнула Вике и отворила дверь предбанника. – Красавица, идем обтираться да одеваться? А то еще ребятам надо попариться.

Вика кивнула, после рассказов Дарьи Осиповны ей стало

не по себе, хотелось поскорей покинуть баню, чудилось, что банный уже сидит и смотрит на нее со своего полока.

Предбанник теперь показался Виктории особенно студеным, будто сразу в зиму попала. Корецкая протянула руку за полотенцем, до этого висевшем на крючке, но не обнаружила его. Покрутилась на месте, перетрясла все свои вещи, посмотрела вешалки и шкафчик.

– Мистика какая-то! – Вика не знала, что и думать. Дарья Осиповна уже успела одеться. – Полотенце исчезло.

Нянюшка последовательно проделала все те же манипуляции с вещами, что и Виктория, полотенца не было.

– Ну, шутники! – Осиповна накинула пальто. – Наверняка, мальчишки дурачатся. Иди в парильню, озябнешь, подожди, я схожу в дом за полотенцем. Ох, и получают они от меня нагоняй! Иди в парильню, холодно!

Вике пришлось согласиться, натягивать одежду на мокрое тело вовсе не хотелось, а Дарья Осиповна пообещала вернуться быстро. Вот только не вовремя она рассказала про банника. А Вике не надо было любопытствовать и приставать с расспросами, вечно она сует свой нос куда не следует. Сколько раз Надюшка об этом говорила, ну почему она никого не слушает?!

– Со мной ничего не случится, – шагнув в парильню, проворкотала Виктория, но не очень-то в это верила. Страх мерзким холодком пробежал по телу, спрятался где-то внизу живота.

Глава 60

У Нади выдался трудный день. Рабочий телефон не умолкал, ворох документов, которые надо обработать, да еще начальник затребовал отчет раньше времени, не желая ждать конца недели. Андреева совсем забыла о мобильном телефоне, который покоился на дне сумочки и накапливал неотвеченные вызовы. Ну, и попробуй тут дозвониться?!

Николай в очередной раз нажал «отбой». Через пару минут в зал влетел запыхавшийся Никита. Скоро уже придут гости, а Николай нервничал совсем по другому поводу. За те несколько дней, что прошли после встречи с Надей, он никак не решался позвонить ей, не находил повода. А буквально вчера поссорился с оформителем выставки, желая добавить несколько фотографий. По мнению оформителя это нарушало продуманную гармоничность композиции. Но Фертовский был непреклонен. В результате за сутки пришлось все перекраивать, зато у Николая нашелся повод позвонить Наде и пригласить ее. Ему как-то и в голову не пришло, что у нее могут быть свои планы на вечер или хуже того, до нее будет просто невозможно дозвониться.

– Ну, что? – Никита посмотрел на часы и, не дожидаясь ответа, понял все по лицу друга. – Шел бы ты переодеться, Николя, а то свитерок не очень. Сегодня надо выглядеть на все сто, будут «нужные» люди, кое-кто из спонсоров. Твой

аристократичный вид всегда привлекал внимание и внушал доверие.

– Плевать! – отрезал Фертовский. Самой главной гостьи не будет. А так хотелось, чтобы она оценила его работу, увидела совсем другого человека. Ее слова, брошенные ему в лицо после откровенного объяснения в Беляниново, слышались и сейчас. Надежда недвусмысленно дала понять, что не только не любит его, но и никогда не даст ни единого шанса и, вообще, видит в нем одни недостатки. Первым порывом было броситься защищать себя, доказать, что она ошибается и неверно истолковала его откровенность. Но для этого, оказывается, надо, чтобы тебя захотели слушать, иначе все бессмысленно. Надя слушать не желала, она была в гневе, и Фертовский предпочел уйти. Потом он много раз в голове прокручивал этот разговор и постепенно стал осознавать, что в словах Надежды Андреевой было то, что соответствовало истине. Николая, в основном, воспитывал отец, который, являясь властным человеком, не умел и не хотел признавать ни авторитетов, ни, тем более, своих ошибок. Он безмерно гордился социумом, которому, как считал, принадлежит, всякий раз напоминал об этом, презирал свою сестру – мать Вадима, которая вышла замуж за весьма средненького по тем временам инженера из Ленинграда, это потом зять пошел в гору. Владимир Фертовский делил людей на касты и внушал это сыну с детства. А его, как назло, тянуло к простушкам, еще в годы юности, Коля Фертовский, посещая

элитную школу, умудрялся встречаться с девицами, явно не вписывающимися в круг, о котором так много вещал отец. Николаю в школе было скучно с такими как он. Потом – супруга, она тоже была другой, и это просто убивало отца. А теперь еще и Надя. Сердце Николая разрывалось от любви к ней. Именно разрывалось, Николай это понял при последней встрече. Время не излечило. Какой она была в театре! Глаза блестят, эмоции искренние. Николай просто кожей ощущал огонь, исходящий от нее. Наверное, при его внешней сдержанности и холодности, ему как раз и не хватало этого огня. А она, кажется, намекала, что сожалеет о своей резкости, что-то говорила про время, которое открывает истину. Потом Надя показала «позвони мне!» и дала, пусть слабую, но надежду.

Николай надел синий в светлую полоску пиджак, взглянув в зеркало, поправил галстук. Улыбнулся одними губами – подчеркнуто вежливая улыбка для всех тех, кто не был ему близок. В зеркале на него смотрел темноволосый, гладко выбритый мужчина с растерянным взглядом и поджатыми губами. Подумал пару секунд и решил позвонить Наде еще раз.

– Коля, – появился Никита, осмотрел его с головы до ног, остался доволен, – тебе пора в зал. Не отвечает?

Фертовский покачал головой.

– Давай так: ты перестаешь истязать аппарат, идешь и счастливо наслаждаешься успехом фотобиеннале, а я, так и быть, еду к ней домой и попытаюсь привезти сюда, – с ходу

предложил Бондарев. – Я понимаю, как тебе важно, чтобы она была именно здесь.

Фертовский улыбнулся, хлопнул его по плечу.

– А вообще-то ты испортил все с самого начала, – прищурился Никита.

– Я? – удивился Николай. – Испортил что?

– Отношение к себе, – пояснил Никита, – на вечеринке в коттедже ты причислил девушку к разряду дурнушек, а потом вдруг принялся объясняться ей в любви. Естественно, что тебе не поверили.

– Не понял, – признался Николай, – кто дурнушка?

– Надя, – хитро улыбнулся Никита.

– Я сказал, что Надя – дурнушка?! – изумился Фертовский. – Не может быть! А ты откуда об этом знаешь?

– Я ушел с ней на балкон, где, не без усилий и своего обаяния, выведал эту страшную тайну.

– И ты до сих пор молчал?! Друг называется.

– Конечно, друг! – повысил голос Никита. – Поэтому сейчас и еду за будущей госпожой Фертовской. Увидев твои работы, она не устоит, – Никита вздохнул, – завидую я тебе, Николая, по-хорошему. Надюшка – просто прелесть! Лучшая девушка из всех, что я встречал. И только попробуй в этот раз упустить ее! – он сжал кулак.

– Но я не уверен... – Фертовский пожал плечами.

– Ты всегда во всем уверен, разве не так? Благодаря твоей уверенности и спокойствию, у нас все получается.

– Это не касается области отношений и чувств.

– Брось морочить мне голову, – отмахнулся Никита, достал из кармана ключи от автомобиля, – будешь морочить ее Надюше. Кажется, я еще помню, как к ней ехать.

Андреева подходила к дому, когда Никита на всей скорости выехал из-за поворота и, дав по тормозам, остановился почти рядом с ней. Перед этим уже успел пропетлять между домами. Оказывается, все они были на одно лицо и не так-то просто сориентироваться, чтобы найти нужный дом. Хорошо, что на пути попала сама Надя. Это везение редкое.

– Привет! – Никита выскочил из машины, быстро осмотрел бампер, почему-то показалось, что задел им бордюр. Нет, вроде бы цел. – Ты почему не берешь трубку телефона? – с ходу набросился Бондарев, все еще оглядывая бампер.

– Не знаю, – растерялась Надя, – он, то есть, она, трубка, в сумке. Я не слышала звонка.

– Ну да, – согласился Никита, – главное, иметь телефон, а пользоваться им необязательно. Садись в машину, у нас мало времени, – приказал он.

– Куда? Зачем?

– Это сюрприз, – сердито произнес Никита, он вел себя так, словно Надя была во всем виновата: едва не разбитый бампер, запутанное строение улиц, где ему пришлось петлять и нецензурно выражаться, ну а уж о телефоне и гово-

ритель не приходится. Зачем его носить с собой, когда все равно не слышишь?

– Что за сюрприз? – Наде совсем не хотелось куда-то ехать вечером, после утомительного рабочего дня. Кроме того, в пакете лежал купленный килограмм сосисок, пачка макарон и несколько штук хурмы, которые грозились стать оранжево-коричневой кашей. – Никита, я устала и хочу есть, – привела Андреева аргументы, которые на Бондарева оказали обратное действие.

– Вот и хорошо, – радостно сказал он, – там и отдохнешь, и поешь. Ну, не поешь, так перекусишь. Если захочешь чего-нибудь особенного, так и быть, исполню любой твой каприз, в разумных пределах, конечно. Только поедем, а? Время работает против нас.

Бондарев, приглашая Надю, распахнул дверцу машины.

– Давай, давай, – он отобрал у девушки пакет, бросил его на заднее сиденье. Надя мысленно попрощалась с хурмой.

– Там, куда мы едем, будет много народу? – на всякий случай спросила Андреева, садясь в машину.

– Очень, – Никита завел мотор.

– Тогда я не поеду, – она дернулась выйти из автомобиля, но Никита отреагировал мгновенно – схватил ее за руку.

– Я пошутил, – сказал он, – там будут все свои и тебе, я уверен, очень понравится. Доверься мне, я же никогда тебя не подводил.

– Нет, – вынуждена была признать Надя.

– Вот и славно, – облегченно вздохнул Никита. Он уже устал ее уламывать. Как порой бывает сложно с женщинами! И не только с актрисами.

Доехали быстро, Надя всю дорогу ломала голову над выходкой Никиты, но больше донимать его вопросами не решалась. В конце концов, они, хоть и долго не виделись, но у нее не было причин не доверять Никите. Ничего плохого не произойдет, если она узнает о его сюрпризе.

Отвлечшись от раздумий, Андреева увидела иллюминацию кинотеатра «Пушкинский», затем Никита свернул куда-то в переулок, обогнул небольшое здание, тихонько выругался и, наконец, припарковался.

– Идем, – сказал кратко и взял Надю под локоть.

Народу было уже много, Николай увидел отца. Тот появился в сопровождении белокурой девушки.

– Добрый вечер, папа! – Фертовский быстро подошел к ним. – Привет, – поздоровался с девушкой, едва коснувшись ее щеки, – ты сказала, что не сможешь.

– Я все отменила ради тебя, – она натянуто улыбнулась, – представляешь, мы с Владимиром Григорьевичем встретились прямо у входа. Надеюсь, мы не пропустили чего-то важного?

– Без нас ничего важного произойти не может, – самоуверенно заявил Фертовский-старший. Можно было подумать, что он шутит, но Николай слишком хорошо знал отца. Тот,

сощурил глаза, принялся осматривать гостей.

– Конечно, – усмехнулся Николай, – отец, ты не меняешься.

– А почему я должен меняться?

– Николя, – вмешалась блондинка, пытаюсь увести разговор в другую сторону, – ты говорил, что ждешь каких-то важных персон. Они приехали?

– Нет, не все, – ответил Фертовский-младший и вдруг увидел, как в зал вошел его лучший друг, а с ним она, девушка с изумрудными глазами, испуганная, она оглядывалась по сторонам, нервно поправляла волосы, которые опять выбились из хвоста. Сколько раз Николай мечтал прикоснуться к этим волосам?! Зарыться в них, ощутив запах лета, ветра, дождя, деревни Беяниново и всего того, что могло бы там случиться. Он помнил вкус ее поцелуя, того, единственного, за который чуть не получил пощечину.

– Вот теперь приехали все, – не скрывая радости, произнес Фертовский-младший. Он торопливым шагом направился к Наде и Никите. Они его еще не видели.

– Зачем ты меня сюда притащил? – ощущая неловкость, тихо спросила Андреева у Никиты. Мало того, что она не успела причесаться, еще и одета неподходяще – простенький костюм – юбка и пиджак. – Что вообще происходит?

Тут она увидела Фертовского, который шел к ним, в следующую секунду на одном из стендов она заметила свою фотографию: большую, яркую. Руки похолодели, ноги стали

ватными.

– Почему ты не сказал мне, куда мы идем? – Андреева толкнула в бок Никиту. – Я бы хоть переоделась.

– В этом нет никакой необходимости, – заявил он, – если хочешь знать, не одежда красит женщину.

– А что? – не поняла Надя.

– Нагота, девочка моя, и это знает каждый мужчина, и Колька не исключение. Смотри, как горят его глаза! Я бы сказал, что они готовы раздеть одну прелестную девушку, догадываешься, кого?

Глава 61

Виктория села на скамью, сжалась в комок. Еще несколько минут назад такая замечательная баня, в которой она чувствовала оздоровление, сопровождаемое шумным хлестаньем веника Дарьи Осиповны, ее почти мифические рассказы, теперь все это казалось беззвучно-зловещим. Кому понадобилось красть полотенце? А может его Вика забыла в доме? Нет же, она хорошо помнила, как брала его из рук Осиповны – большое, белое, по краям желтые полосы. Принесла его в пакете, повесила на крючок. Неужели парни способны так глупо пошутить? Ну, уж Вадим точно подобным образом не шутит. Он считает себя серьезным, умным и страшно гордится собой. Хотя... хотя Осиповна дважды упоминала о его способности проказничать, его шкодливости и

умении втягивать в свои детские шалости Илью. Почему бы сейчас не вспомнить былое?

Вика вздохнула, неожиданно ей ответило эхо – тяжелое, хриплое, будто вздохнула сама баня. Корецкая поежилась. Скорей бы вернулась Дарья Осиповна!

Вика подумала об этом и повернула голову к окну. И хотя на нем висела шторка, в следующий момент девушка увидела промелькнувшую тень, шторка колыхнулась, окно вздрогнуло.

– Дарья Осиповна! – крикнула Вика, и опять ей ответило жуткое эхо. Оно прокатилось по всей бане, отталкиваясь от стен, затем исчезло на полке, где живет банник. Дарья Осиповна сказала, что именно там. Неужели...

В ответ на мысли Виктории зашипели камни, словно на них плеснули водой. Повалил пар. За окном опять промелькнула тень. Корецкая поняла, что сходит с ума. Страх был таким сильным, что она в одну секунду поверила во все рассказы Дарьи Осиповны. Поверила и ужаснулась. Здесь, в этой бане, обитал самый настоящий злой дух, и он решил наказать именно её – Викторию Корецкую! А ведь было за что! Именно в бане эта глупая девка решила околдовать парня да еще в магическую ночь. Она потревожила нечистую силу, прибегла к ее помощи. Но даже ребенку известно, что за все приходится расплачиваться. И что теперь? Вадим ее не любит, а расплата за грех неминуема. Как там рассказала в быличке Дарья Осиповна: мужика еле спасли? Но за него

боролись люди, жена, молилась знахарка! А что же остается Вике – погибнуть?

Она часто-часто задышала, не понимая, что от дикого, животного страха ей просто не хватает воздуха. Господи, умереть здесь и сейчас? Так нелепо, в чужой бане? За то, что она всего лишь раз оступилась! Но ведь успела раскаяться и попросить прощения.

Вику затрясло, кожа покрылась мурашками, стало холодно, даже забил озноб, несмотря на жару в бане.

«Не хочу умирать, – пронеслось в голове, зубы отбивали дробь. Веник, которым ее хлестала Осиповна, выпал из кадки. – Сейчас он начнет меня хлестать, – еле шевелящимися губами произнесла Вика, – и захлещет до смерти». Она смотрела на веник расширенными от ужаса глазами и ждала. Сейчас...

Неожиданно погас свет. Это обстоятельство вывело Корецкую из ступора, заставило ее завизжать чисто по-бабьи и ринуться к выходу.

Сама не понимая, как в кромешной тьме, она нашла выход, Вика выскочила в предбанник. В считанные секунды она натянула костюм на влажное распаренное тело и, схватив куртку, выскочила на улицу. Бежала к дому, не чувствуя ни холода, ни расстояния. В голове билась лишь одна мысль: «Спасись!»

В коридоре стоял Илья, Виктория прямиком попала в его объятия. От пережитого кошмара разревелась, не в силах

что-либо объяснить.

– Ну, что ты, – Илья прижимал ее к себе и гладил по волосам, – успокойся, все хорошо!

Но Виктория была безутешна, она всхлипывала, нервно икала, терла глаза и опять плакала.

– Все хорошо, – Илья достал платок. Они стояли в коридоре и обнимались. Рыдания Вики становились все тише.

Вера Ильинична остановила нянюшку, которая шла с полотенцем. Теперь уже поздно, Вика сама прибежала в дом. И очень хорошо, что ей именно сейчас встретился Илюшенька.

– Успокоилась? – спросил Илья, глядя Вике прямо в глаза. Она подняла голову и тоже не сводила с него глаз. Красивый мужчина, опять убедилась в этом, черты лица просто классические, мимика живая. Наверное, студентки от него без ума, ведь Вера Ильинична упоминала, что сын преподает. Неужели ни одна девушка ему не сумела понравиться?

– Илья, – растерянно произнесла Виктория.

Он стал приближаться к ее губам, руки мягко гладили плечи. Такой уютный в своем теплом белом свитере, с васильковыми глазами и просто завораживающей улыбкой...

Но Вика на его поцелуй не ответила. Она сделала шаг назад, крепче прижала к себе куртку, словно пыталась с ее помощью создать непреодолимый барьер, который остановит Илью. На лице Виктории Илья увидел смятение и страх. Чего она боялась? Он никогда не станет ее принуждать, не так воспитан.

– Мы не должны, – Виктория сглотнула комок в горле.

– Почему? – удивился он. – Мы – два свободных человека, не связанных ни узами, ни обязательствами, ни обещаниями. Мы приятны друг другу, разве я не прав?

– Но ведь мы знакомы всего несколько часов, – попыталась возразить Вика. Сейчас ей самой это было странно слышать, раньше она не стала бы задумываться о таких вещах, руководствуясь девизом: бери от жизни все!

– И что? Разве это преграда? История знает ни мало случаев, когда люди влюблялись с первой секунды и жили счастливо до самой смерти. Неразумно отказываться от того, чего ты не знаешь. Или же есть иные причины твоего отказа?

Корецкая молчала. Илья воспринял ее молчание как раздумье.

– Вот видишь! – сказал он. – Я ощутил, что ты мне близка с той самой минуты, как увидел тебя, Виктория. И это не только из-за того, что ты удивительно хороша собой, в тебе чувствуется необузданная, безумная страсть, которая готова вырваться из-под контроля, которой чужды всякие запреты и условности, она способна свести с ума, – с этими словами Илья опять потянулся губами к Виктории.

– Илья, прости, но.., – Корецкая отошла в сторону, надела куртку, в кармане которой нашла очки, о них совсем забыла. – Спасибо тебе за откровение, это лестно для любой девушки, ты, наверное, партия, о которой можно только мечтать, но не для меня.

– Но почему? Ты отказываешь мне вот так, сходу, без видимых причин. Я настолько тебе неприятен?

Она покачала головой.

– Нельзя любить одновременно двух мужчин, – ответила просто и подумала о том, что совершает самую большую глупость в своей жизни. Ведь Вадим не отвечает ей взаимностью и на что-то надеяться – тешить себя иллюзиями, терять время, – мое сердце занято. И пусть у меня нет шансов, он не любит меня, я не могу забыть его вот так быстро, сразу...

– Прости, – коротко сказал Илья и тронул ее за плечо.

– За что?

– Думаю, тебе есть, за что нас прощать.

– Нас? – удивилась Виктория. Илья, досадливо махнув рукой, поспешно ушел.

– Ты все слышал? – спросил он у Вадима. Тот почесал щеку. Илья начал злиться. – Никогда в жизни я больше не стану петь под твою дудку, Вадим Зорин, ты понял? Это уже не детские игры! И такие проверки плохо кончаются. На месте Виктории я бы презирал тебя, но она, к сожалению, не может этого, потому что влюблена в такого кретина, как ты.

– Так ты считаешь, что она все-таки любит меня? – усмехнулся Вадим.

Илья закатил глаза.

– Тебе нужен не друг-психолог, а врач-психотерапевт, а лучше – клиника. Зоря, ты – клинический дурак.

– Если ты называешь меня Зорей, значит, злишься по-настоящему, – резюмировал Вадим и примиряюще улыбнулся.

– Я больше не могу с тобой разговаривать, – Илья недобро сверкнул глазами, – не могу и не хочу, – он пошел в гостиную.

– Между прочим, – крикнул вслед Вадим, – мог бы и не лезть к ней целоваться! Достаточно было бы объяснения!

– Переживешь! Это плата за твою глупость.

Глава 62

– Виктория, – Вадим нашел ее сидящей прямо на полу. Не поднимая головы, Корецкая тихо сказала:

– Отвези меня, пожалуйста, в гостиницу.

– Нам надо поговорить, – произнес Вадим решительно.

– Я не хочу больше ни о чем разговаривать, – Корецкая поднялась с пола. – Ты отвезешь меня в гостиницу, мы разбежимся в разные стороны и никогда не увидимся. Так будет лучше для всех, для меня особенно.

– Виктория, – Вадим схватил ее за плечи, она вырвалась.

– Я пойду к машине, подожду тебя там. Пожалуйста, извинись за меня перед хозяевами, – Вика решительно направилась к выходу.

Она вышла, на мгновение остановилась на лестнице, вдохнула холодный ночной воздух северного пригорода. Все было позади, Виктория почувствовала, как ее отделяет всего

лишь шаг от того, чтобы навсегда вычеркнуть Вадима из своей жизни, решительно, бесповоротно, перестать думать о нем и на что-то надеяться.

Через несколько минут из дому вышел Вадим.

– Замерзла? – заботливо спросил он, все еще ощущая неловкость – пришлось объясняться, лгать, извиняться, Илья вообще не пожелал с ним разговаривать. Вера Ильинична не скрывала огорчения от поспешного бегства Виктории, она именно так и сказала.

Автомобиль выехал из поселка, перешел на третью скорость, потом на четвертую, на трассе было мало машин. Стрелки часов двигались к двенадцати. Мелькали дорожные знаки, синие указатели. Вадим нервно кусал губы, он не видел лица Вики. Та глубоко натянула капюшон да еще отвернулась. Ее молчание было просто убийственным, так казалось Вадиму.

– Честное слово, я хотел, чтобы тебе понравилось в гостях, – трудно было подбирать слова. Ах, как трудно! Оказывается, гораздо проще язвить, насмеяться и умничать, давая понять оппоненту, что ты явно превосходишь его и по уму, и по интеллекту, и ... Нет, по части душевной доброты у Зорин превосходства не было. Не хватает ему этого.

– Зачем ты втянул в свои игры Илью? – не поворачиваясь, спросила Виктория.

– Какие игры? – удивился Вадим. – О чем ты?

– Он, может, и хороший психолог, но не очень талантлив.

вый актер.

– Поэтому ты ему и отказала? – выдал себя Вадим.

Она резко скинула капюшон, повернула голову: на щеках блестели слезы.

Вадим торопливо припарковался на обочине. И вовремя это сделал, потому что Корецкая бросилась на него с кулаками.

– Чертов дурак! Ты неспособен даже на простой мыслительный процесс. Кроме того, ты бессердечный и бесчувственный!

Вадим, не дав ей возможности драться, схватил Викторину за запястья.

– Что еще? – его тон опять стал насмешливым. Самое главное, что Вику удалось вывести из молчания. Пусть оскорбляет, упрекает, даже дерется, лишь бы не безмолвствовала так угнетающе. – Какие еще у меня недостатки?

– Дурак!

– Это уже было, повторяться не стоит, – заметил он.

– Негодяй!

– Это уже лучше. Продолжай!

– Не хочу иметь с тобой никаких дел.

– Ну, пока мы еще и ничем не занимались. Кроме как в бане, конечно. Но это было давно, и я уже успел запомнить, как ты меня соблазняла. Может, попробуем вспомнить?

Она непонимающе уставилась на него, шутит или нет? Конечно, издевается, как всегда!

Вика дернулась, чтобы ударить Вадима, но он крепко держал ее за руки.

– Пусти! – потребовала она.

– Если бы я был уверен, что не заработаю синяков на физиономии, я бы подумал над тем, чтобы отпустить твои изящные запястья, но что-то говорит мне о том, что ты не станешь вести себя как светская дама. А мне совсем не хочется портить свой фасад, он мне еще пригодится.

– Можешь катиться со своим фасадом на все четыре стороны!

– Я бы рад, но не могу. Увы, но сейчас мы в моей машине и мне бы не хотелось бросать ее на дороге.

– Тогда уйду я! – Виктория дернулась сильнее, но Вадим только усмехнулся. Самодовольный нахал, который никогда в себе не сомневался и был уверен в своей правоте. Он считал, что ему позволен сарказм и насмешка над теми, кто, по его мнению, заслуживает этого. – Отпусти меня, Вадим Зорин! – Вике было уже не до шуток. – Ты так ничего и не понял. Люди не марионетки и ими нельзя манипулировать.

– Кто бы говорил, – вставил он.

– Да, это говорю я! Потому что в полной мере ощутила это на себе и сумела сделать выводы. Но это не дает тебе право вести себя подобным образом. Если ты решил наказать меня и проучить, то миссию свою выполнил, можешь удовлетвориться содеянным. Только сейчас прошу тебя об одном: пожалей хоть чуть-чуть, отпусти меня.

– Не могу, – Зорин покачал головой, – ты мне стала дорога.

– Я не стану больше терпеть твои выходки и эксперименты над собой. У меня тоже есть сердце, хоть ты в это и не веришь.

– Знаю, и оно любит меня.

– Нет, не любит! – закричала Виктория. – Уже не любит!

– Но ведь ты сама признавалась мне в этом и потом...

– Я поняла, что ошиблась, – Вика прищурила глаза, еще секунда, и она сама поверит в это. – Такое легкомысленное существо, как я, неспособно на настоящие и глубокие чувства, по своей природе я не могу на чем-то долго задерживать свое внимание. Поэтому, Вадим, я больше не люблю тебя и давай на этом поставим точку.

– Лгунья! – он сразу понял, что она не хочет говорить правду, обиды захлестнули ее слишком сильно, они стали диктовать свои правила игры. Женщина всегда идет на поводу у своих чувств, впечатлений и того, что ей кажется. – Ну, хватит!

Зорин одним движением снял с Виктории очки и, не дав ей опомниться, впился в губы поцелуем. Она больше не могла сопротивляться, борьба с собой – самая изнурительная борьба.

Они целовались и целовались, обнимали и ласкали друг друга так долго, словно ждали этого целую вечность. Вадим навалился на Викторию всем телом и с жадностью целовал

ее губы, щеки, глаза, никак не мог остановиться. Он целовал Викторию без всяких приворотов. И ему этого хотелось больше, чем когда-либо. Почудилось, что он на крыше мира и Вселенная у его ног. Раскинув руки, он дышит полной грудью и впитывает силу ветра, солнца, он падает в небо и летит...

– Мы сошли с ума, – сказала Вика, понимая, что все-таки надо попридержать коней, иначе, поддавшись безудержной страсти, они прямо здесь и сейчас начнут раздеваться.

– Я хочу быть с тобой, – хрипло произнес Вадим. Он в упор смотрел на Викторию, густые черные ресницы даже не моргали, зрачки расширились, – кажется, я люблю тебя, Корецкая!

Она счастливо засмеялась, тоненько, словно зазвенела.

– Тогда почему все время ты мучил меня?

– Я не был уверен.

– В чем?

– В том, что ты любишь меня, – Вадим вздохнул. – Знаешь, чего больше всего на свете боится мужчина? Быть смешным! Я не хотел, чтобы ты смеялась над моими чувствами. Я не хотел участи Антона, зная его историю.

Она покачала головой.

– Ты еще глупее, чем я думала. Вадим, неужели ты не заметил, как я смотрю на тебя, как я слушаю тебя, ловя каждое слово, ради тебя я изменилась не только внешне, но и внутренне. И знаешь, мне понравилось уметь.

*«Умненькая учища
над столом склоненная,
щурится, очкарища,
вредница-ехидница...¹⁰»,*

– процитировал Вадим.

Виктория засмеялась.

– Скажи честно, ты в Питер поехал из-за меня?

– Хочется слукавить, но опасаясь очередной вспышки гнева и кулаков, – пошутил Вадим, – конечно, из-за тебя. В какой-то момент я осознал, что соскучился по тебе. Это произошло внезапно, но несомненно, что в душе что-то осталось после той ночи. Поэтому я поехал в Беляниново, так как осенью уже перебрался в город. Я бродил по полям, по лесу, ходил к реке. О многом думал, многое вспоминал и пришел к выводу, что меня еще никогда так не любила женщина. Все твои выходки, интриги, даже козни были продиктованы желанием завоевать меня. Тогда я это не воспринимал. А сейчас, сейчас словно глаза открылись. И мне захотелось тебя увидеть. Но потом...

– Потом ты испугался, – догадалась Виктория.

– Да, – признался Вадим, – я не подумал о том, что за прошедшие месяцы ты могла меня просто разлюбить, забыть. И была бы права, в Беляниново я вел себя не очень-то любез-

¹⁰ А.Ш. Левин «Серенькая учища»

но, выказывал свое пренебрежение, даже неприязнь, демонстративно избегал общения, даже грубил. Как ты могла влюбиться?

– Если бы я знала этому объяснение.

– Я счастлив, что ты его не знала, не знаешь и по сей день, – Вадим плотоядно посмотрел на ее губы. – Поцелуй меня, – потребовал он.

– Я должна подумать, – Виктория показала ему язык.

– Что ты хочешь за поцелуй? – деловито осведомился Вадим.

– Выйди из машины и громко крикни, что любишь меня.

Они вернулись в Москву во вторник утром. Ехали на машине всю ночь, однако Вадим не чувствовал усталости, прилив сил был потрясающим, хотелось горы свернуть. Москва их встретила ярким, почти весенним солнцем, выпавший снег успел растаять, превратившись в блестящие на солнце лужи. Конечно, снег еще выпадет и наступит настоящая зима с морозами, Новым годом, Рождеством и обязательно с надеждой на счастье.

Вадим втиснул автомобиль между другими на узкой парковке недалеко от цветочного магазинчика, в котором, не раздумывая, купил орхидеи.

– Филипп, мы же вышли просто на прогулку, – возле витрины с розами стояли двое. Девушка обернулась, увидела Зорина. Внезапно ее лицо осветилось улыбкой.

– Вадим?

Услышав свое имя, он повернул голову.

– Настя, – только и сказал, не поверил своим глазам. Встреча была настолько неожиданной, что оба растерялись, хлопали ресницами и улыбались.

– Настенька, – Филипп взял ее за руку, и только сейчас Вадим заметил, что она не одна. «Муж», – догадался он и вдруг обратил внимание на живот Насти. Да она беременна!

– Дорогой, – Настя ласково посмотрела на мужа, – познакомься, это Вадим – мой хороший друг. Филипп – мой муж.

Они пожали друг другу руки.

– Настенька, – Филипп говорил по-русски с явным акцентом, – если хочется, общайтесь, а я пока выберу букет.

Настя благодарно кивнула.

Вадим помог ей выйти на улицу, придерживав тугую дверь.

– Я так рад, что тебя встретил, – сказал Вадим, – это неожиданно, но приятно, честное слово. Надеюсь, что у тебя все хорошо?

– Да, я счастлива, мы ждем ребенка, – Настя посмотрела на свой небольшой, но уже округлившийся животик. – Мы помирились с Филиппом, я вернулась к нему. Вадим, все, что тогда произошло...

– Не надо, Настюша, – он остановил ее, – не надо ворошить прошлое. Пусть все останется как есть. И если я в чем-то виноват, то прости меня, хорошо?

– Ты тоже на меня не сердись, – она протянула руку, Ва-

дим легонько пожал ее, – ведь благодаря именно тебе, я смогла преодолеть одну из самых тяжелых депрессий своей жизни. Ты был для меня светом спасения.

Вадим смущенно улыбнулся.

– Орхидеи для девушки? – хитро подмигнула Настя.

– Для моей невесты, – ответил Вадим, – она в машине, спит. Мы только что вернулись из Санкт-Петербурга.

– Искали сокровища ее предков?

– Лучше, – засмеялся он, – искали друг друга.

Почувствовав поцелуй на губах, Виктория открыла глаза.

– Мы уже в Москве? – она потянулась.

– Вика, ты любишь орхидеи? – Вадим что-то прятал за спиной.

– Я люблю орхидеи, люблю просыпаться от твоих поцелуев, – начала перечислять она, – люблю, когда на тебе джинсы на размер меньше, люблю, когда ты не отвечаешь на мои вопросы и ...

– А кошка в коридоре в Беляниново? – вспомнил Вадим.

– Ладно, люблю и кошку. А самое главное...

– Самое главное, – перебил ее Вадим, – самое главное, что я люблю тебя, Виктория Корецкая!

Глава 63

– Наденька, я звонил Вам, – подходя к ней, с чувством

произнес Николай.

Андреева, увидев его, обомлела: эlegantный, в строгом костюме, он был похож на жениха, который счастлив, что дождался свою невесту. Надя даже смутилась от своих мыслей.

– Да, Никита мне сказал, но я не знала, что он привезет меня сюда, – принялась оправдываться Надя, посмотрев по сторонам.

Фертовский не успел ничего ответить, как почувствовал, что его взяли под руку.

– Коленька, может, представишь нам свою новую гостью? – это была та самая блондинка, которая сопровождала его в театре. Сегодня она выглядела еще более экстравагантно и смело. Демонстративно оглядела Надю с ног до головы и осталась вполне довольна увиденным: эта толстая девица ей не соперница!

– Надежда, – представил Андрееву Фертовский и аккуратно освободился от руки блондинки.

– Лана, – последняя произнесла свое имя нараспев.

Возникла неловкая пауза, и Николай, интуитивно ожидая со стороны Ланы подвоха, поспешил увести Надю. Так хотелось ей показать выставку, особенно, лучшие фотографии, хотелось услышать ее мнение. Хотелось просто слушать ее голос, смех, смотреть на нее.

Надя позволила себя увести и не пожалела об этом. То, что она увидела, потрясло ее больше, чем там, в Беляниново. Здесь портреты были большими, выразительными, Надя

от удовольствия даже покраснела. Ее еще никогда такой не видел ни один мужчина...

Это были не просто прекрасные снимки, это был не просто профессионализм, здесь отразились все чувства человека, вся его нежность, теплота и любовь к своей Музе.

– Николай, спасибо Вам за праздник! – искренне сказала она. Фертовский смутился.

– Я должен бы попросить у Вас прощения, – сказал он.

– Прощения?

– Да, я так и не вернул снимки.

– Они Ваши, – Надя несмело прикоснулась к его руке, – и знаете что, я рада, что они остались именно у Вас, Николай. Я о многом думала после того, как вернулась из Беляниново...

– Владимир Григорьевич, – Лана начала нервничать, наблюдая за тем, как Николай не отходит от этой странной девицы, как знакомит ее со всеми, улыбается ей, как, наконец, смотрит на нее. Все это неспроста. Фертовский ускользал от Ланы как песок через пальцы. Сколько потрачено сил, сколько унижений и слез, неужели все напрасно?! – Вы должны поговорить с Николя, – с истерикой в голосе сказала она, – это же невысказано, посмотрите, что творит Ваш сын?

Фертовский-старший решительно подошел к Николаю.

– Нам надо поговорить, – жестко заявил отец, – наедине, – добавил, глянув на Надю, та стушевалась. Он, действительно, был властным, и требовалось много душевных сил и

стойкости, чтобы ему противостоять. Бедный Коленька!

Надя поймала себя на том, что смотрит на Николая с заботливой нежностью и сочувствием. Ей захотелось пожалеть его.

– Простите, Наденька, я скоро, – он ободряюще улыбнулся и пошел за отцом.

Найти уединенное место среди такого количества народу оказалось делом непростым. Всюду попадались гости, друзья, знакомые, все поздравляли Николая с успехом, интересовались планами на будущее. И без того накрученный Ланой, Фертовский-старший стал злиться еще больше. Он почти рычал.

Наконец, в помещении, где хранился старый театральный реквизит, возле заброшенной пожарной лестницы, Владимир Григорьевич счел, что здесь их никто не потревожит.

– Итак, отец, – нетерпеливо произнес Николай. Ему очень хотелось вернуться в зал, к Наде. Там все только начиналось.

– Что ты делаешь? – начал без обиняков отец. Нечего разводить церемонии, надо, пока не поздно, вправить мозги этому мальчишке. Один раз он уже сделал глупость, и Фертовский-старший буквально с ума сходил, что не мог изменить ситуацию. Сын тогда был слеп и глух и поступил по-своему. Но время расставило все на свои места.

– О чем ты?

Надя почувствовала руку на своем плече, резко оберну-

лась. Лана улыбалась так приторно, что Андреева поняла все, что ей желает сказать эта белокурая «вешалка». Вешалка не потому, что она худая, а потому, что она вешалась на Николая, и Надя заметила это сразу, с первой секунды.

– Детка, а не пора ли тебе домой? – нагло заявила блондинка. – Мало того, что ты без приглашения, да еще безвкусно одета. Хотя, – она окинула взглядом ее фигуру, – с таким весом крайне сложно подобрать что-то стоящее.

В другой ситуации Надя смутилась бы, расстроилась. Но сейчас на нее со всех сторон смотрела она сама, такая красивая, воздушная, легкая, созданная любящей рукой прекрасного художника, удивительного человека и лучшего мужчины. Стать Галатеей суждено не каждой.

– Самое стоящее у меня уже есть, Ланочка, – ответила Надя, усмехнулась. Она аккуратно сняла ее руку с плеча и направилась к одной из своих фотографий, встала возле неё. – Когда ты смотришь сюда, что тебе приходит в голову?

Блондинка оторопело молчала.

– Кстати, почему «Лана»? Что за имя такое? Похоже на название моего средства. Ах, нет, я вспомнила – это название антистатика.

Слушая отца, Николай с грустью думал о том, что отец, не придумав ничего нового, повторяется. Все то же высокомерие, нескрываемое превосходство и отсутствие умения признавать свои ошибки, раздражающе-стойкое убеждение

в собственной правоте и непогрешимости. Единственное, в чем он прав и быстро догадался: сын влюблен. И, конечно же, по всем статьям девица ему не пара, в отличие от Ланы.

– Папа, – Николай перебил поток, казалось бы, убедительной речи. Убедительной, так решил Фертовский-старший, ведь до сего момента сын молчал, – ты напрасно тратишь и время, и силы.

В этот момент Надя увидела их и неслышно подошла к лестнице.

– Мне плевать на все эти глупости, связанные с происхождением, мне глубоко безразличен тот социум, которым ты так гордишься. Я устал от этой ноши, которую ты зачем-то повесил на меня. Наверное, для того, чтобы как-то разнообразить свою скучную жизнь. Я хочу просто жить и быть счастливым. А для этого мне нужна Надя и только она. Отпусти меня, отец, оставь в покое.

Мир не таков, как ты утверждаешь. Очертания нечетки, оттенки имеют гораздо большее значение. Ничто не бывает только черным или только белым, зло может оказаться переодетым добром, а безобразия – закамуфлированной красотой, одно не исключает другого. Позволь мне самому решать, что правильно, а что нет, что надо мне, а что мне совсем не подходит, чем я живу, дышу, люблю, наконец.

Владимир Григорьевич стал багровым.

– Один раз я уже позволил тебе...

– Тогда не было Нади, – возразил Николай, – я долго шел

к ней, долго искал ее. Конечно, все не так просто, и я пока точно не знаю, как она теперь ко мне относится.

– Что?! – отец подумал, что ослышался. Эта девица еще и капризничала! Да она должна быть счастлива лишь тем, что его сын обратил на нее внимание, не говоря уже о чем-то ином!

– Но я не теряю надежды, что у меня появится шанс...

– Шанс?! Да ты в уме ли?

– Еще никогда я не был так разумен, поверь. Еще никогда я так не мечтал о женщине, быть рядом с ней, любить ее, сделать счастливой. Я, не задумываясь, сделал бы ей предложение и был бы рад твоему благословению.

– Никогда! – отрезал Фертовский-старший и, гордо подняв голову, направился к выходу. Вдруг увидел Надю, от распившей его ярости, не смог произнести ни слова. Прошел мимо. Она подошла к Николаю.

– Я согласна подумать, – сказала тихо.

– Ты все слышала? – он, сам не осознавая, перешел на «ты». – Подожди, согласна подумать над чем?

– Ты что-то говорил о том, что собираешься распрощаться со своей холостой жизнью? Или я не поняла?

Николай смутился, закрыл лицо руками, потер веки. Не ожидал, что Надя услышит именно это. Он, когда-то, получив от нее такой резкий отказ, теперь опасался торопить события.

– Да, – наконец Николая решился, – я говорил отцу, что

хочу сделать тебе предложение. Но я не знаю, смею ли... – он поднял на Надю тревожные глаза, – ты хочешь стать моей женой?

– Стать Вашей женой, мистер Дарси? – Надя засмеялась, откинув голову. Она сорвала заколку, и пушистые волосы упали на плечи. – Если Вы дадите мне время на раздумье, обещаю, что не стану долго Вас мучить. Хотя, – она сделала паузу, – мне кажется, ответ очевиден.

– Правда? – Николай не мог в это поверить. Все получилось так, как он, и мечтать не смел. Спасибо отцу!

– Да, – подтвердила Надя. – Вот только есть один невыясненный момент.

– Какой? Все, что пожелаешь, – Николай сделал к ней шаг, еще один, поправил волосы, затем притянул её к себе.

– Как же восхитительно ты целуешься, – она едва успела договорить...



Эпилог

Она вернулась домой далеко за полночь. За один единственный вечер её жизнь, словно бурная река, так долго бьющаяся о непреодолимую каменную стену фатального невежества, неверия в собственные силы и близкую удачу, перестала гибельно бросаться туда, где ей никогда не было пути. Она просто повернула в другом направлении и, почувствовав свободу, лёгкую, головокружительную, ничем и никем несдерживаемую, устремилась вперед. Там не было тех, кто, как милостыню, давал ей псевдоверу в возможность счастья, там не было тех, кто не умел, да и не хотел познать всю глубину её неповторимой, ни на кого не похожей, так исстрадавшейся женской души. Но там был тот, кому она нужна как живительный глоток воздуха в вакууме происходящих в его жизни событий. Он успел познать многое: финансовый достаток, триумф побед в профессиональной деятельности, славу узнаваемости в определенных кругах, лёгкую добычу в приключениях, где в награду ему доставались те, о ком иные могли только мечтать. Однако душа его все больше томилась в беспросветном поиске той, которая бы нарушила его внутреннее безмолвие, выпустила жаждущую птицу, отомкнув холодные засовы, обожгла, но не опалила, напротив, пылаю-

щим огнём расправила крылья сердца. Её глаза, руки, волосы...

Всё это слилось в единый едва ли не мистический образ его возлюбленной. И вдруг стало так легко, что он даже сначала не поверил в это! Но её внутренний свет так притягивал к себе, так неумолимо манил, что он понял: сопротивление или её потеря сродни гибели его души. Он впервые услышал шелест утренних звёзд...

Он проводил её до квартиры, и они ещё долго стояли в неопрятном подъезде, где были обшарпаны стены, замусорены углы, где скудно горели лампочки, а за дверями квартир уже крепко спали. Эти двое, молча, смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Их уста были сомкнуты, но как никогда, сейчас слова казались пожухлыми листьями, они ничего не значили. Оказывается, можно говорить и без слов. Он умел это в совершенстве. Глаза, светящиеся в полумраке, смотрели на нее так, что она не сомневалась: её любят, глубоко, искренне. Губы – их касалась улыбка, которая была предназначена именно ей – восхищенная улыбка, она удивительно шла ему.

Она ощущала внутри себя такое спокойствие и умиротворенность, такое согласие с самой собой, что могла только изумляться. Раньше она думала, что любовь к мужчине должна начинаться со страсти, с поглощающего все естество чувства, с захватывающих желаний, с бессонных ночей, постоянных до одури мыслей о нём, ни минуты не давая себе

передышки, и дикого, временами неконтролируемого страха всё потерять. Но сейчас всё иначе. Да, ей хотелось смотреть на него, слушать его, узнавать его, но неторопливо, без суеты и любовной спешки, без скоропалительных выводов, которые так характерны для пылких, порой выдуманных, чувств. К ней приходила любовь женщины, пропитанная мудростью.

– До завтра? – наконец сказал он и, нехотя, отпустил её руки. Она кивнула. Ещё раз глянула в его бархатные глаза. Теперь, именно теперь ощутила исходящий от него магнетизм и настоящую мужскую привлекательность.

Он начал спускаться по лестнице. Ей ещё раз так захотелось поцеловать его, хотя они сегодня за вечер это сделали множество раз, что она не выдержала и позвала его. Ни секунды не колеблясь, он молниеносно одолел два пролёта и, прижав её к себе, поцеловал. Как он целовал! Можно было сойти с ума лишь от одних поцелуев. Она понимала, что его умение не обусловлено опытом. Порой даже самая филигранная работа не может сравниться с тем, что дано свыше. В его поцелуях, в его прикосновении трепетала сама душа. И эта душа становилась ей понятнее и дороже.

– Сердечко моё, – тихо сказал он, обжигая её своим дыханием.

Он вышел на улицу под летящий влажный снег, поправил шарф, запахнул пальто и широким шагом направился к машине. Перед тем, как сесть в неё, обернулся и ещё раз по-

смотрел на окно, в нём единственном горел свет. Через секунду штору отодвинули. Он знал, что любимая обязательно проводит его взглядом. А она загадала: если он обернется, значит всё, что с ней происходит не сон, а самая настоящая и самая чудесная из реальностей. И это только начало...